

ВЕСТНИК АРХИВИСТА

VESTNIK ARHIVISTA /
HERALD OF AN ARCHIVIST

ISSN 2073-0101

2024

№ 3

ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ
JULY-SEPTEMBER

Основан в 1991 г.
Founded in 1991

В ближайших номерах

Проблемы инертности власти при согласовании проекта Джульфа-Бакинской железной дороги в 1912–1916 гг. По материалам Архива внешней политики Российской империи

Крестьянские хозяйства Черноземного Центра в период нэпа: основные источники

Совершенно секретный отчет Е. М. Ярославского в ЦК ВКП(б) о командировке в Сибирь в ноябре-декабре 1942 г.

Советский микробиолог З. В. Ермольева в борьбе за освобождение из заключения эпидемиолога А. А. Захарова: архивные свидетельства

«Наследник», «маска», «возмутитель спокойствия»: образы политиков перестройки в СССР на страницах зарубежной печати. По материалам фонда Н. И. Рыжкова

Coming soon

Problems of inertia of the authorities during the approval of the project of the Julfa-Bakin railroad in 1912–1916. Based on the materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire

Peasant farms of the Black Earth Center during the NEP: the main sources

Top Secret Report of E. M. Yaroslavsky to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) on his business trip to Siberia in November-December 1942

Soviet microbiologist Z. V. Ermolieva in the struggle for the release from imprisonment of epidemiologist A. A. Zakharov: archival evidence

“Heir”, “mask”, “disturber of the peace”: images of perestroika politicians in the USSR on the pages of the foreign press. Based on the materials of the N. I. Ryzhkov Foundation

Вестник архивиста.ru: www.vestarchive.ru

Вестник архивиста.com: www.herald-of-an-archivist.com

Вестник архивиста.TV: www.tv.vestarchive.ru

Вестник архивиста.Vk.com: www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ (РОИА)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Анфертьев, И. А., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артизов, А. Н., доктор исторических наук, Федеральное архивное агентство, г. Москва, Российская Федерация

Афиани, В. Ю., кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Безбородов, А. Б., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Брянцев, М. В., доктор исторических наук, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

Гагиева, А. К., доктор исторических наук, Коми республиканская академия государственной службы и управления, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Иноземцева, З. П., кандидат исторических наук, заместитель главного редактора, г. Москва, Российская Федерация

Исакова, М. С., доктор исторических наук, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Калашникова, Н. П., доктор политических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Козлов, В. П., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Коровин, В. В., доктор исторических наук, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Кулинок, С. В., кандидат исторических наук, Национальный архив Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Ланской, Г. Н., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Ларин, М. В., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Мазур, Л. Н., доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Мироненко, С. В., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Государственный архив Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Петин, Д. И., кандидат исторических наук, Исторический архив Омской области, Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация

Пивовар, Е. И., доктор исторических наук, академик Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Прозорова, В. Б., кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе, г. Париж, Франция

Синиченко, В. В., доктор исторических наук, Академия управления МВД, г. Москва, Российская Федерация

Солдатова, О. Н., доктор исторических наук, Российский государственный архив в г. Самаре, г. Самара, Российская Федерация

Суровцева, Н. Г., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Трошина, Т. И., доктор исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

Тюрнина, Е. А., кандидат исторических наук, Российский государственный архив экономики, г. Москва, Российская Федерация

Хорхордина, Т. И., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Чернобаев, А. А., доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Чубарьян, А. О., доктор исторических наук, академик Российской академии наук, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

FOUNDER AND PUBLISHER

THE RUSSIAN SOCIETY OF HISTORIANS AND ARCHIVISTS (ROIA)

EDITOR-IN-CHIEF

Anfertiev, Ivan A., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Artizov, Andrey N., doctor of historical sciences, Federal Archival Agency, Moscow, Russian Federation

Afiani, Vitaly Yu., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Bezborodov, Alexander B., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Bryantsev, Mikhail V., doctor of historical sciences, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation

Gagieva, Anna K., doctor of historical sciences, Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russian Federation

Inozemtseva, Zinaida P., PhD in History, deputy editor-in-chief, Moscow, Russian Federation

Isakova, Mukhae S., doctor of historical sciences, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Kalashnikova, Nataliya P., doctor of Political sciences, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Kozlov, Vladimir P., doctor of historical sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Korovin, Vladimir V., doctor of historical sciences, South-West State University, Kursk, Russian Federation

Kulinok, Svyatoslav V., PhD in History, National Archive of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Lanskoi, Grigory N., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Larin, Mikhail V., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Mazur, Lyudmila N., doctor of historical sciences, First President of the Russian Federation B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Mironenko, Sergey V., doctor of historical sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, State Archive of the Russian Federation (GARF), Moscow, Russian Federation

Petin, Dmitry I., PhD in History, Historical Archive of the Omsk region, Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

Pivovarov, Efim I., doctor of historical sciences, member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Prozorova, Victoria B., PhD in History, head of the branch of the "Herald of an Archivist" in Europe, Paris, France

Sinichenko, Vladimir V., doctor of historical sciences, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russian Federation

Soldatova, Olga N., doctor of historical sciences, Russian State Archive in Samara, Samara, Russian Federation

Surovtseva Nataliya G., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Troshina, Tatiana I., doctor of historical sciences, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation

Tyurina, Elena A., PhD in History, Russian State Archive of Economy (RGAE), Moscow, Russian Federation

Khorkhordina, Tatiana I., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Chernobaev, Anatoly A., doctor of historical sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Chubaryan, Alexander O., doctor of historical sciences, member of the Russian Academy of Sciences, World History Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

- Марханова, Т. Ф. Планировка буддийских храмов в городе Чаньянь при династии Тан. 618–907 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 651–668, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-651-668 651
- Абеленцева, О. А. Особенности фиксации данных о вкладах в делопроизводстве Успенского Тихвинского монастыря середины XVII в. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 669–684, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-669-684 669
- Горская, Н. И. Власть и общество в условиях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: по документам Смоленского государственного архива // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 685–702, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-685-702 685
- Сухова, О. А. Обуздание Смуты: практики коммеморации в российской провинции в 1918 г. По материалам Государственного архива Пензенской области // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 703–717, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-703-717 703
- Тагирова, Л. Ф. Подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1920 г. как исторический источник // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 718–732, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-718-732 718
- Трошина, Т. И. Информационный потенциал документов бывших партийных архивов. «Дело Русанглолеса» 1920-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 733–748, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-733-748 733
- Мазур, Л. Н., Хорькова, В. М. Паспорта городов 1954 г. как исторический источник: информационный потенциал и методы исследования // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 749–765, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-749-765 749

- Ходяков, М. В. Введение карточной системы в осажденном Ленинграде летом 1941 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 766–778, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-766-778 766
- Авдашкин, А. А. Новейшая история миграций в Россию: основные источники и сюжеты. На материалах заседаний коллегии Федеральной миграционной службы 2004–2016 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 779–793, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-779-793 779
- Обзоры архивных фондов и коллекций**
- Мухина, М. В. Социально-политический состав участковых комиссий по выборам во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. По материалам Калужской губернии // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 794–809, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-794-809 794
- Научная публикация архивных документов**
- Окрошидзе, Л. Г., Юренков, А. К. Новые документы к биографии русского реставратора Андрея Филипповича Митрохина. 1765–1845 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 810–830, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-810-830 810
- Филиппова, Т. П. Дневник академика Ф. Н. Чернышева о работе российско-шведской экспедиции по градусным измерениям на архипелаге Шпицберген в 1900 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 831–848, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-831-848 831
- Сушко, А. В., Петин, Д. И. Секретная почто-телеграмма о кадровой чистке организаций и учреждений связи в Сибири. 17 августа 1928 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 849–863, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-849-863 849
- Лупанова, Е. М. «Во всех консерваториях обучаются всем видам искусства, кроме русского, национального». Письмо П. И. Нечепоренко В. М. Андрианову об исполнении и обучении игре на народных инструментах. 1950 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 864–878, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-864-878 864

Исторические исследования

- Гагиева, А. К., Шестакова, А. А. Городское управление и общественные организации г. Усть-Сысольска Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 879–895, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-879-895 879
- Галимзянова, А. Т. Периодическая печать Казанского пединститута в развитии самокритики и практики публичного покаяния в годы массовых репрессий второй половины 1930-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 896–912, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-896-912 896
- Ахметова, А. В., Ковальчук, М. А., Бобышев, С. В. Особенности подготовки национальных интеллектуальных кадров в Николаевском-на-Амуре техникуме народов Севера в 1930-е гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 913–929, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-913-929 913

Музейные и архивные коллекции

- Кротова, М. В. Судьба архива Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). 1898–1953 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 930–942, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-930-942 930

Люди. События. Факты

- Долгова, А. В. «Пермская катастрофа»: органы местного самоуправления в период Верховного правителя // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 943–959, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-943-959 943

Contents

Archive Science, Source Studies, Document Science and Archaeography Issues

- Markhanova, Tatiana F. (2024). Planning of Buddhist temples in the city of Chang'an under the Tang dynasty. 618–907, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 651–668, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-651-668 651
- Abelentseva, Olga A. (2024). Peculiarities of fixation of data on deposits in the records of the Dormition Tikhvin monastery in the middle of the XVII century, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 669–684, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-669-684 669
- Gorskaya, Natalya I. (2024). Power and Society in the Russian-Turkish War of 1877–1878: on the documents of the Smolensk State Archive, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 685–702, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-685-702 685
- Sukhova, Olga A. (2024). Obuzdanie Smuta: praktiki commemoratsii v rossiyskoy provinces v 1918 gg. Based on the materials of the State Archive of the Penza Region, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 703–717, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-703-717 703
- Tagirova, Leila F. (2024). Sub-household cards of the agricultural census of 1920 as a historical source, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 718–732, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-718-732 718
- Troshina, Tat'yana I. (2024). «Information potential of documents of the former Party archives. “The Rusangloles Case”» in 1920s, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 733–748, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-733-748 733

- Mazur, Lyudmila N., Khor'kova, Vera M. (2024).
Passports of cities of 1954 as a historical source:
information potential and methods of research,
Herald of an Archivist, no. 3, pp. 749–765,
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-749-765 749
- Khodjakov, Mikhail V. (2024). Introduction of the card
system in besieged Leningrad in the summer of 1941,
Herald of an Archivist, no. 3, pp. 766–778,
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-766–778 766
- Avdashkin, Andrey A. (2024). The recent history
of migration to Russia: main sources and plots.
On the materials of the board meetings
of the Federal Migration Service 2004–2016,
Herald of an Archivist, no. 3, pp. 779–793,
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-779-793 779
- Archival fonds and collections synopsis**
- Mukhina, Marina V. (2024). Socio-political composition
of precinct commissions for elections
to the All-Russian Constituent Assembly
in November 1917. On the materials of Kaluga
province, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 794–809,
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-794-809 794
- Scientific Publication of Archival Documents**
- Okroshidze, Liya G., Yurenkov, Artyom K. (2024).
New documents to the biography of the Russian
restorer Andrei Filippovich Mitrokhin. 1765–1845,
Herald of an Archivist, no. 3, pp. 810–830,
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-810-830 810
- Filippova, Tat'yana P. (2024). “The diary
of Academician F. N. Chernyshev on the work
of the Russian-Swedish expedition on degree
measurements on the Svalbard Archipelago
in 1900”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 831–848,
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-831-848 831

- Sushko, Alexey V., Petin, Dmitry I. (2024). Secret postal telegram on personnel purge of organizations and institutions of communication in Siberia. August 17, 1928, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 849–863, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-849-863 849
- Lupanova, Evgenia M. (2024). «“All conservatories teach all kinds of art except Russian, national art”. A letter from P. I. Necheporenko to V. M. Andrianov about performing and teaching folk instruments. 1950 г.», *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 864–878, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-864-878 864

Historical Research

- Gagieva, Anna K., Shestakova, Anna A. (2024). Urban management and public organizations of Ust-Sysolsk, Vologda Province in the second half of the XIX – early XX century, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 879–895, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-879-895 879
- Galimzyanova, Alina T. (2024). Periodical press of Kazan Pedagogical Institute in the development of self-criticism and the practice of public repentance in the years of mass repression in the second half of the 1930s, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 896–912, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-896-912 896
- Akhmetova, Anna V., Kovalchuk, Mikhail A., Bobyshev, Sergey V. (2024). Peculiarities of training of national intellectual personnel in Nikolaevsk-on-Amur technical school of the peoples of the North in the 1930s, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 913–929, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-913-929 913

Museum and Archival Collections

- Krotova, Maria V. (2024). Fate of the archive of the Chinese Eastern Railroad (CEL). 1898–1953 years, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 930–942, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-930-942 930

People. Events. Facts

- Dolgova, Angela V. (2024). “Perm catastrophe”:
local self-government bodies in the period
of the Supreme ruler, *Herald of an Archivist*,
no. 3, pp. 943–959, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-943-959 943

**ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ**

**Archive Science, Source Studies, Document Science
and Archaeography Issues**

Научная статья

УДК 93/94+364.14+394.011+294.311.61+294.311.23+294.321+130.2+17.023.36+651.5+394.012+002.6+930.253+692.2+69.036+69.009.1+930.22+930.255+006.95+394.014+394.48+394.6+394.944+395.3+711.00+712.00+712.01+712.5

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-651-668

Для цитирования

Марханова, Т. Ф. Планировка буддийских храмов в городе Чанъань при династии Тан. 618–907 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 651–668, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-651-668

Марханова, Т. Ф.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

**Планировка буддийских храмов
в городе Чанъань при династии Тан. 618–907 гг.**

Постановка научной проблемы. Исследования китайского буддизма – это область, накопившая огромную литературу на китайском, японском и западных языках. В ней традиционно доминируют ученые, выделяющие в буддизме чисто духовную традицию спекулятивного мышления. Литература в основном сосредоточена на изучении текстовых традиций, таких как переводы и комментарии санскритских писаний, а также на написании китайских апокрифов, агиографий и мистических произведений, таких как чаньские антологии. Традиция изучения китайского буддийского искусства также сосредоточена на древних скульптурах (и в гораздо меньшей степени живописи), шедевры которой давно разграблены

и нашли свое применение в различных музеях мира: их изучают в основном без какой-либо ссылки на их физический контекст. Однако в XX в. начала серьезно изучаться и организация монастырей. Источников для таких исследований существует множество: помимо священных и поэтических произведений, монахи и монахини прошлого оставили нам большое количество историографических работ; существуют сотни монастырских справочников XVI–XX вв., которые были переизданы; десятки тысяч надписей на камнях – важнейший источник по социальной истории религиозных институтов в Китае.

Монастырские географические справочники и каменные надписи содержат множество карт монастырских комплексов. Хотя большинство монастырей было разрушено, немалое количество частично восстановлено. Их можно изучать как на предмет архитектурной ценности, так и на предмет монашеской жизни. Самые старые буддийские здания, сохранившиеся до наших дней, датируются только VIII в., но более древние объекты, такие как многочисленные пещеры с росписью и скульптурами, свидетельствуют о монументальном искусстве китайского буддизма более ранних периодов. Археологами обнаружено множество свидетельств буддийской архитектуры в полупустынных районах Шелкового пути; в самом Китае были раскопаны части монастырей, в частности ступы, а под землей найдены новые артефакты. Наконец, в литературных и исторических источниках можно найти значительное количество письменных описаний древнейших монастырей.

Историография и источники. Исследование опирается на ограниченное количество справочных работ, а также на изучение первоисточников, таких как «Цзю Таншу» («Старая история Тан»), «Цзычжи тунцзянь» («Всеобщее зеркало, управлению помогающее»), «Сю Гаосэн чжуань» («Продолжение жизнеописания достойных монахов»), «Чанань чжи» («Записи Чанань»). Исходя из этого предпринята попытка обрисовать историческое формирование монастыря в его физическом и пространственном измерении конкретного периода, а также в контексте монашеской общины. Известно, что обширные исследования организации китайских

буддийских монастырей были проведены в 1950-х гг. дипломатом и историком Холмсом Уэлчем (1921–1981), в рамках его масштабной работы по описанию современного китайского буддизма¹. Хотя автор не смог посетить материковые монастыри, он взял интервью у более чем ста монахов, сосланных на Тайвань и в Гонконг².

С 1929 по 1933 г. Йоханнес Прип-Моллер (1889–1943)³, датчанин, работавший в Северном Китае архитектором-консультантом, посетил сотни монастырей в Центральном Китае и восстановил их планировку, чтобы понять функции и расположение различных религиозных зданий. Современная наука неизбежно опирается на основополагающие работы, одновременно используя доступные сейчас редкие исторические источники и расширяя географический охват своих исследований. В то же время изучение эволюции архитектурной планировки монастыря стало возможным благодаря выявлению и детальному изучению наиболее ранних буддийских залов архитектором Лян Сычэном в 1930-х гг.

В 1937 г. для Лян Сычэн, после изучения монастырей династий Ляо и Цзинь, самым «впечатляющим открытием» стал Фогуан сы династии Тан. В течение девяти лет он изучил более двух тысяч зданий в пятнадцати провинциях⁴. Хотя Лян и другие ученые, такие как Лю Дуньчжэнь, открывший область истории архитектуры в Китае, не интересовались религией как таковой, самые древние здания, которые они изучали, были в основном храмами и монастырями. Однако, за исключением выдающейся работы Прип-Моллера, архитектурные исследования китайских монастырей на любом языке до сих пор были посвящены в основном плотницкому делу и его эволюции от древнего Китая до эпох Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911). В работе не затрагивается религиозная архитектура как таковая, а изучаются архитектурные приемы, которые можно встретить в религиозных помещениях.

Результаты исследования. Китай называют «вторым домом» буддизма, так как во времена династии Восточная Хань учение впервые проникло в Китай, и именно в это время начинается его развитие⁵. С момента основания династии Суй в 581 г. и до конца правления династии Тан в 907 г., за 300 лет

с конца VI в. до начала X в., буддизм в Китае достигает своего пика. В этот период появилось более десяти различных буддийских сект⁶, а масштабное строительство буддийских храмов, поддерживаемое императорами и при участии государства, привело к тому, что буддийское храмовое строительство достигло своего пика⁷. При династии Суй было 3 792 храма, при династии Тан – 5 358 храмов, а при поздней династии Тан после разрушительного восстания Ань Ши – 4 600 храмов⁸. Храмы династии Тан достигли небывалых масштабов и размеров. Например, крупнейшие храмы могли иметь десятки, а иногда почти около ста дворов.

Число буддийских храмов в городе Чанъань, столице династии Тан, было беспрецедентным по количеству и масштабам; архитектура храмов была великолепна, красива и уникальна. В то время космополитический город Чанъань был не только центром китайской буддийской культуры, но и центром мировой буддийской культуры. Такая архитектура в городе Чанъань не только установила основную форму китайской буддийской храмовой архитектуры, но также оказала важное влияние на буддийскую храмовую архитектуру в соседних странах и регионах, особенно в Северо-Восточной Азии.

Правление династии Тан было периодом процветания китайского буддизма и строительства буддийских храмов в Китае⁹. «Правитель «посылал гонцов, чтобы искупить свои грехи», и вся страна строила храмы»¹⁰. «Стоимость больших [храмов] составляет миллион или около того, в то время как храмы поменьше все еще используют от 30 000 до 50 000, а приблизительная оценка общего количества используемых финансовых ресурсов превышает десятки миллионов»¹¹. Например, храм Чжанцзинсы 章敬寺 в Чанъане времен династии Тан был «чрезвычайно великолепен, даже богатства всего города [материалов] было недостаточно, поэтому район Цюйцзян 曲江 и дворец Хуацин 华清宫 были разрушены, чтобы освободить место для него, ценой более чем один триллион юаней»¹². Будучи центром буддийской культуры того времени, город Чанъань был усеян храмами и пагодами. В «Новых записях о двух столицах» (两京新记) Вэй Шу 韦述 из династии Тан записано, что в городе Чанъань во времена династии

Тан был 91 буддийский храм; в «Хрониках Чанъань» (长安志) Сун Минцю 宋敏求 из династии Сун упомянуто 104 буддийских храма. В «Исследовании двух столиц династии Тан» (唐两京城坊考) Сюй Сун 徐松 из династии Цин показал, что было 107 буддийских храмов¹³. Во времена династии Тан в городе Чанъань насчитывалось более сотни кварталов, во многих из которых находились буддийские храмы, а в некоторых даже по три или четыре храма¹⁴.

Буддийских храмов в городе Чанъань времен династии Тан было не только много, но все они также были величественными и высокими. «Храм Чанъань Цинчаньсы 清禅寺 имеет девять парящих в воздухе уровней, длинные коридоры и террасы, залы и дворы, все идеально. Поэтому бамбуковых деревьев много, вокруг сады, вода, и земля обрабатывается, в амбарах все перемалывается, а склады переполнены. Хотя Инь Ю 殷有, главный министр столицы, никогда не посещал этот храм»¹⁵. В «Жизнеописаниях достойных монахов эпохи Сун» храм Чанъань Чжуаняньсы 庄严寺 описывается следующим образом: «в храме есть несколько залов, несколько коридоров, а крыши из черепицы больше, чем сами здания. В нем есть уединенные комнаты, изящные и просторные, густой бамбук и зеленые сосны, огни свисают вниз, и вы можете заблудиться на этом пути¹⁶. Юань Жэнь 圆仁, монах, приехавший во времена династии Тан в поисках Дхармы, говорил: «В городе Чанъань более 300 буддийских залов со статуями Будды, башнями сутр и другими торжественными сооружениями, подобными Дхарме. Все они построены знаменитыми мастерами. Каждый буддийский зал или двор столь же могущественен, как большой храм в других округах»¹⁷.

Так, буддийские храмы были в основном расположены в четырех районах города Чанъань:

1) на западе города. Наиболее плотно располагались с запада до центра города, включая районы к западу и югу от Имперского города. Здесь находилось почти две трети буддийских храмов города Чанъань. Западный округ был не только главным промышленным и торговым районом и центром экономической деятельности в городе Чанъань времен династии Тан, но и международным торговым центром того времени.

В этом месте, где было сосредоточено большое количество магазинов, товаров, торговцев и людей, возникло множество буддийских монастырей. Из-за того, что рельеф города Чанъань с востока высокий, а с запада низкий, таким образом, западная часть города низменная, тенистая и влажная, политический центр династии Тан позже был перенесен во дворец Дамин 大明宮. Сановники и высокопоставленные лица империи переехали в восточную часть города, а некоторые из них отдали свои дома под храмы. Так в окрестностях западного города появилось больше буддийских храмов;

2) на востоке города. Восточная часть – один из центров ремесленного производства и коммерческой торговли в городе Чанъань времен династии Тан. Здесь сосредотачивалось большое количество разных людей. С востока до центра города и в прилегающих районах располагалось более десяти буддийских храмов, и это еще один район города Чанъань, где были сосредоточены буддийские храмы. Однако их здесь было гораздо меньше, чем в западном районе;

3) юго-восточный угол города Чанъань во времена династии Тан был живописным местом. Здесь находились красивый пруд Цюйцзян 曲江池 и сад Фужун 芙蓉園, которые были местами отдыха и развлечений для народа Тан. Здесь было также и место общественной деятельности – буддийские храмы, которых насчитывалось около семи;

4) северо-восточный угол города. В апреле третьего года правления Луншо 龙朔 (663 г.) император Гаоцзун из династии Тан переехал из дворца Тайцзи 太极宮 во дворец Дамин. С тех пор политический центр династии Тан переместился во дворец Дамин в северо-восточный угол города. Вследствие этого в северо-восточном углу города Чанъань появилось несколько буддийских храмов.

Таким образом, районное распределение буддийских монастырей в городе Чанъань времен династии Тан было очень несбалансированным, демонстрируя плотную застройку на западе и севере города и разреженность на востоке и на юге.

План зданий буддийских храмов в городе Чанъань. Храмы *сы* – это новый тип архитектуры, возникший после того, как в Китае появился буддизм. Они добавили новое содержание

в китайскую архитектуру. Ранние китайские буддийские храмы были построены в стиле индийских буддийских храмов, в центре которых в основном находились пагоды. С распространением и развитием буддизма в Китае монахам стало необходимо совершать религиозные практики и поклоняться Будде. Кроме того, под влиянием традиционной китайской архитектуры буддийская храмовая архитектура постепенно сместилась от пагод как центра к буддийским храмам в конце Суй и начале Тан. Запрет на строительство пагод в центре двора буддийских храмов в городе Чанъань династии Тан начался в первые годы правления императора Гаоцзуна династии Тан, после его правления такое расположение пагод во дворах стало широко распространенным правилом в буддийских храмах¹⁸.

Так, при переводе «Записи о паломничестве в Китай в поисках закона»¹⁹ японского буддийского монаха Эннина 圓仁 (793–864) мы видим, что в городе Чанъань были две основные планировки буддийских храмов, в центре которых находился буддийский храм: буддийские храмы с одним двором и буддийские храмы с несколькими дворами.

Буддийский храм с одним двором. Однодворный буддийский храм с одним или группой залов и павильонов в качестве основной части, окруженной залами или боковыми помещениями.

Однодворовые буддийские храмы отличаются небольшими размерами и несложной структурой. Самым простым зданием является как минимум один Зал Будды. В храме Хунхуасы 弘化寺 в городе Чанъань времен династии Тан был «единственный Зал Будды, построенный монахами, простой и низкий»²⁰, это и был буддийский храм с одним двором. Эннин посетил Китай во времена династии Тан с целью поиска Дхармы, он говорил, что «в городе Чанъань есть более 300 буддийских храмов. Многие из этих буддийских храмов представляют собой буддийские храмы с одним двором»²¹. Кроме того, чиновники и сановники города сдавали дома под храм. Из-за ограничений в планировке жилых домов большинство этих храмов, перестроенных на основе их резиденций, представляли собой буддийские храмы с одним двором.

Буддийские храмы с несколькими дворами. В храм Даань-госы 大安国寺 входили такие дворы, как Двор Сутры, Двор Великого Мастера, Восточный двор Дзэн (двор деревянной пагоды), Двор Закона, Двор Коллекции Сутр, Двор Святого отца (обращение к буддийскому монаху), Двор Красного терема и Двор мастера Цзинцзюй 静居. В храме Цинлунсы 青龙寺 был двор Восточной пагоды, двор Чистой Земли, двор Фацюань Ачарья 法全阿闍梨院, двор мастера Гутан 故曇, двор Шанфан 上方院 и монастырский двор.

Храм Да Циенсы 大慈恩寺 «имеет более десяти дворов с двойными башнями, сложными залами, облачными павильонами и палатами, всего 1 897 комнат»²². Храм Симинсы 西明寺 «имеет площадь в 350 ступеней, на несколько *ли* вправо и влево проложены проезды, и спереди и сзади засыпаны песком», «И коридоры, залы и балконы уставлены летающими красавицами, и здания вымощены золотом и зеленью, и сияет ослепительный свет. Здесь десять дворов и более 4 000 комнат. По великолепию и величию не могут сравниться Тунтай 同泰 из династии Лян или Юннин 永宁 из династии Вэй»²³. Храм Чжанцинсы 章敬寺 «имеет в общей сложности более 4 130 комнат и 48 дворов»²⁴.

Отметим, что буддийские храмы в городе Чаньань были крупными и часто насчитывали десятки дворов. Этот вид буддийского храма с несколькими дворами обычно делился на главный двор и вспомогательные дворы. Главный двор в основном состоял из буддийских храмов, а во вспомогательных дворах находились павильоны или боковые помещения. Главный двор соединялся с другими дворами, образуя большой буддийский храмовый комплекс. В «Сутре основания алтаря посвящения в Гуаньчжуне» 关中创立戒坛经图²⁵, составленной монахом Даосюанем из династии Тан, показан стандартный образец буддийского храма с несколькими дворами. На нем изображен буддийский храм с четырьмя горизонтальными дворами: главный двор посередине, вдоль центральной оси главного двора расположены передний зал Будды, семиэтажная пагода, задний зал Будды, трехэтажная башня и трехэтажный павильон, построенные последовательно; имелось три горизонтальных коридора, которые делили

главный двор на четыре вертикально соединенных двора. В трех горизонтальных коридорах и заднем коридоре главного двора слева и справа расположены трехэтажные и пятиэтажные здания, а также восточная и западная библиотеки. Левая сторона главного двора соединяет два двора, а правая – один двор. Каждый из трех дворов имеет десятки небольших двориков, разделенных стенами коридора, и каждый малый двор имеет свой павильон.

В «Сутре основания алтаря посвящения в Гуаньчжуне» отражается горизонтально соединенный многодворовый буддийский храм и параллельный многодворовый буддийский храм. Параллельные многодворовые буддийские храмы обычно имели три входа, а именно: буддийский зал, боковой зал, лекционный зал вдоль центральной оси храма. Буддийский зал и лекционный зал соединялись с восточным и западным монастырями храма соответственно, образуя параллельный буддийский храм с несколькими дворами и двумя, тремя или четырьмя входами. Восточный комплекс зданий храма Симин 西明寺 в городе Чанъань представлял собой параллельный буддийский храм с несколькими дворами.

Выводы. Буддийские храмы с несколькими дворами были популярны в столице Тан, но было также много буддийских храмов с одним двором. Независимо от этого, все буддийские храмы в городе Чанъань сосредотачивались вокруг Будда-зала. Пагода строилась сбоку от храма, позади храма или в другом дворе, или вовсе не устанавливалась. Такова характерная особенность планировки буддийских храмов в городе Чанъань.

Династия Тан была самой могущественной династией в истории Китая, и ее буддийское архитектурное планирование также отражало высокую степень процветания, сильный творческий потенциал и уверенность в себе. Прежде всего масштабность, многофункциональность и высота зданий отражали процветание общества и буддизма данного периода.

В соответствии с планировочными идеями ханьских китайских городов планировка дворовых комбинаций отражает полное доверие буддийской общины династии Тан к собственной архитектурной традиции и суждению, хотя и вынуждена заимствовать название из индийской традиции.

Примечания

¹ Welch, Holmes (1968). The Buddhist revival in China, Harvard university press, Cambridge, Massachusetts, p. 4, <https://terebess.hu/zen/mesterek/Holmes-Welch-The-Practice.pdf> (date of address 30.04.2024).

² Welch, Holmes (1968). The Buddhist revival in China, Harvard university press, Cambridge, Massachusetts, p. 17.

³ Prip-Moller, Johannes (1967). Chinese Buddhist Monasteries: their plan and it's function as a setting for Buddhist Monastic life, reprint, Hong-Kong University Press, Hong-Kong, Copenhagen and London, p. 10.

⁴ Liang Ssu-Cheng (Liang Sicheng) and Fairbank, Wilma (1991). A pictorial history of Chinese Architecture: a study of the development of it's structural system and the evolution of it's type, The Massachusetts Institute of Technology (reprint), Cambridge, p. 12.

⁵ Янгутов, Л. Е. Китайский буддизм в системе миров махаянского буддизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 1. С. 72.

⁶ Янгутов, Л. Е. Трансформация религиозных и философских принципов буддизма в цивилизационном пространстве Китая // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 182.

⁷ Хайлун, Ц. Особенности архитектурных форм комплексов буддийских храмов на территории Чанъань-Тянь-Шанского коридора Великого шелкового пути // Архитектон: известия вузов. 2022. № 4 (80). С. 2.

⁸ 介永强. 唐都长安城的佛教寺院建筑 // 长安学研究暨黄帝文化会议专题. 长安: 长安大学学报 (社会科学版), 2014. P. 2. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://skxb.chd.edu.cn/oa/darticle.aspx?type=view&id=1>

⁹ История Китая с древнейших времен до начала XXI в. В 10 т. / Гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / Отв. ред. И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова. Москва: Наука – Восточная литература, 2014. С. 446.

¹⁰ 劉昫. 旧唐书卷 96 «姚崇传». 北京: 中华书局, 1975. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B796>

¹¹ 劉昫. 旧唐书卷 88 «韦嗣立传». 北京: 中华书局, 1975. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B788>

¹² 司马光. 资治通鉴卷 224 «唐代宗大历二年». 北京: 中华书局, 1995. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ziyexing.com/files-5/zizhitongjian/zizhitongjian_224.htm

- ¹³ 徐松。唐两京城坊考。北京：北京大學圖書館，2010。Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=273359&remap=gb>
- ¹⁴ 介永强。唐都长安城的佛教寺院建筑 // 长安学研究暨黄帝文化会议专题。长安：长安大学学报（社会科学版），2014。P. 2。Электронный ресурс. Режим доступа: <http://skxb.chd.edu.cn/oa/darticle.aspx?type=view&id=1>
- ¹⁵ 道宣。续高僧传卷 29 《慧胄传》。北京：中华书局，1962。Электронный ресурс. Режим доступа: https://buddhism.lib.ntu.edu.tw/FULLTEXT/sutra/chi_pdf/sutra20/T50n2060.pdf
- ¹⁶ 赞宁。宋高僧传卷 16 《慧灵传》。北京：中华书局，1987。Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.putixia.net/big5/wenku/read_4852_2.html#autoload
- ¹⁷ 圆仁。入唐求法巡礼行记卷 4 《唐武宗会昌四年七月》条。北京：中华书局，2019。Электронный ресурс. Режим доступа: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/B0095_004
- ¹⁸ 赞宁。宋高僧传卷 16 《慧灵传》。北京：中华书局，1987。Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.putixia.net/big5/wenku/read_4852_2.html#autoload
- ¹⁹ 圆仁。入唐求法巡礼行记卷 4 《唐武宗会昌四年七月》条。北京：中华书局，2019。Электронный ресурс. Режим доступа: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/B0095_004
- ²⁰ 道宣。续高僧传卷 20 《静琳传》。北京：中华书局，1962。Электронный ресурс. Режим доступа: https://buddhism.lib.ntu.edu.tw/FULLTEXT/sutra/chi_pdf/sutra20/T50n2060.pdf
- ²¹ 圆仁。入唐求法巡礼行记卷 4 《唐武宗会昌四年七月》条。北京：中华书局，2019。Электронный ресурс. Режим доступа: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/B0095_004
- ²² 慧立、彦惊。大慈恩寺三藏法师传卷 7。北京：中华书局，1983。Электронный ресурс. Режим доступа: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T2053_007
- ²³ 慧立、彦惊。大慈恩寺三藏法师传卷 10。北京：中华书局，1983。Электронный ресурс. Режим доступа: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T2053_010
- ²⁴ 宋敏求。长安志卷 10。北京：中华书局，1990。 <https://www.zhonghuadiancang.com/tianwendili/changanzhi/45495.html>
- ²⁵ 道宣。关中创立戒坛经图。大正藏 №1892。Электронный ресурс. Режим доступа: <http://m.shixiu.net/dujing/fojing/zhuzongbu/3362.html>

Аннотация

Статья посвящена изучению буддийских храмов в городе Чанъань в эпоху династии Тан. Автор опирается на ограниченное количество справочных работ, а также на собственное изучение таких первоисточников, как «Цзю Таншу» («Старая история Тан»), «Цзычжи тунцзянь» («Всеобщее зеркало, управлению помогающее»), «Сю Гаосэн чжуань» («Продолжение жизнеописания достойных монахов»), «Чанъань чжи» («Записи Чанъань»). Показано, что время правления династии Тан было периодом процветания китайского буддизма, а также периодом расцвета строительства буддийских монастырей в Китае. В городе Чанъань, столице династии Тан, насчитывалось множество знаменитых и величественных буддийских храмов. В основном они располагались на западе и востоке города, а также в юго-восточном и северо-восточном углах. В статье впервые рассматривается историческое формирование монастыря в его физическом и пространственном измерении конкретного периода. В результате показано, что в танский период произошли изменения в композиционном построении храмов, когда влияние буддийской религии на официальные круги Китая становится особенно очевидным. Так, центральное место в храмовом ансамбле начинает занимать главный храм со статуями Будды. Пагоды строились сбоку от храма, позади храма, в других дворах или даже двор обходился вовсе без них. В статье отмечается, что запрет на строительство пагод в главном дворе буддийских храмов начался в первые годы правления императора Гаоцзуна из династии Тан. К концу периода его правления новое расположение пагод в других дворах стало широко распространенным правилом. Новизна исследования состоит в том, что впервые на основе перевода материалов исследования показаны два основных типа буддийских храмов периода Тан: буддийские храмы с одним двором (даньюаньши фосы) и буддийские храмы с несколькими дворами (доюаньши фосы). Выявлено, что все они были сосредоточены в центре Будда-зала. Были определены изменения в архитектуре, планировке, которые повлияли на будущую архитектуру храмовых комплексов Китая. С этого времени привнесенный из Индии принцип построения буддийского ансамбля заменяется исконно китайской архитектурной традицией. Центральное место, а следовательно, и место сакрального объекта, в храмовых комплексах и монастырях занимает не пагода, а храм с алтарем. Данная планировка стала важным поворотным моментом в китайской буддийской храмовой архитектуре и оказала далеко идущее влияние не только на китайские буддийские храмы, но и на планировку буддийского храма в г. Шанцзин рядом

с Бохайским заливом, буддийского храма в г. Силла, в доме Фудзивара и буддийских храмов в г. Хэйан-кё. В целом статья демонстрирует то, что династия Тан была самой могущественной династией в истории Китая, и ее буддийское архитектурное планирование также отражало высокую степень процветания, сильный творческий потенциал и уверенность в себе. Прежде всего масштабность, многофункциональность и высота зданий отражали процветание общества, а вместе с ним и буддизма данного периода.

Ключевые слова: средневековый Китай, династия Тан, город Чаньань, буддизм, китайские буддийские храмы, планировка буддийских храмов, храмовая архитектура, зал Будды, пагода, исторические источники.

Список литературы

История Китая с древнейших времен до начала XXI в. В 10 т. / Гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. III: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). Москва: Наука – Восточная литература, 2014. 991 с.

Хайлун, Ц. Особенности архитектурных форм комплексов буддийских храмов на территории Чаньань-Тянь-Шанского коридора Великого шелкового пути // Архитектон: известия вузов. 2022. № 4 (80). С. 1–12.

Янгутов, Л. Е. Китайский буддизм в системе миров махаянского буддизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 1. С. 69–77.

Янгутов, Л. Е. Трансформация религиозных и философских принципов буддизма в цивилизационном пространстве Китая // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 182–192.

Лю, Сюй. Цзю Таншу (Старая история Тан): цз. 96 «Яо чунь чуань». Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1975. 5407 с. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B796> (дата обращения 01.05.2024).

Лю, Сюй. Цзю Таншу (Старая история Тан): цз. 88 «Вэйсыли чуань» (Биография Вэйсыли). Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1975. 5407 с. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B788> (дата обращения 01.05.2024).

Сы, Маган. Цзычжи тунцзянь (Всеобщее зеркало, управлению помогающее): цз. 224 «Тандайцзун дали эрнянь» (Второй год эпохи Дали императора Тайцзуна династии Тан). Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1995. 294 с. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ziyexing.com/files-5/zizhitongjian/zizhitongjian_224.htm (дата обращения 01.05.2024).

Сю, Сун. Танлянь цзинчэн фанкао (Исследование двух столиц династии

Тан). Пекин: Бэйцзин дасюэ тушугуань, 2010. 91 с. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=273359&remap=gb> (дата обращения 30.04.2024).

Хуэй, Ли., Янь, Тай. Дацзыньсы саньцзан фашичуань (Биография Мастера Трипитаки храма Дациэнь), цз. 7. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1983. 280 с. Электронный ресурс. Режим доступа: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T2053_007 (дата обращения 30.04.2024).

Хуэй, Ли., Янь, Тай. Дацзыньсы саньцзан фашичуань (Биография Мастера Трипитаки храма Дациэнь), цз. 10. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1983. 280 с. Электронный ресурс. Режим доступа: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T2053_010 (дата обращения 30.04.2024).

Цзань, Нин. Сун гаосэнчжуань (Биография выдающихся монахов эпохи Сун), цз. 16 «Хуэйлинчуань». Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1987. 870 с. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.putixia.net/big5/wenku/read_4852_2.html#autoload (дата обращения 30.04.2024).

Цзе, Юнцян. Танду Чаньань чэндэ фоцзяо сыюань цзяньчжу (Буддийская храмовая архитектура в городе Чаньань, столице династии Тан) // Чаньань сюэяньцзю цзи Хуанди вэньхуа хуэйи чжуаньти (Материалы конференции по изучению Чаньань и культуры Желтого императора). 2014. № 16. С. 1–6. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://skxb.chd.edu.cn/oa/defindexnum.aspx?id=1> (дата обращения 30.04.2024).

Эннин. Жутан цюфа сюньли синцзи (Паломничество в династию Тан для поиска дхармы), цз. 4 «Тан Уцзун Хуэй чан сынянь тиюэ» (Июль четвертого года Хуэйчана, императора Уцзуна династии Тан). Пекин: Чжунхуа шуцзю, 2019. 585 с. Электронный ресурс. Режим доступа: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/B0095_004 (дата обращения 30.04.2024).

Liang Ssu-Cheng (Liang Sicheng) and Fairbank, Wilma (1991). A pictorial history of Chinese Architecture: a study of the development of it's structural system and the evolution of it's type, The Massachusetts Institute of Technology (reprint), Cambridge, 200 p.

Prip-Moller, Johannes (1967). Chinese Buddhist Monasteries: their plan and it's function as a setting for Buddhist Monastic life, reprint, Hong-Kong University Press, Hong-Kong, Copenhagen and London, 396 p.

Welch, Holmes (1967). The practice of Chinese Buddhism, 1900–1950, Harvard university press, Cambridge, Massachusetts, 596 p. <https://terebess.hu/zen/mesterek/Holmes-Welch-The-Practice.pdf> (date of address 30.04.2024).

Welch, Holmes (1968). The Buddhist revival in China, Harvard university press, Cambridge, Massachusetts, 385 p.

Сведения об авторах

Марханова Татьяна Фридриховна, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), младший научный сотрудник, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, 8-924-777-30-34, tatiya6a@mail.ru

ORCID 0009-0003-0449-1484

Сведения о грантах

Статья подготовлена в рамках государственного задания – проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)», № 121031000261-9, <https://imbt.ru/science/nauchnaya-deyatelnost/programmy-i-proekty/>

В редакцию статья поступила 20.03.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-651-668

For citation

Markhanova, Tatiana F. (2024). Planning of Buddhist temples in the city of Chang'an under the Tang dynasty. 618–907, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 651–668, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-651-668

Markhanova, Tatiana F., Institute of Mongology, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Layout of Buddhist temples in Chang'an city during the Tang dynasty. 618–907

Abstract

The article is devoted to the study of Buddhist temples in Chang'an in the Tang Dynasty. The author relies on a limited number of reference works, as well as on his own study of such primary sources as “Ju Tangshu” (“Old History of Tang”), “Zizhi tongjian” (“Universal Mirror, Helping Management”), “Xu Gaosen zhuan” (“Continuation of the Life of Worthy Monks”), “Chang'an zhi” (“Chang'an Records”). It is shown that the Tang dynasty was a period of prosperity of Chinese Buddhism, and also a period

of flourishing construction of Buddhist monasteries in China. In Chang'an City, the capital of the Tang Dynasty, there were many famous and majestic Buddhist temples. They were mainly located in the west and east of the city and in the southeast and northeast corners. This article is the first to examine the historical formation of the monastery in its physical and spatial dimension of a specific period. As a result, it is shown that the Tang period witnessed changes in the composition of the temples, when the influence of Buddhist religion on China's official circles becomes particularly evident. Thus, the central place in the temple ensemble began to occupy the main temple with statues of Buddha. Pagodas were built on the side of the temple, behind the temple, in other courtyards or even the courtyard did without them at all. The article notes that the ban on the construction of pagodas in the main courtyard of Buddhist temples began in the early years of the reign of Emperor Gao Zong of the Tang dynasty. By the end of his reign, the new arrangement of pagodas in other courtyards had become a widespread rule. The novelty of the study lies in the fact that, for the first time, two main types of Buddhist temples of the Tang period are shown on the basis of translated research materials: Buddhist temples with one courtyard (*danyuanshi fosi*) and Buddhist temples with several courtyards (*doyuanshi fosi*). It is revealed that all of them were concentrated in the center of the Buddha Hall. Changes in architecture and layout were defined, which influenced the future architecture of temple complexes in China. Since that time, the principle of building a Buddhist ensemble brought from India is replaced by the indigenous Chinese architectural tradition. The central place, and consequently the place of sacred object, in temple complexes and monasteries is occupied not by a pagoda, but by a temple with an altar. This layout was an important turning point in Chinese Buddhist temple architecture and had a far-reaching influence not only on Chinese Buddhist temples, but also on the layout of the Buddhist temple in Shangjing near Bohai Bay, the Buddhist temple in Silla, the Fujiwara House, and the Buddhist temples in Heian-kyo. Overall, the paper demonstrates that the Tang Dynasty was the most powerful dynasty in Chinese history, and its Buddhist architectural planning also reflected a high degree of prosperity, strong creativity and self-confidence. Above all, the scale, multi-functionality and height of the buildings reflected the prosperity of the society, and with it the Buddhism of the period.

Keywords

Medieval China, Tang Dynasty, Chang'an City, Buddhism, Chinese Buddhist temples, Buddhist temple layout, temple architecture, Buddha Hall, pagoda, historical sources.

References

- Tikhvinsky, C. L. (ed.) (2014). History of China from ancient times to the beginning of the XXI century, vol. III: Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern Dynasties, Sui, Tang (220–907). Nauka-Vostochnaya Literatura, Moscow, Russia, 991 p.
- Hailun, C. (2022). Features of architectural forms of Buddhist temple complexes on the territory of Chang'an-Tian Shan corridor of the Great Silk Road, *Arhitekton: Izvestiya vuzov*, № 4 (80), pp. 1–12.
- Yangutov, L. E. (2024). Chinese Buddhism in the system of worlds of Mahayana Buddhism, *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*, vol. 28, № 1, pp. 69–77.
- Yangutov, L. E. (2022). Transformation of religious and philosophical principles of Buddhism in the civilizational space of China, *Voprosy filosofii*, № 3, pp. 182–192.
- Liu, Xu. (1975). Tszyu Tangshu (The old history of Tang): tsz. 96 “Yao chun chuan”, *Zhonghua shuju*, Beijing, 5407 p. <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B796> (date of address 01.05.2024).
- Liu, Xu. (1975). Jiu Tangshu (Old History of Tang): tsz. 88 “Weisili chuan” (Biography of Weisili), *Zhonghua shuju*, Beijing, 5407 p., <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8/%E5%8D%B788> (date of address 01.05.2024).
- Xie, Maguang (1995). Tszychzhi tuntuzyan (Universal mirror of management helping): tsz. 224 “Tandaizong dali ernyan” (The Second Year of the Dali Era of Emperor Taizong of the Tang Dynasty), *Zhonghua shuju*, Beijing, 294 p., http://www.ziyexing.com/files-5/zizhitongjian/zizhitongjian_224.htm (date of address 01.05.2024).
- Xu, Sun (2010). Tangliang jingcheng fangkao (Study of the Two Capitals of the Tang Dynasty), *Beijin dasue tushuguan*, Beijing, 91 p., <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=273359&remap=gb> (date of address 30.04.2024).
- Hui, Li, Yan, Tai (1983). Datsyenshi sanzang fashichuan (Biography of the Master of Tripitaka of Datsien Temple), tsz. 7, Beijing: *Zhonghua shuzhu*, 280 p., https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T2053_007 (date of access 30.04.2024).
- Hui, Li, Yan, Tai (1983). Datsyenshi sanzang fashichuan (Biography of the Master of the Tripitaka of the Datsien Temple), tsz. 10, *Zhonghua shuzhu*, Beijing, 280 p., https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T2053_010 (date of address 30.04.2024).
- Zan, Ning (1987). Sun gaosenchzhan (Biography of outstanding monks of the Song era), tsz. 16 “Huilingchuan”, Beijing: *Zhonghua shuzhu*, 870 p., https://www.putixia.net/big5/wenku/read_4852_2.html#autoload (date of address 30.04.2024).

Jie, Yongqiang (2014). Tandu Chang'an chengde fojiao xiyuan jianzhu (Buddhist temple architecture in the city of Chang'an, the capital of the Tang Dynasty). IN: Chang'an xueyangjiu ji Huangdi wenhua hui hui zhuanti (Proceedings of the Conference on the Study of Chang'an and the Culture of the Yellow Emperor), № 16, pp. 1–6, <http://skxb.chd.edu.cn/oa/defindexnum.aspx?id=1> (date of address 30.04.2024).

Ennin (2019). Zhutan tsyufa shunli shintszi (Pilgrimage to the Tang dynasty to search for dharma), tsz. 4 “Tang Wuzong Hui chang xinyan tiyue” (July of the Fourth Year of Hui chang, Emperor Wuzong of the Tang Dynasty), Zhonghua shujue, Beijing, 585 p., https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/B0095_004 (date of address 30.04.2024).

Liang Ssu-Cheng (Liang Sicheng) and Fairbank, Wilma (1991). A pictorial history of Chinese Architecture: a study of the development of it's structural system and the evolution of it's type, The Massachusetts Institute of Technology (reprint), Cambridge, 200 p.

Prip-Moller, Johannes (1967). Chinese Buddhist Monasteries: their plan and it's function as a setting for Buddhist Monastic life, reprint, Hong-Kong University Press, Hong-Kong, Copenhagen and London, 396 p.

Welch, Holmes (1967). The practice of Chinese Buddhism, 1900–1950, Harvard university press, Cambridge, Massachusetts, 596 p. <https://terebess.hu/zen/mesterek/Holmes-Welch-The-Practice.pdf> (date of address 30.04.2024).

Welch, Holmes (1968). The Buddhist revival in China, Harvard university press, Cambridge, Massachusetts, 385 p.

About the authors

Markhanova, Tatiana F., PhD (historical sciences), Institute of Mongology, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IMBT SB RAS), junior researcher, Ulan-Ude, Russian Federation, 8-924-777-30-34, tatiya6a@mail.ru

ORCID 0009-0003-0449-1484

Grant information

The article was prepared within the framework of the state assignment – the project “Transformation of directions and schools of Buddhism: history and experience of interaction with religions and beliefs of Russia, Central and East Asia (from the period of the spread of Buddhism to the present: Russia – XVIII–XXI centuries; China – II–XXI centuries; Tibet – VII–XXI centuries; Mongolia – XVI–XXI centuries”, № 121031000261-9, <https://imbt.ru/science/nauchnaya-deyatelnost/programmy-i-proekty/>

The article was received in the editorial office on 20.03.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 651.9+651.928+262.8+930.85+81'35+930.25+006.72+23/28+091+667.4/.5+26/28+260.2+348+262.1+262.2+262.4+304.2+304.9+304.444+364.02+364.05+364.07+364.126+364.62+304.9+336.2+336.055+336.7+347.73+393.05.9+393.05.95+393.05.99+393.05.951+929+930.2
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-669-684

Для цитирования

Абеленцева, О. А. Особенности фиксации данных о вкладах в дело-производстве Успенского Тихвинского монастыря середины XVII в. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 669–684, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-669-684

Абеленцева, О. А.

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Особенности фиксации данных о вкладах в делопроизводстве Успенского Тихвинского монастыря середины XVII в.

Введение. Требование властей к монастырям о письменной фиксации имен вкладчиков содержится в 75-й главе Стоглава. Речь в ней идет в основном о крупных вкладах¹. Вкладчиков, записанных в синодики, монастырские власти были обязаны поминать на литургиях и служить по ним панихиды². Традиция составления вкладных книг формировалась постепенно в XVI – начале XVII в. В историографии отмечалось, что вкладные книги разных монастырей имели свои особенности, и в XVII в. не было единой формы для их ведения³. Данные вкладных книг привлекались исследователями для изучения особенностей поминальной практики, вертикальных и горизонтальных связей монастырей, просопографических исследований правящей элиты Русского государства и других проблем⁴.

Историография. Вопрос о ведении монастырской документации с записями о вкладах в Успенском Тихвинском монастыре поднимался в связи с изучением проблемы дублетности

информации во вкладных и приходных книгах⁵, но сам процесс делопроизводства детально изучен не был. С. В. Стрельников пришел к выводу о том, что информация в двух видах книг дублировалась на 82,35%, а основой для их составления являлись приходные книги в виде столбца («столповые»)⁶. В целом с этим выводом можно согласиться, но с оговоркой, что процесс был более сложным и многоступенчатым, а привлеченная им для сравнения так называемая вкладная книга за 1653–1664 гг. является не итоговым документом, а черновыми записями. Цель настоящего исследования – выявить все этапы фиксации вкладов в делопроизводстве монастыря в середине XVII в., насколько это позволяют имеющиеся источники.

Обзор источников. Документы монастырского архива за 1560–1622 гг. погибли при пожаре в 1623 г. Для исследования мы располагаем материалами, составленными после этой даты. Перед обращением к источникам по изучаемому вопросу следует сказать, какие виды пожертвований, вносимых рядовыми жителями (помещиками, детьми боярскими, стрельцами, крестьянами, бобылями), известны из приходных книг Успенского Тихвинского монастыря. Полный вклад составлял 12 руб. Внесший его получал право пострига в монастыре и записи в вечное поминание на литии во время литургии. За запись в вечное поминание без пострига обычно брали 4–5 руб.⁷ Запись в вечное поминание в так называемый «подстенный» синодик (вероятно, для служения панихид) стоила 2 руб., а на более короткий срок (предположительно, год) – 5 алтын. Приведем примеры записей из приходной денежной книги 1654/55 гг. (апрель): «В 4 день взято в монастырскую казну у Мироновской жены Клеопина у Ефросинии Ивановой дочери денег дватцать восемь рублей, а написали за те деньги мужа ей Мирона в вечное поминание во вседневную литею и в подстенной сенадик. А как Господь Бог по душу ей, Ефросинии, сошлет, и написати имя ей за те денги в вечное поминание в литею и в подстенной сенадик.

Взято в монастырскую казну у костромитина у Надежи Родионова сына денег дватцать рублей, написали за те деньги роду его четыре имени в литею»⁸.

«В 15 день взято в монастырскую казну у белозерца у Федора Давыдова денег пятнатцать алтын, написали роду его три имяни в сенадик»⁹.

Кроме ранее перечисленных, монастырь получал вклады, не подразумевающие исполнение по ним каких-либо обязательств. Как правило, записи о них содержали формулу «дал по своей вере и по обещанию» (1662 г., январь): «Того же дни дал ко Пречистые Богородицы в монастырскую казну по своей вере и по обещанию Олонецкого города посадкой человек Семен Козмин сын Горбов два ефимка серебряные»¹⁰.

Для решения вопроса о том, какой вид записей о вкладах в Успенский Тихвинский монастырь можно считать белой вкладной книгой, а какой – лишь материалами для ее составления, и каково соотношение разных источников с записями о вкладах между собой, рассмотрим несколько видов документов монастырского архива.

1-я группа. Основная и самая многочисленная – монастырские приходные денежные книги¹¹. Для второй четверти – середины XVII в. приходные книги являются основным источником для выявления состава вкладчиков монастыря, так как вкладные книги за этот и более ранний период утрачены.

2-я группа. Имеется несколько подлинных вкладных грамот (по каким-то причинам оставшихся в архиве монастыря) с описанием вкладов и перечислением обязательств монастыря перед вкладчиками¹².

3-я группа. Записи о вкладах на листах в форме столбца. Цель их оформления не всегда очевидна. Наиболее убедительное предположение можно высказать о записях с перечислением вкладов разных лет окольничего С. В. Прозоровского¹³, который был тесно связан с монастырем, так как в 1613 г. оборонял его от шведов. На левом поле листов напротив каждой записи пометы «пис», то есть «писано». Вероятно, документ представляет собой выписки из приходных книг, на основании которых вклады вносились во вкладную книгу, о чем делались пометы.

В другом документе, составленном не ранее января 1649 г.¹⁴, в числе 17 записей на двух листах содержатся сведения

о 14 крупных вкладах за 1633–1649 гг. (царя Михаила Федоровича, бояр И. И. Шуйского, А. М. Львова и др.), но они соседствуют с записями о приходе, не имеющем отношения к поминальной практике. Определить, чем именно руководствовался составитель выборки, не представляется возможным.

В форме столбца сохранились записи о разного рода вкладах за февраль 1662 г.¹⁵ Среди них 7 из 19 записей о полных вкладах, остальные о записи имен в синодики. Последняя запись о возвращении монастырю денежного долга помещиком. На Л. 2 об. помета с подсчетом «столовых» рублей, которые давались к полному вкладу на трапезу братии. Судя по тому, что большинство вкладчиков были не местными, вклады были внесены во время проведения ярмарки на Тихвинском посаде, на которую съезжалось много торговых людей и покупателей. Она проводилась в феврале или марте во время Великого поста. Напротив 18 записей на левом поле пометы в виде крестика в круге. Исключение составляет запись о вкладе помещиком А. Д. Апрельевым мерина. Остальные вклады полностью или частично были внесены деньгами. По сравнению с приходной книгой имеются расхождения дат у трех записей. В столбце первая запись датирована 15 февраля, четвертая – 16 (исправлено из 11), шестая – 17 (исправлено из 13), вероятно, правка проведена с учетом первой даты, а в приходной книге из этих же записей первая датирована 10 февраля, последующие оставлены как в столбце до внесения правки – 11 и 13. Можно ли считать эти записи основным первичным документом для последующего внесения данных в синодики и вкладную книгу? Вероятно, нет, так как из 9 записей о вкладах для внесения имен в синодики в трех записях имена не названы. Не исключено, что при приеме денег одновременно составлялся отдельный список таких имен, но данных об этом мы не имеем. В приходную денежную книгу записи были внесены единым блоком, в ней опущены имена для синодиков и упоминания о «столовых» рублях.

4-я группа. Ранее упомянутые тетради в Q° с записями вкладов за 1653–1664 гг.¹⁶ С. В. Стрельников назвал их вкладной книгой, но не дал ее детальный анализ¹⁷. Подборка состоит из трех частей¹⁸, имеющих свои заголовки. Рассмотрим, чем эти части отличаются друг от друга.

Первая часть – тетрадь из 12 листов. На Л. 1 помета – «Записка вкладным»¹⁹. На Л. 2 преамбула: «Книги Пречистые Богородицы Тихвина монастыря с приезде архимарита Иосифа со 161-го году месяца июня з 14 числа, а в них записка вкладным, у кого что взято в монастырьскую казну вкладу и вкладная дана». Записи велись с 14 июня 1653 г. до конца августа 1658 г. Только в двух из 57 записей в этой тетради (когда сумма вклада была менее 12 р.) не указано, что вкладчик получил вкладную грамоту. Еще в одной записи сказано, что выдана память о частичном внесении денег. То есть здесь зафиксированы в основном полные вклады, например (Л. 2): «Месяца июля в 28 день взято вкладу у тихвинца у посадцкого человека у Козмы Титова денег двенатцать рублей и вкладная ему дана». При этом пометы о выдаче вкладных в этой тетради выполнены одним почерком и чернилами с самими записями, что отличает ее от последующих тетрадей. Соотношение записей о вкладах в этой тетради и приходной денежной книге можно показать на примере записей за 1653 г.: в приходную не внесены два вклада в натуральном выражении, но в ней имеются отсутствующие в тетради 4 записи о неполных вкладах и 7 записей о вкладах за внесение имен в синодики. В двух случаях указаны дни внесения вкладов, отсутствующие в тетради. Следовательно, у приходной книги был дополнительный источник. Даже если пожертвование было достаточно крупным, но не предполагало выдачи вкладной, то его в эту тетрадь не писали. Например, здесь не упомянут вклад, известный по приходной денежной книге за август 1654 г.: «В 3 день взято в монастырьскую казну у ярославца у Семена Иванова сына Кудеярова Пречистые Богородицы на приклад тритцать пять золотых»²⁰.

Вторая часть – тетрадь с записями с 30 сентября 1657 г. по 30 мая 1660 г. (Л. 13–20). На начальном листе (Л. 13) помета «В сей тетрати записка вкладным», а на первом листе с записями (Л. 14) подзаголовок: «Лета 7166-го году сентября з 30-го числа Успения Пречистые Богородицы и чудотворнаго Ея образа Одигитрия Тихвина монастыря книги, что взято в монастырьскую казну за вклад и на поминоку у всяких чинов людей лошадей и коров». Однако о такого рода вкладах сказано только в первых трех записях за сентябрь – октябрь

1657 г. (Л. 14–14 об.), и в них не сообщается о выдаче вкладных. Еще в тетрадь внесено 26 записей с декабря 1658 г. по май 1660 г. (Л. 14 об.–18 об., Л. 19–20 об. – чистые). Эти записи снабжены пометами – в 25 случаях сказано, что была выдана вкладная, в пяти случаях добавлено, что запись внесена в приходные книги, а в трех – в «столповые» книги. Некоторые пометы написаны более мелким и беглым почерком, чем основной текст записей, то есть пометы сделаны после оформления и выдачи вкладных. При сравнении содержания второй тетради с приходной книгой также не наблюдается полного соответствия – в эту, как и в предыдущую тетрадь, не внесены вклады для записи имен в синодики. Также в приходной за апрель 1660 г. отсутствуют две записи о выдаче вкладных Даниле Маркову и старцу Тихону Буркову²¹.

Причина, по которой во 2-й тетради остались чистые листы, выясняется из заголовка третьей части подборки, в котором сказано, что записи ведутся с 7 декабря 1660 г. «с приезде архимарита Иосифа». Иосиф являлся архимандритом монастыря в 1653–1656 гг. В 1657–1659 гг. монастырь возглавлял Никон, а в 1660–1664 гг. снова Иосиф. То есть три части в целом соответствуют времени правления этих архимандритов. Также подразделяются и записи приходных книг.

Третья часть подборки состоит из трех тетрадей по 8 листов (Л. 21–44) с записями с декабря 1660 г. по сентябрь 1663. Лист первый и оборот последнего сильно загрязнены, то есть эти тетради длительное время бытовали отдельно. Содержание этой части отличается от предыдущих, несмотря на то, что заголовок на первом листе (Л. 21) предполагает «записку вкладным, у кого что взято в монастырскую казну вкладу и вкладная дана». То же сказано и в преамбуле в начале записей (Л. 22). Заголовок, преамбула и записи на Л. 22–22 об. о вкладах и выдаче вкладных написаны каллиграфическим почерком монастырского слуги Власа Зайцева. Тематика записей на Л. 23–29, относящихся к марту 1661 г. и написанных другим слугой Игнатом Телятниковым, включает 8 записей о полных вкладах с выдачей вкладных, 3 – без пометы о вкладных, 18 – о написании имен в литию и синодик, 6 – о других поступлениях, не связанных с поминальной

практикой, а 5 записей отражают расходы. Почти все записи имеют пометы рукой Власа Зайцева о выдаче вкладных и / или записи денег в приход. Его же рукою на Л. 29 после записей проведен подсчет «келарского» приема денег, суммы расхода и остатка, отданного казначею. Самой крупной тратой была покупка серого мерина из Заонежья за 50 р. (Л. 25 об.). Этот блок разнородных записей в целом написан довольно небрежно. Как уже было сказано, март, как и февраль – время проведения ярмарки в Великий пост. Вероятно, келарь поручил вести эти черновые записи в дни ее проведения.

Начиная с Л. 29 об. меняется как тематический состав записей – идут записи только о полных вкладах, так и характер письма – последующие 76 записей выполнены аккуратно слугами Власом Зайцевым и Иваном Келейниковым. То есть в последней части рукописи из трех тетрадей сочетаются два типа фиксации данных – в начале и в конце выписаны сведения о полных вкладах, а за март 1661 г. помещены черновые записи келаря. Это обстоятельство говорит о том, что анализируемую подборку из трех частей нельзя считать чистовиком вкладной книги. В пользу этого вывода говорит и помета в конце текста (Л. 43 об.): «Противо сих книг выписано в большую тетрадь в десть».

Если сравнить три типа записей за февраль 1662 г.: 1) в форме столбца; 2) в приходной книге; 3) в тетради с «записками вкладным», то во всех трех источниках даты совпадают в трех случаях, а в двух – совпадают в приходной и тетрадях, но отличаются от столбца²². Также в приходной и тетрадях имеется запись о вкладе от 27 февраля, отсутствующая в столбце. Следовательно, предпочтительна версия, что тетради составлялись на основе данных приходной денежной книги в столбце.

Заключение. На основе сказанного можно сделать вывод, что порядок внесения данных о вкладах в разного вида документы был в целом следующим. Сначала делались черновые записи о вкладах (подобные записям за март 1661 г. в тетради и февраль 1662 г. в столбце). Затем все записи только о денежных вкладах переносились в черновые приходные денежные книги также в форме столбцов²³. Об этом говорит полнота записей в приходных книгах (полные вклады и синодики). То есть велось два

вида «столповых» книг – только для вкладов и для всех статей прихода. Невозможно установить, насколько последовательно применялась эта практика, так как столбцы почти не сохранились, о них мы знаем из помет. В случае необходимости суммы редактировались при внесении в приходную книгу. Например, в столбце в записи о вкладе старца Иосифа Слепого указано 15 р., т. е. полный вклад 12 р.+ запись в синодик, 2 р. + «столовый» рубль, последний (не отдававшийся в казну) особо не оговорен. В связи с этим сделана помета для внесения суммы в приходную книгу: «Написать 14 рублей»²⁴.

Следующий этап – составление черновых книг в форме тетрадей в Q° – приходных денежных и вкладных (как в случае с тетрадями за 1653–1663 гг.). Черновую приходную о всех поступлениях затем переписывали набело в тетради в Q° и заверяли скрепой. Качество записей в черновых приходных книгах во многом зависело от профессиональных качеств казенного дьячка. Сравнение черновой и белой приходных книг за 1653/54 гг., написанных слугой Игнатом Телятниковым, показало, что в них нет расхождений в части полноты и указанных сумм, но в белой соблюдались все формальности. Например, всегда писалось «дал в монастырскую казну», а не просто «дал в казну», как в черновой. Но несомненно, что эта черновая составлялась на основе «столповых» черновики, так как она была переписана одновременно, а не пополнялась записями постепенно²⁵.

Тетради в Q° с записями о полных вкладах не всегда велись аккуратно, о чем свидетельствует включение в них черновых записей «келарского» сбора 1661 г.²⁶ Записи о полных вкладах сверяли с приходной книгой в столбце (со всеми видами прихода), выдавали вкладчикам грамоты, ставили соответствующие пометы, а затем переписывали в тетради в формате F° («в деств»), о чем имеется помета в конце тетрадей за 1653–1663 гг.: «Противо сих книг выписано в большую тетрадь в деств»²⁷. Тетради в Q° тоже могли быть переписаны набело после сверки и проставления помет, о чем свидетельствует первая часть подборки за 1653–1658 гг. Во вкладную книгу в F° записи из черновой в Q° часто переносились вместе с пометами. Таких случаев много в сохранившейся белой вкладной

книге монастыря в десть, начатой в 1689 г., с перенесением в нее записей начиная с 1 сентября 1668 г. Например, в записи за 3 июня 1671 г. сказано: «Месяца июня 3 день взято в монастырьскую казну вкладу у старца Феларета денег двенацать рублей и вкладная ему дана, а деньги в столповые в казенные в приходные книги писаны»²⁸. Изучение источников с записями о вкладах показало, что процесс создания вкладной книги был многоступенчатым, что, вероятно, было связано с наличием двух старцев, несущих разные послушания – келаря и казначея. Первый нес ответственность за собственно поминальную практику, а второй – за тщательную фиксацию прихода денежных сумм. Несмотря на то, что не во все периоды вклады в виде вещей, скота и зерна включались в приходные денежные книги казначея, эти книги все же позволяют в значительной степени установить состав вкладчиков монастыря за 1623–1667 гг., за которые не сохранились вкладные книги.

Примечания

¹ Емченко, Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. Москва: Индрик, 2000. С. 376–378.

² Сохранившиеся синодики Успенского Тихвинского монастыря датируются второй половиной XVII – XVIII вв., но содержат данные и за более ранний период. Библиотека Академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. Тихвинского Успенского монастыря. Д. 2, 3.

³ Кузьмин, А. В., Стрельников, С. В. Вкладные книги // Православная энциклопедия. Т. 8. Москва: Православная энциклопедия, 2004. С. 613–617.

⁴ Martin, Russell E. (1999). Gifts for the Dead: Death, Kinship and Commemoration in Muscovy (The Case of the Mstislavskii Princes). IN: *Russian History*, vol. 26, № 2. Summer, pp. 171–202; Стрельников, С. В. К вопросу о предназначении вкладных грамот и вкладных книг // Очерки феодальной России. Вып. 10. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2006. С. 58–74; Steindorff, Ludwig (2007). Memorial Practice as a Means of Integrating the Muscovite State. IN: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. vol. 55, pp. 517–533; Spock, Jennifer B. (2007). Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645. IN: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, bd. 55, h. 4,

pp. 534–565; Steindorff, Ludwig (2010). Donations and Commemorations in the Muscovite Realm – A Medieval or Early Modern Phenomenon. IN: *Religion und Integration im Moskauer Russland*. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen, 14–17, Wiesbaden, Harrassowitz, pp. 477–478; Алексеев, А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 17–117; Halperin, Charles J. (2017). Lay Cash Donations to the Trinity-Sergius Monastery during the Reign of Ivan IV. IN: *The Slavonic and East European Review*. Vol. 95, № 2, April, pp. 271–292; Дмитриева, З. В. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря (1559/1560–1620-е гг.) // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2017. Т. 8. Вып. 5 (59). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840001876-2-1> (дата обращения 09.02.2024); Dmitrieva, Z. V., Sazonova, T. V. (2020). On Commemorative Practice In Kirillo-Belozersky Monastery (16th – the Beginning of 17th centuries). IN: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, vol. 108. Conference: International Scientific and Practical Conference «MAN.SOCIETY.COMMUNICATION», Veliky Novgorod, Russia, pp. 877–882; Павлов, А. П., Поляков, И. А. Представители княжеско-боярской знати как вкладчики Успенского Тихвинского монастыря // Новгородский исторический сборник. Вып. 20 (30). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. С. 218–228; Марченко, Н. А. Новгородские архиереи в поминальной практике Соловецкого монастыря XV–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2 (92). С. 69–87.

⁵ Дмитриева, З. В. Записи о денежных вкладах в приходо-расходных и вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря (вторая половина XVI – первая треть XVII в.) // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А. Ю. Дворниченко. Санкт-Петербург: Из-во СПбГУ, 2009. С. 302–306.

⁶ Стрельников, С. В. К вопросу о дублетности информации о вкладах в монастырской документации // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 155–165.

⁷ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). Ф. 132. Оп. 2. Д. 147. Л. 19; Д. 154. Л. 22.

⁸ Там же. Д. 154. Л. 21 об.–22.

⁹ Там же. Л. 23.

¹⁰ Там же. Д. 182. Л. 237.

- ¹¹ Там же. Д. 6, 33.
- ¹² Там же. Оп. 1. Карт. 6. Д. 109; Карт. 9. Д. 134.
- ¹³ Там же. Карт. 2. Д. 162. Л. 1–2.
- ¹⁴ Там же. Карт. 3. Д. 2. Л. 1–2.
- ¹⁵ Там же. Карт. 8. Д. 144. Л. 1–2 об.
- ¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 150.
- ¹⁷ Стрельников, С. В. К изучению вкладных книг Тихвинского монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 128–129.
- ¹⁸ Дианова, Т. В. Филиграния XVII–XVIII вв. «Голова шута». Ката-лог. Вып. 94. Москва: Б. и., 1996. 165 с. № 311, 579 (1660–1662 гг.).
- ¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 150. Л. 1.
- ²⁰ Там же. Д. 147. Л. 29.
- ²¹ Там же. Д. 150. Л. 18 об.
- ²² Там же. Л. 37–38 об.
- ²³ Наличие в денежных приходных книгах записей о вкладах в натуральном выражении, вероятно, зависело от усмотрения монастырских властей. В 1623–1633 гг. такие записи в книги вносились, а в середине века от этой практики отказались.
- ²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 8. Д. 144. Л. 1 об.
- ²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 147. Л. 2–29 об.; Д. 148. Л. 2–31 об.
- ²⁶ Там же. Д. 150. Л. 23–29.
- ²⁷ Там же. Л. 43 об.
- ²⁸ Там же. Колл. 115. Оп. 1. Д. 75. Л. 28 об.

Аннотация

В XVII в. делопроизводство в разных монастырях могло иметь свои особенности, обусловленные характером уклада, местными традициями и уровнем квалификации монастырских казенных дьячков. К письменным источникам, возникшим в процессе становления коммеморативной практики в Русском государстве, относятся синодики и вкладные книги, в которых записывали имена вкладчиков в храмах и монастырях. Вкладные книги Успенского Тихвинского монастыря за 1560–1688 гг. утрачены. Данные других источников, содержащих сведения о вкладах, имеются начиная с 1623 г. Изучение документов, на основании которых составлялись вкладные книги, позволяет оценить степень их достоверности и полноты. В статье представлены итоги сравнительного изучения разных видов документации из архива Успенского Тихвинского монастыря, в которые последовательно копировались записи о вкладах для внесения во вкладные книги и синодики. Первой

и наиболее важной группой таких источников как по полноте, так и по численности являются приходные денежные книги. В них фиксировались все вклады, имевшие денежную составляющую: полные вклады для пострига, вклады для записи в литийный синодик для вечно-го поминания и небольшие вклады – на оговоренный срок. Черновых записей о вкладах в форме столбцов и тетрадей в Q° сохранилось мало, но их наличие позволяет проанализировать порядок обработки данных. Исследование показало, что фиксация вкладов проходила в несколько этапов, на каждом из которых составлялись черновые и беловые записи. Черновые записи о всех видах вкладов, включая мелкие, могли заноситься на листы в форме столбца и в тетради в Q. Затем их переписывали в первый вид черновики приходных книг также в форме столбца. Далее записи о полных вкладах вносились в тетради в Q, сверялись с приходными книгами в столбце, выписывались вкладные грамоты вкладчикам, а о сверке и выдаче грамот делались соответствующие пометы. На следующем этапе данные о полных вкладах переносились в тетради формата F, из которых формировалась беловая вкладная книга. В свою очередь приходные денежные книги из столбцов также переписывались в черновые, а затем и в беловые тетради в Q. Таким образом данные о внесенных вкладах сверялись в документах разного назначения. Вкладные книги и синодики поступали в распоряжение келаря для дальнейшего использования в процессе исполнения обязательств перед вкладчиками. Приходные книги являлись отчетной документацией казначея, но они же в значительной степени позволяют выявить данные о составе вкладчиков в случае утраты вкладных книг.

Ключевые слова: Успенский Тихвинский монастырь, вклады в монастырь, вкладная книга, монастырская приходная денежная книга, синодик, коммеморативная практика, монастырское делопроизводство, исторические источники.

Список литературы

Алексеев, А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 17–117.

Дианова, Т. В. Филлигранные XVII–XVIII вв. «Голова шута». Каталог. Вып. 94. Москва: Б. и., 1996. 165 с.

Дмитриева, З. В. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря (1559/1560–1620-е гг.) // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2017. Т. 8. Вып. 5 (59). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840001876-2-1> (дата обращения 09.02.2024).

- Емченко, Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. Москва: Индрик, 2000. 504 с.
- Кузьмин, А. В., Стрельников, С. В. Вкладные книги // Православная энциклопедия. Т. 8. Москва: Православная энциклопедия, 2004. С. 613–617.
- Марченко, Н. А. Новгородские архиереи в поминальной практике Соловецкого монастыря XV–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2 (92). С. 69–87.
- Павлов, А. П., Поляков, И. А. Представители княжеско-боярской знати как вкладчики Успенского Тихвинского монастыря // Новгородский исторический сборник. Вып. 20 (30). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. С. 218–228.
- Стрельников, С. В. К вопросу о дублетности информации о вкладах в монастырской документации // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 155–165.
- Стрельников, С. В. К вопросу о предназначении вкладных грамот и вкладных книг // Очерки феодальной России. Вып. 10. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2006. С. 58–74.
- Стрельников, С. В. К изучению вкладных книг Тихвинского монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 128–129.
- Dmitrieva, Z. V., Sazonova, T. V. (2020). On Commemorative Practice In Kirillo-Belozersky Monastery (16th – the Beginning of 17th centuries). IN: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, vol. 108, Conference: International Scientific and Practical Conference «MAN. SOCIETY. COMMUNICATION», Veliky Novgorod, Russia, pp. 877–882.
- Halperin, Charles J. (2017). Lay Cash Donations to the Trinity-Sergius Monastery during the Reign of Ivan IV. IN: The Slavonic and East European Review, vol. 95, № 2. April, pp. 271–292.
- Martin, Russell E. (1999). Gifts for the Dead: Death, Kinship and Commemoration in Muscovy (The Case of the Mstislavskii Princes). IN: Russian History, vol. 26, № 2. Summer, pp. 171–202.
- Spock, Jennifer B. (2007). Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645. IN: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, bd. 55, h. 4, pp. 534–565.
- Steindorff, Ludwig (2007). Memorial Practice as a Means of Integrating the Muscovite State. IN: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, vol. 55, pp. 517–533.
- Steindorff, Ludwig (2010). Donations and Commemorations in the Muscovite Realm – A Medieval or Early Modern Phenomenon. IN: Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen, 14–17. Wiesbaden, Harrassowitz, pp. 477–478.

Сведения об авторах

Абеленцева Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, отдел древней истории России, старший научный сотрудник, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-911-297-99-54, oabelen@mail.ru

В редакцию статья поступила 19.04.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-669-684

For citation

Abelentseva, Olga A. (2024). Peculiarities of fixation of data on deposits in the records of the Dormition Tikhvin monastery in the middle of the XVII century, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 669–684, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-669-684

Abelentseva, Olga A., St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Peculiarities of fixation of data on deposits in the records of the Dormition Tikhvin Monastery in the middle of the XVII century

Abstract

In the seventeenth century, clerical work in different monasteries could have its own peculiarities due to the nature of the way of life, local traditions and the level of qualification of monastic clerks. The written sources that emerged in the process of formation of commemorative practice in the Russian state include synodiks and contribution books, in which the names of contributors to churches and monasteries were recorded. The contribution books of the Assumption Tikhvin Monastery for the years 1560–1688 have been lost. The data of other sources containing information about contributions are available from 1623 onwards. The study of the documents on the basis of which the contribution books were compiled makes it possible to assess the degree of their reliability and completeness. The article presents the results of a comparative study of different types of documentation from the archives of the Assumption Tikhvin Monastery, into which records of contributions were successively copied for inclusion in the contribution books and synodics. The first and most important group of such sources, both in terms of completeness and number, are the incoming money books. They recorded all contributions that had a monetary component: full contributions for tonsure, contributions to be recorded in the lithium synodik for eternal commemoration,

and small contributions for a specified period of time. Few draft records of contributions in the form of columns and notebooks have been preserved in Q^oso, but their existence allows us to analyze the order of data processing. The study showed that the recording of contributions took place in several stages, at each of which rough and white records were made. Draft records of all types of deposits, including small ones, could be recorded on sheets in column form and in Q notebooks. They were then transcribed into the first type of draft entry books, also in column form. Further, records on full deposits were entered in Q notebooks, reconciled with entry books in the column, letters of deposit were issued to depositors, and appropriate notes were made on reconciliation and issuance of letters. At the next stage, the data on full deposits were transferred to F-format notebooks, from which a white deposit book was formed. In its turn, the incoming money books from the columns were also transcribed into draft and then into white Q notebooks. In this way, the data on deposits made were reconciled in documents of different purposes. The deposit books and synodic books were placed at the disposal of the kelar for further use in the process of fulfillment of obligations to the depositors. further use in the process of fulfillment of obligations to depositors. The contribution books were the accounting documentation of the treasurer, but they also to a great extent allow to reveal data on the composition of depositors in case of loss of the contribution books.

Keywords

Dormition Tikhvin monastery, contributions to the monastery, contribution book, monastery incoming money book, synodic, commemorative practice, monastery record keeping, historical sources.

References

- Alekseev, A. I. (2010). The first edition of the contribution book of the Kirillov Belozersky Monastery (1560s), *Herald of Church History*, 2010, № 3–4 (19–20), pp. 17–117.
- Dianova, T. V. (1996). Filigrees of the XVII–XVIII vv. “The Jester’s Head”, Catalog, Issue, 94. Moscow, Russia, 165 p.
- Dmitrieva, Z. V. (2017). The contribution book of the Kirillo-Belozersky Monastery (1559/1560–1620-es), *Istoriya. Electronic scientific and educational journal*, vol. 8, № 5 (59), <https://history.jes.su/s207987840001876-2-1> (Accessed of 09.02.2024).
- Emchenko, E. B. (2000). *Stoglav: Research and text*, Indrik, Moscow, Russia, 504 p.
- Kuzmin, A. V., Strelnikov, S. V. (2008). Contribution books. IN: *Orthodox Encyclopedia*, vol. 8. Orthodox Encyclopedia, Moscow, Russia, pp. 613–617.
- Marchenko, N. A. (2023). Novgorod bishops in the memorial practice of the Solovetsky monastery XV–XVII centuries, *Ancient Russia. Voprosy medievistiki*, № 2 (92), pp. 69–87.

- Pavlov, A. P., Polyakov, I. A. (2023). Representatives of the princely-boyar nobility as contributors to the Dormition Tikhvin Monastery. IN: Novgorod Historical Collection, vol. 20 (30), Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia, pp. 218–228.
- Strelnikov, S. V. (2016). To the question of duplicity of information about contributions in monastery documentation, *St. Petersburg Historical Journal*, № 2, pp. 155–165.
- Strelnikov, S. V. (2006). To the question of the purpose of contribution letters and contribution books. IN: Sketches of feudal Russia, vol. 10, Alliance-Archeo, Moscow; St. Petersburg, Russia, pp. 58–74.
- Strelnikov, S. V. (2013). Toward the Study of the Contribution Books of the Tikhvin Monastery, *Ancient Russia. Voprosy medievistiki*, № 3 (53), pp. 128–129.
- Dmitrieva, Z. V., Sazonova, T. V. (2020). On Commemorative Practice In Kirillo-Belozersky Monastery (16th – the Beginning of 17th centuries). IN: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, vol. 108, Conference: International Scientific and Practical Conference «MAN. SOCIETY. COMMUNICATION», Veliky Novgorod, Russia, pp. 877–882.
- Halperin, Charles J. (2017). Lay Cash Donations to the Trinity-Sergius Monastery during the Reign of Ivan IV. IN: The Slavonic and East European Review, vol. 95, № 2. April, pp. 271–292.
- Martin, Russell E. (1999). Gifts for the Dead: Death, Kinship and Commemoration in Muscovy (The Case of the Mstislavskii Princes). IN: Russian History, vol. 26, № 2. Summer, pp. 171–202.
- Spock, Jennifer B. (2007). Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645. IN: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, bd. 55, h. 4, pp. 534–565.
- Steindorff, Ludwig. (2007). Memorial Practice as a Means of Integrating the Muscovite State. IN: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, vol. 55, pp. 517–533.
- Steindorff, Ludwig (2010). Donations and Commemorations in the Muscovite Realm – A Medieval or Early Modern Phenomenon. IN: Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen, 14–17. Wiesbaden, Harrassowitz, pp. 477–478.

About the authors

Abelentseva, Olga A., PhD historical sciences, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Department of Ancient History of Russia, Senior Researcher, St. Petersburg, Russia, 8-911-297-99-54, oaabelen@mail.ru

The article was received in the editorial office on 19.04.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94+930.85+364.057+303.446.4+355.01+316.254+303.032.4+930.24+930.253+651.5+002.6.048.26+303.4.028+303.724.1+316.257+659.4+353.2+353.8+355/359.08+35.076.2+35.076.13+364.02+364.054+364.65

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-685-702

Для цитирования

Горская, Н. И. Власть и общество в условиях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: по документам Смоленского государственного архива // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 685–702, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-685-702

Горская, Н. И.

Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Российская Федерация

Власть и общество в условиях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: по документам Смоленского государственного архива

Постановка проблемы. Большой пласт исследований о последней в XIX в. Русско-турецкой войне посвящен изучению боевых действий, ее причинам и последствиям в контексте международных отношений и международной дипломатии второй половины XIX в.¹ Война 1877–1878 гг. интересует исследователей и с точки зрения «проверки» военной реформы Д. А. Милютина², отношения к войне правительственных кругов³, деятельности славянских комитетов и развития общественного и добровольческого движения⁴. В последнее время лидирующие позиции стали занимать такие темы, как история Красного Креста во Второй Восточной войне и роль сестер милосердия⁵, восприятие войны и жителей Балканского полуострова русским обществом, отражение событий Балканской войны в печати⁶.

Но в целом, за исключением военной литературы, исследования многих сторон Русско-турецкой войны остаются в тени больших войн и историй больших общественных движений⁷. Примечательно, что одна из самых значительных работ

в плане изучения профессиональной идентичности медицинского персонала оставляет за рамками медицинские практики времени Русско-турецкой войны⁸.

Белым пятном в изучении Русско-турецкой войны остается взаимодействие государственных и общественных структур в тылу как в целом по стране, так и в рамках отдельных регионов. Несмотря на то, что в последнее время стали появляться первые региональные исследования по взаимоотношению власти и общественных организаций⁹, этот пробел очевиден на фоне большого массива литературы о совместной деятельности государственных и общественных учреждений в годы Первой мировой войны¹⁰.

Вместе с тем данная проблематика в рамках Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. интересна с точки зрения того, что это был первый пореформенный опыт взаимодействия власти и общества в общероссийской программе содействия армии, анализу которого и посвящена настоящая статья. Региональный аспект исследования и введение в научный оборот документов местного архива дает возможность сфокусировать внимание на взаимодействии государственных и общественных структур в губерниях, выявить соотношение местных и общенациональных интересов в их деятельности.

Информирование населения и правовое регулирование. События Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вызывали неизменный интерес в России. Правительство в свою очередь стремилось к использованию местных ресурсов и инициатив для оказания помощи фронту. Оно было заинтересовано в расширении возможностей информирования населения с целью его вовлечения в благотворительные акции и поддержания позитивного образа войны как войны «за православную веру» и за «братьев славян». Поэтому в инструкциях «сверху» содержалось обязательное требование «сообщить» и «разъяснить» заинтересованным лицам их содержание¹¹.

Сведения о событиях на Балканском полуострове сообщали официальные газеты «Смоленские губернские ведомости» и «Смоленские епархиальные ведомости», доступные образованному обществу. Вместе с тем Главное управление по делам печати «в целях доставления бедным людям возможности

узнавать о ходе военных действий» разрешило перепечатывать правительственные телеграммы из «Правительственного вестника» в Губернских ведомостях и «на отдельных листках наклеивать на видных местах»¹². Этим разрешением воспользовались губернные, городские и уездные власти. Так, Рославльская городская управа «вывешивала в своих окнах для публики телеграммы с театра военных действий, а затем и разные слухи»¹³. Сообщения о военных событиях быстро доходили до городов губернии. Уже 3 декабря 1877 г. в Дорогобуже «по случаю падения Плевны» (Плевна пала 28 ноября) в соборном храме был отслужен торжественный молебен «при участии военных и гражданских чинов всех классов общества»¹⁴.

Центральное место в информировании губернских властей и побуждению их к действиям имели перепечатанные из «Правительственного вестника» законы, а также циркуляры и инструкции МВД и Военного ведомства. Прямое отношение к Смоленской губернии имели циркуляры «О правилах распределения и развозки раненых и больных с театра военных действий» от 25 сентября 1877 г. и «О снабжении теплой одеждой раненых» от 28 сентября 1877 г.¹⁵

Эти акты определяли место Смоленской губернии в лечении раненых исходя из наличия железных дорог, проходивших через губернию и губернский город, а также существования всесословного земского и городского самоуправления. Накануне военных действий было создано две эвакуационных комиссии: в Яссах и во Владикавказе. В их задачу входило распределение раненых, поступающих из действующих армий, в государственные (военные и гражданские) госпитали и госпитали Красного Креста. В то время лечебные учреждения располагались близко к театру военных действий. К сентябрю 1877 г. они оказались переполнены, и возникла необходимость лечения раненых в отдаленных от фронта губерниях. С этой целью были созданы еще две эвакуационные комиссии: Киевская и Московская. Рубежной линией между ними стала железная дорога Смоленск – Москва – Владимир – Нижний Новгород. Лечебные заведения, лежавшие к югу от этой линии, и госпитали города Смоленска были причислены

к Киевской эвакуационной комиссии. А все лечебные заведения на линии Смоленск – Москва – Владимир – Нижний Новгород и к северу от нее относились к Московской эвакуационной комиссии¹⁶.

Госпитали для лечения раненых «прижимались» к дороге из-за сложности транспортировки раненых от железнодорожных станций. Положительное значение имел факт нахождения железнодорожных станций в городах Гжатске, Вязьме и Смоленске. Через Смоленск проходила еще Орловско-Рижская дорога, по которой также перевозили раненых, пленных и военные грузы, направлявшиеся к театру военных действий.

С осени 1877 г., по новым Правилам распределения и перевозки раненых и больных с театра военных действий, госпитальная сеть расширялась не только территориально, но и за счет новых субъектов, получивших право на создание тыловых лечебниц. К ним относились общественные организации, среди которых были земства и города, имевшие статус «общественных» учреждений, и частные лица, «если будут содержать все условия содержания, лечения, своевременного возвращения раненых»¹⁷. Таким образом, лечение раненых, размещение военнопленных и решение всего комплекса сопутствующих вопросов возлагалось на ряд местных государственных и общественных институтов.

Система учреждений. Документы Смоленского государственного архива позволяют описать учреждения и общества, занимавшиеся решением вопросов, которые можно назвать помощью армии и различным категориям населения, пострадавшим от войны. К ним относились так называемые местные комитеты Красного Креста: губернское управление, шесть уездных отделов (Смоленское, Бельское, Гжатское, Духовщинское, Рославльское, Юхновское) и одно городское (Вяземское). Как правило, в делопроизводственной документации 1877–1878 гг. и по закону от 3 мая 1867 г.¹⁸ они назывались обществами Попечения о раненых и больных воинах (в комитеты Красного Креста были переименованы в 1879 г.) и действовали под общим патронажем императрицы Марии Александровны и в мирное, и в военное время. Попечения носили характер добровольных общественных организаций, но покровительство императрицы

повышало их статус в глазах населения и местной администрации. На территории Смоленской губернии управление и комитеты Попечения действовали только во время войны (с октября 1877 г. до декабря 1878 г.), и были нацелены на благотворительность и на лечение раненых. Кроме того, в общую работу были включены дамские комитеты, Смоленское благотворительное общество (создано 20 апреля 1872 г.), переименованное в ходе войны в губернское Попечительство для пособия нуждающимся семействам; губернское и уездные земства, городские управы, волостные правления, уездные исправники, церкви и частные лица¹⁹. Координация действий всех этих институций принадлежала губернатору.

Центральная и местная администрации стремились разделить функции между организациями и учреждениями. Земства занимались снаряжением военного ополчения и вместе с городами и крестьянским самоуправлением – призрением семей военнослужащих, призванных на войну и погибших на войне. Другие акторы были нацелены на организацию госпиталей, доставку раненых, благотворительность, размещение пленных и другое. Однако в действительности их действия переплетались: те же органы самоуправления занимались и госпиталями, и военнопленными. Поскольку земские учреждения к 1877 г. (созданы в 1865–1866 гг.) уже имели организационные структуры в виде управ, опыт работы с населением и самостоятельные бюджеты, некоторые обязанности губернской администрации «автоматически» перекладывались на земства, что тяжело сказывалось на их финансах.

Несмотря на многочисленность и разнородность институций, занимавшихся оказанием помощи фронту, тем не менее можно говорить об определенной системе учреждений, сконцентрированных на решении вопросов, связанных с войной, которая скреплялась личной унией губернатора, представителей земских управ, руководителей других общественных организаций. Это была смешанная общественно-административная совокупность, инициированная государством, открытая и для частных лиц²⁰.

Роль центра играло губернское управление Попечения о раненых и больных²¹. В него вошли самые значительные персоны местной элиты: губернатор, губернский предводитель

дворянства, смоленский епископ, председатель губернской земской управы, смоленский городской голова, смоленский уездный предводитель дворянства, председательница Смоленского благотворительного общества – всего 29 человек, из них: 16 членов и 13 сестер милосердия²².

Вокруг общества концентрировались все перечисленные выше организации, а многие действия санкционировались губернатором. Управление Попечения действовало через своих агентов – уездные и городские общества Попечения, в которые вошли представители местных обществ и администраций²³.

Благодаря особому статусу Общества Попечения о раненых, участию в нем руководителей всех видов самоуправления (дворянского, земского, городского), благотворительных организаций и частных лиц, оно олицетворяло общественную инициативу, конструировало новые социальные связи на местном уровне. В задачу губернского управления Попечения и сконцентрированных вокруг него учреждений входили: создание и укомплектование эвакуационных госпиталей, транспортировка раненых, обеспечение пособием выздоравливающих, подготовка сестер милосердия, сбор пожертвований, в том числе в пользу жителей Балканского полуострова, размещение пленных, помощь семьям солдат и офицеров.

В рамках Красного Креста действия губернатора были ограничены общими правилами. По отношению к другим субъектам системы он действовал как администратор. Во время войны губернатор постоянно обращался к земству «за содействием», но порой в их отношениях проявлялась напряженность. Известно, что смоленский губернатор жаловался Сенату на действия губернской управы и Духовщинского собрания «по предмету обмундирования ополченцев»²⁴. Однако на основании известных нам документов мы не можем более подробно описать эту конфликтную ситуацию. С другой стороны, в других крупных акциях земство и губернатор действовали совместно. В целом отношения земства и губернатора во время войны можно охарактеризовать фразой, закрепившейся в нашей историографии, как «конфликты и сотрудничество», но с явным перевесом в сторону сотрудничества.

Лечение раненых и социальные программы. Госпитальная сеть на территории Смоленской губернии была создана и функционировала под эгидой Смоленского управления Попечения о раненых и земских учреждений в течение года (август 1877 – август 1878 г.). В содержании раненых принимало участие и Окружное Московское интендантское управление, постоянно отчисляя деньги на их лечение²⁵.

В госпиталях губернского Попечения насчитывалось 600 койко-мест. В местах расположения железнодорожных станций было устроено четыре эвакуационных госпиталя: Смоленский (в трех помещениях) и его вспомогательное отделение в селце Ярцево на средства и в здании владельца местной фабрики купца А. И. Хлудова (на 300 человек), в Вязьме (на 150 человек), Гжатске (на 100 человек) и в Рославльском мужском монастыре (на 50 человек). Лазареты в Смоленске расположились в доме Смоленского дворянского собрания, в отделении городской больницы и в двух частных домах²⁶.

Что касается земских госпиталей, то они были рассредоточены по территории губернии более равномерно. Больничные места для раненых по несколько десятков коек (например, Гжатске – 40 кроватей, в Поречье – 10, в Ельне – 20) выделили все 11 уездных земских больниц, расположенных в уездных городах. В губернской больнице для раненых отвели 150 кроватей²⁷. Кроме городских больниц, было 5 временных госпиталей вне городов. Полные данные о числе лечившихся солдат по документам Смоленского государственного архива выяснить не удалось. Однако установлено, что в госпиталях губернии с августа 1877 г. по 1 января 1878 г. лечились 2 403 человека²⁸.

Если принять во внимание, что санитарные поезда Общества Попечения за всю войну перевезли 218 296 человек (85,5% всех раненых)²⁹, то нахождение более двух тысяч из них в лечебницах Смоленской губернии только в течение пяти месяцев говорит о значительном вкладе жителей губернии в дело лечения раненых.

По свидетельству местных корреспондентов, самой крупной и благоустроенной считалась лечебница Управления Попечения в здании дворянского собрания в Смоленске (раздельные комнаты для раненых, в зависимости от степени тяжести

ранения, баня, чистые простыни, шерстяные одеяла, хорошее питание с включением в рацион говядины и белого хлеба)³⁰.

В документах зафиксировано немало проблем, с которыми столкнулись устроители лазаретов: транспортировка раненых, снабжение одеждой, наем помещений, обеспечение медперсоналом. Некоторые из них достаточно оперативно решались на местном уровне, благодаря отклику местных жителей и наличию земств, попечительских и крестьянских обществ.

Одной из острых проблем не только для Смоленской губернии, но и для всей страны являлось обеспечение госпиталей медицинским персоналом. Так, к ноябрю 1877 г. в шести госпиталях Петербургского военного округа требовалось 54 врача, а служило только 17³¹. Еще накануне войны правительство планировало привлечь гражданских медиков. Сначала на театр военных действий направляли медиков из тыловых военных учреждений. Затем дело дошло и до гражданского медперсонала. Он привлекался на военную службу на добровольной основе. Врачам назначали высокое жалование (1 800 рублей и 400 рублей подъемных) с сохранением прежнего места работы. В марте 1877 г. решили задействовать земских и городских врачей³².

В Смоленской губернии с населением более 1 млн 200 тыс. человек³³ действовало 12 больниц. В каждой больнице работали один, иногда два врача (в губернской – четыре врача) и несколько фельдшеров и акушерок. В связи с тем, что часть больниц передавалась под госпитали, нагрузка на медперсонал значительно возрастала. В фонде смоленского губернатора сохранилась переписка губернской администрации и земских управ, из которой видно, что управы отвечали отказом отпускать своих врачей и фельдшеров из-за невозможности заменить ушедших в армию³⁴.

В такой ситуации МВД думало прибегнуть к мобилизации гражданских врачей. Однако император Александр II не согласился с их призывом и выразил надежду, что и «без новых, обязательных для врачей правил, все те из них, которые могут посвятить труды свои на службу по военно-медицинскому ведомству, добровольно, по собственному патриотическому побуждению, предложат свои услуги»³⁵.

Нехватка медиков так и не была ликвидирована к концу войны, но она компенсировалась их ответственным отношением к делу³⁶.

На территории губернии размещались военнопленные турецкой армии. По соглашению губернской администрации с земствами и городами Смоленщина приняла более тысячи военнопленных. Их обеспечение помещениями, продуктами, одеждой и медицинской помощью легло на земство³⁷.

Крупной гуманитарной акцией на территории Смоленской губернии был сбор теплых вещей для армии и раненых осенью 1877 – зимой 1878 г. Непосредственным поводом стало опасение зимних холодов во время перевозки раненых от железнодорожных станций к больницам. Перевозку раненых обеспечивали земства, нанимая для этой цели зимний транспорт. В кампанию по сбору теплых вещей включились общественные организации и население под руководством администрации. Пожертвования шли от частных лиц (крестьян, купцов, мещан, дворян), дворянской корпорации, сельских обществ и волостей. Сбор вещей начался по инициативе снизу, а возглавили его жители Дорогобужа, Духовщины, Сычевки и Рославля. Задача администрации заключалась в том, чтобы выстроить логистику. Земства не принимали участие в этой акции из-за скудности своих бюджетов. Значение имели и формально-правовые процедуры: земские управы не могли перечислять деньги произвольно, без решения земского собрания. Недостаток земских денег был восполнен народной инициативой. Население губернии пожертвовало избыточное количество теплых вещей для транспортировки раненых, которые после войны были распределены между крестьянами-погорельцами Смоленской губернии³⁸.

Документы Смоленского государственного архива содержат информацию и о других мероприятиях в тылу. Наибольшее социальное значение из них имели временная помощь семьям военнослужащих, призванных в армию, и выдача постоянных пособий семьям, чьи кормильцы погибли на Балканской войне. Впервые в истории войн, которые вела Россия, правительство с привлечением местных организаций пошло на социальную поддержку семей, пострадавших от войны.

По документам Смоленского государственного архива, на основании списков нижних чинов, представленных в Министерство внутренних дел, в Русско-турецкой войне погибли 275 смолян, 702 человека остались без кормильцев³⁹. Временные и постоянные пособия обеспечивало местное самоуправление: земства, города и крестьянские общины⁴⁰.

Выводы. В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на территории Смоленской губернии, находившейся в глубоком тылу, была создана система властных и общественных институтов, оказывавшая помощь воюющей армии и семьям, пострадавшим от войны. На примере одной губернии можно констатировать, что впервые крупные гуманитарные акции стали совместным делом населения и администрации. В их основе лежали правительственные инициативы, санкционированные законом, но имело место и движение снизу, базировавшиеся на понимании справедливого характера войны. В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. были апробированы основные практики взаимодействия власти и общества, применявшиеся в годы Первой мировой войны.

Примечания

¹ Айрапетов, О. Р. Внешняя политика Российской империи. Москва: Европа, 2006. 668 с.; Скрицкий, Н. В. Балканский гамбит: неизвестная война 1877–1878 гг. Москва: Вече, 2006. 413 с.

² Айрапетов, О. Р. Испытание войной: реформы и вооруженные силы России и Турции в 1860–1870-е годы // Российская история. 2016. № 6. С. 15–27; Бушнелл, Джон. Д. Милютин и Балканская война: испытание войной // Великие реформы в России. 1856–1874. Москва: МГУ, 1992. С. 239–259; Menning, W. W. (2000). Bayonets before Bullets. The imperial Russian Army, 1861–1914. Indiana University Press, Bloomington, USA, 334 p.; Miller, F. A. (1968). Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia. Vanderbilt University Press, Nashville, 246 p.

³ Захарова, Л. Г. Д. А. Милютин: военный министр и реформатор. «Все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху» // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX века. Москва: Институт российской истории РАН, 2003. С. 5–68.

⁴ Дьяков, В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. Москва: Наука, 1993. 207 с.; Мамонов, А. В.

Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875–1877 годах // *Российская история*. 2004. № 3. С. 60–77.

⁵ Мельникова, Л. В. Общины сестер милосердия и женские православные монастыри во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Российская история*. 2016. № 6. С. 28–45; Lindenmeyr, A. (1993). *Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762 1914*, *Journal of Women in Culture and Society*, vol. 18, № 3, pp. 562–591; Hutchinson, John F. (1996). *Champions of Charity: War and the Rise of the Red Cross*, West view Press, Boulder, 448 p.

⁶ Калиганов, И. И. Воспоминания участника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерала М. А. Газенкампа // *Вестник славянских культур*. 2017. Т. 45. С. 7–18; Кочуков, С. А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов: Наука, 2012. 524 с.; Сучалкин, Е. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российских современников.: Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. 224 с.

⁷ Линденмейр, А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // *Великие реформы в России. 1856–1874*. Москва: МГУ, 1992. С. 283–300; Соколова, В. А. Российское общество Красного Креста (1876–1918). Дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2014. 302 с.

⁸ Grant, Susan (ed.) (2017). *Russian and Soviet health care from an International perspective: comparing professions, practice and gender, 1880–1960*, Palgrave Macmillan, Liverpool, 281 p.

⁹ Олешкова, А. М. Эволюция организации и деятельности Российского общества Красного Креста во второй половине XIX века – 1917 г. (на материалах Урала). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. 305 с.

¹⁰ Асташов, А. Б. Мобилизация и санитария в тылу Русской армии в 1914–1918 годы: социально-экономический анализ // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2021. № 2 (53). С. 27–37; Горская, Н. И. Местное земство и война (из истории Смоленского земства в 1914–1917 гг.) // *Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг.* Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 141–161; Кайдышева, Н. Н. Благотворительная деятельность как проявление гражданской активности в годы Первой мировой войны // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2015. № 2 (29). С. 113–123; Степанов, К. А. Ростовская уездная комиссия Елизаветинского комитета в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 2013. № 5. С. 144–153; Gleason, W. E. (1982). *The All – Russian Union of Zemstvos and World War I*. IN: *The Zemstvo in Russia*. Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA, pp. 365–382; Follows, T. (1978). *Politics*

and the war effort in Russia: The Union of Zemstvos and the organization of the food supply 1914–1916, *Slavic Review*, vol. 37, № 1, pp. 37–58.

¹¹ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 5. 1878. Д. 166. Л. 1 об.

¹² Там же. 1877. Д. 186. Л. 1–3.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 54. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 288. Л. 1–1з.

¹⁶ Там же. Л. 1, 1б–1б об.

¹⁷ Там же. Л. 1 об.

¹⁸ Устав Общества попечения о раненых и больных воинах // ПСЗ РИ – II. Т. 42. Отд. 1. № 44 519.

¹⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1877. Д. 287. Л. 18; Д. 297. Л. 7.

²⁰ Там же. Д. 288. Л. 6–13, 17, 23–47.

²¹ Существовало два вида попечительств. Одно – попечительство о раненых и больных воинах (Красный Крест); другое – специальное попечительство для пособий нуждающимся семействам.

²² Обзор Смоленской губернии за 1878 год. Смоленск: Губернский статистический комитет, 1878. С. 50.

²³ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. 1877. Д. 17. Л. 2.

²⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 5. 1878. Д. 201. Л. 36.

²⁵ Там же. Ф. 7. Оп. 1. 1878. Д. 19.

²⁶ Там же. Ф. 65. Оп. 1. 1877. Д. 225. Л. 3, 66–90.

²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 5. 1877. Д. 288. Л. 45–45 об., 65 об.

²⁸ Обзор Смоленской губернии за 1877 год. Смоленск: губернский статистический комитет, 1878, б. л.

²⁹ Российское общество Красного Креста: Исторический обзор деятельности. Санкт-Петербург: Об-во Яблонского, 1902. С. 13.

³⁰ Смоленский вестник. 1878. № 3.

³¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1878. Д. 166. Л. 1.

³² Там же. Л. 5–5 об.

³³ Обзор Смоленской губернии за 1878 г. С. 8.

³⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1878. Д. 166. Л. 73–86; 1877. Д. 131. Л. 5–21.

³⁵ Там же. 1878. Д. 166. Л. 1 об.

³⁶ Там же. 1877. Д. 131. Л. 15–16 об., 23.

³⁷ Там же. Ф. 7. Оп. 1. 1978. Д. 19.

³⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 5. 1877. Д. 288. Л. 23–153.

³⁹ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 62. Л. 149–151.

⁴⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 5. 1877. Д. 296; 1978. Д. 62; Ф. 7. Оп. 1. 1877. Д. 14; 1878. Д. 68.

Аннотация

В статье речь идет о взаимодействии власти и общества по решению задач в тылу в связи с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Смоленская губерния, благодаря наличию железных дорог и органов самоуправления в лице земств и городов, несмотря на удаленность губернии от фронта, была вовлечена в общероссийские программы содействия армии и населению, пострадавшему от войны. Однако до настоящего времени эти события на территории губернии не изучены. Наличие в Смоленском государственном архиве десятков дел, обладающих большим информационным потенциалом, дает возможность проанализировать вклад жителей Смоленской губернии и ее администрации в освобождение славянских народов Балканского полуострова. Материалы Смоленского государственного архива по теме носят делопроизводственный характер. Они отложились в фондах Канцелярии смоленского губернатора (Ф. 1), Смоленской губернской земской управы (Ф. 7), Смоленской городской управы (Ф. 65). Видовое однообразие источников соответствует задачам исследования. С позиций системного подхода и инвент-анализа исследуется система местных административных учреждений и общественных организаций по лечению раненых, размещению пленных и оказанию помощи семьям военнослужащих и мероприятий, сопутствующих этим направлениям деятельности. Анализ источников показал, что система тыловых учреждений и связей сложилась под воздействием центральной власти, но ее организационные формы, практики и процедуры взаимодействия формировались на местах и являлись отражением не только правительственной политики, но и положительного восприятия войны со стороны местного населения и наличия на территории Смоленской губернии необходимых общественных структур. Центральное место в системе этих учреждений занимало местное Попечение о раненых и больных воинах, являвшееся структурным подразделением Красного Креста на территории губернии, а роль координатора выполнял губернатор. В годы войны в Смоленской губернии была создана разветвленная сеть временных эвакуационных госпиталей, находившаяся в ведении губернского управления Попечения о раненых и больных и земских учреждений. В них прошли лечение тысячи раненых. В статье представлены и другие акции по оказанию помощи армии: сбор теплых вещей среди населения, помощь семьям военнослужащих, пострадавших от войны. Автор приходит к выводу, что сложившиеся в Смоленской губернии в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. организационные формы и практики стали своеобразной апробацией аналогичных мер, применявшихся в тылу в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Смоленская губерния, власть и общество, местная администрация, Красный крест, земство, тыловые госпитали, социальная поддержка, исторические источники.

Список литературы

Айрапетов, О. Р. Испытание войной: реформы и вооруженные силы России и Турции в 1860–1870-е годы // *Российская история*. 2016. № 6. С. 15–27.

Асташов, А. Б. Мобилизация и санитария в тылу русской армии в 1914–1918 годы: социально-экономический анализ // *Вестник Пермского университета*. Серия: История. 2021. № 2 (53). С. 27–37.

Бушнелл, Джон. Д. Милютин и Балканская война: испытание войной // *Великие реформы в России. 1856–1874*. Москва: МГУ, 1992. С. 239–259.

Дьяков, В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. Москва: Наука, 1993. 207 с.

Кайдышева, Н. Н. Благотворительная деятельность как проявление гражданской активности в годы Первой мировой войны // *Вестник Пермского университета*. Серия: История. 2015. № 2 (29). С. 113–123.

Калиганов, И. И. Воспоминания участника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерала М. А. Газенкампа // *Вестник славянских культур*. 2017. Т. 45. С. 7–18.

Кочуков, С. А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов: Наука, 2012. 298 с.

Линденмейр, А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // *Великие реформы в России. 1856–1874*. Москва: МГУ, 1992. С. 283–300.

Мамонов, А. В. Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875–1877 годы // *Российская история*. 2004. № 3. С. 60–77.

Мельникова, Л. В. Общины сестер милосердия и женские православные монастыри во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Российская история*. 2016. № 6. С. 28–45.

Gleason, W. E. (1982). *The All – Russian Union of Zemstvos and World War I*. IN: *The Zemstvo in Russia*. Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA, pp. 365–382.

Follows, T. (1978). Politics and the war effort in Russia: The Union of Zemstvos and the organization of the food supply 1914–1916, *Slavic Review*, vol. 37, № 1, pp. 37–58.

Menning, B. W. (2000). *Bayonets before Bullets. The imperial Russian Army, 1861–1914*. Indiana University Press, Bloomington, USA, 334 p.

Miller, F. A. (1968). Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia. Vanderbilt University Press, Nashville, 246 p.

Lindenmeyr, A. (1993). Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914, *Journal of Women in Culture and Society*, vol. 18, № 3, pp. 562–591.

Hutchinson, John F. (1996). Champions of Charity: War and the Rise of the Red Cross, West view Press, Boulder, 448 p.

Grant, Susan (ed.) (2017). Russian and Soviet health care from an International perspective: comparing professions, practice and gender, 1880–1960, Palgrave Macmillan, Liverpool, 281 p.

Сведения об авторах

Горская Наталья Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Смоленский государственный университет, факультет истории и права, кафедра истории России, профессор, г. Смоленск, Российская Федерация, 8-910-761-69-80, gorskaya-n@yandex.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-28-20194) в рамках регионального конкурса «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными группами»: <https://grant.rscf.ru/site/user/bids?role=master>

В редакцию статья поступила 12.03.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-685-702

For citation

Gorskaya, Natalya I. (2024). Power and Society in the Russian-Turkish War of 1877–1878: on the documents of the Smolensk State Archive, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 685–702, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-685-702

Gorskaya, Natalya I., Smolensk State University, Smolensk, Russia
Power and society in the conditions of the Russian-Turkish war of 1877–1878: on the documents of the Smolensk State Archive

Abstract

The article deals with the interaction between the authorities and society in solving problems in the rear in connection with the Russo-Turkish War of 1877–1878. Smolensk province, thanks to the presence of railroads and

self-government bodies in the form of zemstvos and towns, despite the remoteness of the province from the front, was involved in the all-Russian programs of assistance to the army and the population affected by the war. However, these events on the territory of the province have not been studied so far. The presence in the Smolensk State Archive of dozens of files with great information potential makes it possible to analyze the contribution of the inhabitants of Smolensk province and its administration to the liberation of the Slavic peoples of the Balkan Peninsula. The materials of the Smolensk State Archives on the subject are of a clerical nature. They are stored in the fonds of the Office of the Smolensk Governor (F. 1), Smolensk provincial zemstvo (F. 7), Smolensk city council (F. 65). The uniformity of the sources corresponds to the objectives of the study. The system of local administrative institutions and public organizations for the treatment of the wounded, accommodation of prisoners and assistance to the families of servicemen and the activities accompanying these activities are studied from the perspective of the system approach and event analysis. The analysis of sources has shown that the system of rear institutions and relations was formed under the influence of the central government, but its organizational forms, practices and procedures of interaction were formed locally and were a reflection not only of government policy, but also of the positive perception of the war by the local population and the presence of the necessary public structures on the territory of Smolensk province. The central place in the system of these institutions was occupied by the local Care for Wounded and Sick Soldiers, which was a structural subdivision of the Red Cross on the territory of the province, with the governor acting as coordinator. During the war years in Smolensk province an extensive network of temporary evacuation hospitals was created, which were under the jurisdiction of the provincial administration of the Care for the Wounded and Sick and zemstvo institutions. Thousands of wounded were treated in them. The article presents other actions to help the army: collection of warm clothes among the population, assistance to the families of servicemen who suffered from the war. The author concludes that the organizational forms and practices developed in Smolensk province during the Russo-Turkish War of 1877–1878 became a kind of approbation of similar measures applied in the rear during the First World War.

Keywords

Russian-Turkish war of 1877–1878, Smolensk province, power and society, local administration, Red Cross, zemstvo, rear hospitals, social support, historical sources.

References

- Ayrapetov, O. R. (2016). Tested by war: reforms and armed forces of Russia and Turkey in the 1860s–1870s, *Russian History*, № 6, pp. 15–27.
- Astashov, A. B. (2021). Mobilization and sanitation in the rear of the Russian army in 1914–1918: socio-economic analysis, *Vestnik of Perm University. Series: History*, № 2 (53), pp. 27–37.
- Bushnell, John. D. (1992). Milyutin and the Balkan War: The Test of War. IN: Great Reforms in Russia. 1856–1874. Moscow State University, Moscow, Russia, pp. 239–259.
- Dyakov, V. A. (1993). Slavic question in the public life of pre-revolutionary Russia, Nauka, Moscow, Russia, 207 p.
- Kaidysheva, N. N. (2015). Charity activity as a manifestation of civil activity in the years of the First World War, *Vestnik of Perm University. Series: History*, № 2 (29), pp. 113–123.
- Kaliganov, I. I. (2017). Memories of the participant of the Russian-Turkish War of 1877–1878, General M. A. Gazenkampf, *Bulletin of Slavic Cultures*, vol. 45, pp. 7–18.
- Kochukov, S. A. (2012). “For the Slavic brothers”: the Russian-Turkish war of 1877–1878 in the perception of society, power and army of the Russian Empire, Nauka, Saratov, Russia, 298 p.
- Lindenmeir, A. (1992). Voluntary charitable societies in the era of the Great Reforms. IN: Great Reforms in Russia. 1856–1874. Moscow State University, Moscow, Russia, pp. 283–300.
- Mamonov, A. V. (2004). Autocracy and the “Slavic Movement” in Russia in 1875–1877, *Russian History*, № 3, pp. 60–77.
- Melnikova, L. V. (2016). Communities of Sisters of Mercy and female Orthodox monasteries during the Russo-Turkish War of 1877–1878, *Russian History*, № 6, pp. 28–45.
- Gleason, W. E. (1982). The All – Russian Union of Zemstvos and World War I. IN: The Zemstvo in Russia. Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA, pp. 365–382.
- Follows, T. (1978). Politics and the war effort in Russia: The Union of Zemstvos and the organization of the food supply 1914–1916, *Slavic Review*, vol. 37, № 1, pp. 37–58.
- Menning, B. W. (2000). Bayonets before Bullets. The imperial Russian Army, 1861–1914. Indiana University Press, Bloomington, USA, 334 p.
- Miller, F. A. (1968). Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia. Vanderbilt University Press, Nashville, 246 p.
- Lindenmeyr, A. (1993). Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914, *Journal of Women in Culture and Society*, vol. 18, № 3, pp. 562–591.

Hutchinson, John F. (1996). *Champions of Charity: War and the Rise of the Red Cross*, West view Press, Boulder, 448 p.

Grant, Susan (ed.) (2017). *Russian and Soviet health care from an International perspective: comparing professions, practice and gender, 1880–1960*, Palgrave Macmillan, Liverpool, 281 p.

About the authors

Gorskaya, Natalya I., Doctor of Historical Sciences, Professor, Smolensk State University, Faculty of History and Law, Department of Russian History, Professor, Smolensk, Russia, +7-910-761-69-80, gorskaya-n@yandex.ru

Grant information

The article was prepared with the financial support of RNF (project no. 24-28-20194) within the framework of the regional competition “Carrying out fundamental scientific research and search scientific research by small individual groups”: <https://grant.rscf.ru/site/user/bids?role=master>

The article was received in the editorial office on 12.03.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94+930.23+321.01+304.444+316.42+32.019.5+659.4+304.44+304.2+321.8+328.18+379.8+379.8.09+379.82+321.6+342.2+395.3+930.25
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-703-717

Для цитирования

Сухова, О. А. Обоздание Смуты: практики коммеморации в российской провинции в 1918 г. По материалам Государственного архива Пензенской области // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 703–717, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-703-717

Сухова, О. А.

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация

Обоздание Смуты: практики коммеморации в российской провинции в 1918 г. По материалам Государственного архива Пензенской области

Введение. Порожденный дихотомией хронотопа повседневности, феномен советской праздничной культуры в последние десятилетия превратился в явную и устойчивую константу исторической науки. Истоки этого тренда обнаруживаются в 1970-е гг. и связаны с растущим интересом к изучению символики и ритуалов советской действительности¹. Массовый праздник как специфическая форма господства стал удобным аргументом в системе теоретического обоснования СССР как «пропагандистского государства», «инсценирующей диктатуры»². С позиций социального конструкционизма революционные праздники и юбилеи интерпретируются как символические практики формирования «нового» общества и человека³, средство построения новой политической культуры⁴, восприятие репрезентативного образа власти⁵ и революции, формы коммеморации, утверждения новых традиций и ценностей⁶, инструменты визуализации идеологии, конструирования синтетической реальности⁷. Разработанный методологический инструментарий успешно осваивается региональной историографией⁸.

В предметной области *memory studies* повседневность праздника проявляется в образах мемориальной культуры и символической мемориальной политики, служит средством закрепления коллективных воспоминаний⁹, обеспечивающих не только легитимность действующей власти, но и формирующих идентичность, чувство общности¹⁰. Коммеморативное предназначение праздника возрастает в связи с трансформацией содержания «учредительного мифа», первоосновы коллективной памяти. Так, в исследованиях Алейды Ассман в истории Европы вторая половина XX в. представлена динамикой перехода от героики Революции к идеалу жертвы, укреплению идеи Холокоста¹¹.

С другой стороны, массовое политическое действие предстает инструментом внедрения организующего начала в стихию революционной ломки социальных ценностей, норм и запретов, преодоления, обуздания революционного насилия. Как отмечает А. Ю. Сизова, революция 1917 г. имела все черты архетипично-го праздника: от карнавала до вакханалии массовых девиаций¹². Подтверждение данному выводу находим в изучении алгоритма массового поведения крестьянства в погромном движении революций 1905–1907 гг. и 1917 г. Материалы дознаний, свидетельства современников подтверждают соблюдение «сценарной» основы, ритуала бунта, завершавшегося, как правило, инсценировкой карнавального действия, «масленичного гуляния», что обеспечивало блокировку социальной агрессии и восстановление норм и ограничений¹³. В этом случае праздник предстает как процесс эскалации насилия, кульминацией которого выступает ритуальное жертвоприношение, неизбежное и необходимое для возвращения к созидательной жизни¹⁴. Совпадение социокультурного и политического контекстов революции позволяет объяснить содержание новых практик коммеморации: «революционные праздники первых лет советской власти были прежде всего праздниками порядка и дисциплины»¹⁵.

Результаты. Масштаб праздничного преобразования городского пространства, декорирование целых зданий и улиц, футуристичная основа праздничной концепции столиц отражали историческое значение момента и роль зрелищного искусства в утверждении новых ценностей и смыслов¹⁶. Революция праздника в российской провинции была в большей

Фото 1. Соборная площадь г. Пензы. 1 мая 1918 г. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 373. Л. 1

степени ориентирована на архитипичную модель, на традиционное значение коммеморативных практик.

Рассмотрим трансформацию функционала массовых праздников в 1918 г. на примере Пензенской губернии. Корпус источников, позволяющих разграничить политический, архитипичный и рекреационный фреймы советских праздников, выявить семантическое значение фиксации коммеморативных практик в официальном и публичном дискурсе региональных властей, представлен делопроизводственной документацией, а также материалами периодической печати.

Места памяти и архетип праздника. Первым актом собственно советской коммеморации становится декрет «О памятниках республики» от 12 апреля 1918 г.¹⁷ Буквально следуя положениям декрета, пензенские большевики принимают решение об установке на Советской (бывшей Соборной) площади «модели памятника» Карлу Марксу¹⁸. 24 апреля губернский комиссар по делам печати А. В. Кутузов поспешил рапортовать в Москву о завершении сооружения в Пензе первого в Европе памятника Карлу Марксу¹⁹. Несмотря на внушительные размеры, гипсовый бюст теоретика марксизма («львиная голова, зоркий взгляд вдаль и жест оратора, еще не закончившего речь»²⁰) был выполнен скорее как элемент декоративного убранства площади (фото 1).

11 мая на заседании Совета депутатов было принято решение поставить памятник Карлу Марксу на месте прежнего бюста, стало быть модель памятника к этому времени была уже демонтирована²¹. Тем не менее, возникновение мифа о первом в Европе памятнике К. Марксу²² подтверждает значение коммеморации как средства формирования региональной идентичности.

Утверждение революционного праздничного календаря носило принудительный характер. Так, согласно предписанию комиссариата внутренних дел всем гражданам г. Пензы под угрозой ареста до 3 месяцев или штрафа в 6 000 руб. надлежало украсить к 1 мая все дома красными знаменами с надписью: «Российская Федеративная Социалистическая Республика»²³. Шествие к Советской площади (административному центру г. Пензы) изначально планировалось как организованное движение профессиональных и общественных объединений, собиравшихся на нескольких, определенных заранее сборных пунктах: «отдельные лица и неорганизованные толпы граждан» на площадь не допускались²⁴.

По свидетельству современников, из-за угрозы массового скопления людей в обывательской среде распространялись тревожные настроения: «Наверное, резня будет». Здесь же присутствует и констатация обуздания стихийности масс: «порядок образцовый»²⁵. И, действительно, ситуация в регионе была накалена до предела. Так, в г. Мокшане (уездный центр), спустя несколько дней, пасхальные торжества обернутся погромами и введением военного положения²⁶.

В течение последующих месяцев модель официального праздника претерпевает кардинальные изменения. Российская глубинка неожиданно оказалась на передовых рубежах Гражданской войны: 28–29 мая 1918 г., пользуясь значительным превосходством в живой силе и вооружении, следовавшие через Пензу чехословаки подняли мятеж и захватили город.

Вакханалия насилия и грабежей продолжалась недолго. 1 июня легионеры покинули город. На следующий день состоялись похороны защитников города, павших на революционном посту. Более 80 тел было захоронено в братской

Фото 2. Советская площадь г. Пензы. Третья годовщина подавления мятежа Чехословацкого корпуса. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 381. Л. 1

могиле на Советской площади недалеко от постаamenta памятника К. Марксу²⁷. В семантике провинциальной повседневности революция-праздник завершилась жертвоприношением, и в ноябре 1918 г. происходит трансформация учредительного «места памяти»: образ первого мыслителя и борца пролетариата постепенно уступает место братской могиле жертв чехословацкого мятежа (фото 2).

Отчетная документация о праздновании годовщины Октябрьской революции воспроизводит политический и архитектурный фреймы советских праздников. Первичным уровнем формирования иерархии новых смыслов становится организация торжеств в волостных центрах. Здесь ограниченные ресурсы диктовали необходимость выбора самых необходимых и понятных населению средств коммеморации, но тем четче проступает переплетение моделей поведения. Так, в с. Рамзай Мокшанского уезда празднование первой годовщины Октябрьской революции проходило два дня и включало в себя проведение митингов, бесплатных спектаклей и концертов в Народном доме, шествия по селу («население, учащие со своими учениками, продовольственный отряд, население Мало-Рамзайской волости,

железнодорожные служащие ст. Рамзай и вновь строящейся линии Рамзай – Мокшан»). Революционная символика была отражена в декорировании зданий и шествия красными флагами («каждый со своим флагом») и исполнении «похоронного марша» и революционных песен. А вот бесплатные угощения для детей следует отнести к традиционным практикам коммеморации, эффективность которых была подтверждена временем²⁸.

В Дертевской волости Пензенского уезда объявление 7 ноября 1918 г. нерабочим днем предполагало тотальное участие всего населения в праздничных мероприятиях, проходивших у здания волостного исполкома. Революционное наполнение политического действия выражалось в инсценировке военного парада: «был построен взвод бывших солдат из членов комбедноты, последним были даны винтовки. Вперед поставлены трое граждан с знаменами»²⁹. Массовое шествие до окраины села и обратно, сопровождавшееся торжественными речами, завершилось «салютом» в честь Революции. И здесь обязательным элементом выступало пение революционных песен и «похоронного марша». И, наконец, синтетической конструкцией, закреплявшей новый контент, выступило обращение к архетипичным моделям праздничного поведения на завершающем этапе мероприятия: «на гармонике играли русского трепака и некоторые танцы. Граждане и гражданки плясали и танцевали»³⁰.

В Пензе центральным событием праздника планировалась закладка памятника К. Марксу – 7 ноября 1918 г. В последний момент место его расположения было перенесено на Никольскую улицу (Попова гора – последний рубеж обороны города в ходе мятежа чехословаков). И все же 6 ноября военный парад был проведен у братской могилы, сюда же 7 ноября после закладки памятника были направлены и колонны участников шествия.

Важнейшим элементом коммеморации 1918 г. («красного года»³¹) становится «неофициальная часть» – карнавалы, шествия и фейерверки: «Большое оживление вызвала повозка-тройка, в запряжке были поп с плакатом: “были когда-то и мы рысаками”, помещик и офицер, на повозке

сидел крестьянин»³². Весьма симптоматично, что организатором-распорядителем карнавала был автор памятника К. Марксу, комиссар Пензенских художественных мастерских Е. В. Равдель.

Заключение. Окончательно алгоритм революционных торжеств сложится к пятилетнему юбилею Октябрьской революции. «Все организации к 10 часам утра собираются к Братским могилам под руководством выделенных руководителей от каждой организации и учреждений, каждая организация должна иметь свое знамя»³³.

Массовое вовлечение горожан в новые символические практики в публичном городском пространстве, переформатирование социальных ролей и, одновременно, апелляция к традиционным формам народных гуляний послужили реальной основой для самоидентификации участников торжеств как членов новой коммунистической общности³⁴.

Таким образом, анализ символического наполнения практик коммеморации в первый год российской революции позволяет выделить несколько уровней функционала массового праздника, важнейшие из которых: самопрезентация власти и остановка деструктивных социальных процессов, выход из Смуты, экстремального бытия. Обращение к архетипичным семантике и моделям поведения во время праздника способствовало преодолению отчужденности, атомизации локального сообщества.

Отметим при этом, что памятник К. Марксу появится в Пензе лишь в 1960 г. на месте взорванного ранее Спасского кафедрального собора. Мемориал же борцам революции сохранит свой статус главного места памяти до начала 1970-х гг.

Примечания

¹ Edelman, M. J. (1971). *Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence*, Academic Press, Chicago, 188 p.; McDowell, J. (1974). Soviet Civil Ceremonies, *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 13, № 3, pp. 265–279.

² Рольф, М. Советские массовые праздники. Москва: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. С. 7.

³ Барышева, Е. В. «Отпустить 10 миллиардов»: к вопросу финансирования советских праздников и юбилеев // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 531–532.

⁴ Geldern, J., von (1993). *Bolshevik Festivals, 1917–1920*, University of California Press, Berkeley, 316 p.

⁵ Плагенборг, Ш. Культура и Революция. Культурные ориентиры периода Гражданской войны. Санкт-Петербург: Журнал Нева, 2000. С. 287; Шалаева, Н. В. Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации (1917–1920-е гг.) // Власть. 2013. № 1. С. 132.

⁶ Попова, В. Н. Феномен революционного праздника: история появления и забвения // Вестник культуры и искусств. 2019. № 4 (60). С. 63.

⁷ Колесник, М. А., Лещинская, Н. М., Омелик, А. А., Ермаков, Е. К. Искусство оформления массовых советских праздников (1918–1923 гг.) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. 16 (11). С. 1918–1935.

⁸ Лебедева, Л. В. Формирование советской праздничной культуры в 1920-е гг.: новые ритуалы в процессе социального конструирования // Фундаментальные исследования: научный журнал. 2015. № 2 (часть 8). С. 1784–1787; Нежигай, Э. Н. Реализация функций праздничной культуры посредством революционных праздников в Советской России (региональный аспект) // Вестник Кубанского государственного университета. 2016. № 6. С. 36–39; Красильникова, Е. И., Петин, Д. И. Памятник жертвам взрыва 1 августа 1918 г. в Омске: история частной коммеморации в городском мемориальном пространстве // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 66–80.

⁹ Assman, A. (2008). Transformations between history and memory, *Social Research: An International Quarterly of the Social Sciences*, vol. 75, № 1, pp. 49–72, <https://muse.jhu.edu/pub/1/article/527984/pdf>

¹⁰ Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. 3 изд. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. С. 300–301.

¹¹ Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. С. 155–156, 167, 169.

¹² Сизова, А. Ю. Архетип праздника в революционных событиях 1917 г. // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 39.

¹³ Сухова, О. А. Общинная революция в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПУ, 2007. С. 141–147.

- ¹⁴ Сизова, А. Ю. Указ. соч. С. 39.
- ¹⁵ Рольф, М. Советские массовые праздники... С. 65.
- ¹⁶ Demina, V. (2021). Art decoration of the mass celebration of the First anniversary of the October Revolution in the history of participatory art, *South-Russian Musical Anthology*, № 4, p. 9.
- ¹⁷ Декреты советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. Москва: Госполитиздат, 1959. С. 96.
- ¹⁸ Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. № 74 (277). 17 апреля. С. 1.
- ¹⁹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 32. Л. 43.
- ²⁰ Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. № 88 (291). 9 мая. С. 2–3.
- ²¹ Там же. № 93 (296). 15 мая. С. 4.
- ²² Бела Кун. Пензенский памятник (Правда. 1918. 28 апреля) // Краеведческие записки. Вып. 1. Пенза: Пензенское кн. изд-во, 1963. С. 178–180.
- ²³ Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. № 84 (287). 28 апреля. С. 1.
- ²⁴ Там же. № 85 (288). 30 апреля. С. 5.
- ²⁵ Там же. № 88 (291). 9 мая. С. 2–3.
- ²⁶ Там же. № 91 (294). 12 мая. С. 4.
- ²⁷ Там же. № 106 (209). 2 июня. С. 4; № 107 (210). 4 июня. С. 3.
- ²⁸ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 30. Л. 111.
- ²⁹ Там же. Л. 114.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. Юбилейный выпуск. 7 ноября. С. 1.
- ³² Там же. № 237 (340). 10 ноября. С. 3.
- ³³ ГАПО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 565. Л. 54–55.
- ³⁴ Frederick, C. (2004). *Corney. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*, Cornell University Press, Ithaca and London, p. 201.

Аннотация

На основе анализа делопроизводственной документации и материалов периодической печати в статье рассматриваются функциональные особенности организации и проведения первых массовых праздников в революционной России. Актуальность исследования определяется ускорением динамики мемориальной культуры в условиях распространения

информационных технологий и цифровизации общества. В этой связи изучение закономерностей и специфики формирования коллективных воспоминаний и соответствующих моделей поведения в эпоху революции 1917 г. приобретает особое значение для решения задач современной мемориальной политики и сохранения исторической памяти. Цель исследования состоит в анализе социокультурного содержания коммеморативных практик в условиях распада государственности и эскалации революционного насилия в российской провинции. Источниковая база представлена материалами Государственного архива Пензенской области. Методологический инструментарий разработан на основе подходов истории повседневности, социального конструкционизма и истории памяти. Социокультурное содержание массового политического праздника рассматривается как взаимодействие политического, рекреационного и архетипичного элементов, что обеспечивало успех социальной адаптации и восприятия новых ценностей и смыслов. Политический контекст торжеств, репрезентация новой власти проявлялись в идее мировой революции, воплощенной в красном декоре публичного пространства, в моделях памятников основателям революционного движения, в организации митингов, шествий и военных парадов. Рекреационные ресурсы (проведение бесплатных концертов, спектаклей, раздача угощения детям и т. д.) отвечали за мнемические процессы – запоминание (запечатление) и сохранение исторической памяти о событиях революции. Архетипичное предназначение праздников первого революционного года связано со стремлением ограничить, подвергнуть забвению массовые девиации революционной эпохи. В Пензенской губернии, в отличие от столичных регионов, трансформация коммеморативных практик проходила с доминированием архетипичной траектории, что объясняется спецификой исторического развития. Средоточие общественной организации «места памяти» выступил административный центр г. Пензы – Советская (бывшая Соборная) площадь. Здесь в преддверии первомайских торжеств был возведен мемориал К. Марксу, а во время мятежа Чехословацкого корпуса (28–29 мая 1918 г.) развернулись ожесточенные бои. Похороны жертв революции и появление некрополя на площади создавали новую событийную канву коллективных воспоминаний, призванную обуздать насилие и хаос, преодолеть состояние архетипичного праздника. В ходе празднования первой годовщины Октябрьской революции в г. Пензе поклонение братским могилам было дополнено организацией карнавального шествия и фейерверка, что опять-таки указывает на многоуровневый функционал массовых политических мероприятий.

Ключевые слова: революционное насилие, советские праздники, практики коммеморации, историческая память, Пензенская губерния, исторические источники.

Список литературы

Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 3 изд. 328 с.

Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

Колесник, М. А., Лещинская, Н. М., Омелик, А. А., Ермаков, Е. К. Искусство оформления массовых советских праздников (1918–1923 гг.) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. 16 (11). С. 1918–1935.

Лебедева, Л. В. Формирование советской праздничной культуры в 1920-е гг.: новые ритуалы в процессе социального конструирования // Фундаментальные исследования: научный журнал. 2015. № 2 (часть 8). С. 1784–1787.

Нежигай, Э. Н. Реализация функций праздничной культуры посредством революционных праздников в Советской России (региональный аспект) // Вестник Кубанского государственного университета. 2016. № 6. С. 36–39.

Плагенбург, Ш. Культура и Революция. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. Санкт-Петербург: Журнал Нева, 2000. 416 с.

Попова, В. Н. Феномен революционного праздника: история появления и забвения // Вестник культуры и искусств. 2019. № 4 (60). С. 58–65.

Рольф, М. Советские массовые праздники. Москва: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 439 с.

Сизова, А. Ю. Архетип праздника в революционных событиях 1917 г. // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 39–54.

Шалаева, Н. В. Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации (1917–1920-е гг.) // Власть. 2013. Т. 21. № 1. С. 132–136.

Assman, A. (2008). Transformations between history and memory, *Social Research: An International Quarterly of the Social Sciences*, vol. 75, № 1, pp. 49–72.

Demina, V. (2021). Art decoration of the mass celebration of the First anniversary of the October Revolution in the history of participatory art, *South-Russian Musical Anthology*, № 4, pp. 6–11.

Edelman, M. J. (1971). *Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence*, Academic Press, Chicago, 188 p.

Frederick, C. (2004). *Coney. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*, Cornell University Press, Ithaca and London, 301 p.

Geldern, J., von (1993). *Bolshevik Festivals, 1917–1920*, University of California Press, Berkeley, 316 p.

McDowell, J. (1974). Soviet Civil Ceremonies, *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 13, № 3, pp. 265–279.

Сведения об авторах

Сухова Ольга Александровна, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет, Педагогический институт им. В. Г. Белинского, историко-филологический факультет, декан, г. Пенза, Российская Федерация, 8-927-289-20-41, savtemp@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0658-736X

Сведения о грантах

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

В редакцию статья поступила 31.03.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-703-717

For citation

Sukhova, Olga A. (2024). Obuzdanie Smuta: praktiki commemoratsii v rossiyskoy provinces v 1918 gg. Based on the materials of the State Archive of the Penza Region, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 703–717, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-703-717

Sukhova, Olga A., Penza State University, Penza, Russia

Curbing the Time of Troubles: commemoration practices in the Russian provinces in 1918, based on materials from the State Archive of the Penza Region

Abstract

Based on the analysis of office documentation and materials of the periodical press, the article examines the functional features of the organization and conduct of the first mass festivals in revolutionary Russia. The relevance of the study is determined by the acceleration of the dynamics of memorial

culture in the conditions of the spread of information technologies and digitalization of society. In this regard, the study of the regularities and specifics of the formation of collective memories and corresponding models of behavior in the era of the 1917 Revolution is of particular importance for solving the problems of modern memorial policy and the preservation of historical memory. The aim of the study is to analyze the socio-cultural content of commemorative practices in the conditions of the collapse of statehood and escalation of revolutionary violence in the Russian provinces. The source base is represented by the materials of the State Archive of Penza Oblast. The methodological tools are developed on the basis of the approaches of the history of everyday life, social constructionism and the history of memory. The sociocultural content of the mass political celebration is considered as the interaction of political, recreational and archetypal elements, which ensured the success of social adaptation and perception of new values and meanings. The political context of the celebrations and the representation of the new power were manifested in the idea of the world revolution, embodied in the red decor of public space, in the models of monuments to the founders of the revolutionary movement, in the organization of rallies, processions and military parades. Recreational resources (holding free concerts, performances, giving treats to children, etc.) were responsible for mnemonic processes – remembering (imprinting) and preserving the historical memory of the events of the revolution. The archetypal purpose of the holidays of the first revolutionary year is connected with the desire to limit, to subject to oblivion the mass deviations of the revolutionary era. In Penza Province, unlike the metropolitan regions, the transformation of commemorative practices was dominated by the archetypal trajectory, which is explained by the specifics of historical development. The focus of the spatial organization of the “place of memory” was the administrative center of Penza – Sovetskaya (former Sobornaya) Square. A memorial to K. Marx was erected here on the eve of May Day celebrations, and fierce battles took place here during the rebellion of the Czechoslovak Corps (May 28–29, 1918). The funerals of the victims of the revolution and the appearance of the necropolis on the square created a new event frame of collective memories, designed to curb violence and chaos, to overcome the state of archetypal celebration. During the celebration of the first anniversary of the October Revolution in Penza, the worship of mass graves was complemented by the organization of a carnival procession and fireworks, which again points to the multilevel functionality of mass political events.

Keywords

Revolutionary violence, Soviet holidays, commemoration practices, historical memory, Penza Province, historical sources.

References

- Assman, A. (2023). Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy, *Novoye literaturnoye obozrenie*, 3 ed., Moscow, Russia, 328 p.
- Assman, A. (2016). New discontent of memorial culture, *Novoye literaturnoye obozrenie*, Moscow, Russia, 232 p.
- Kolesnik, M. A., Leshchinskaya, N. M., Omelik, A. A., Ermakov, E. K. (2023). Art of decoration of mass Soviet holidays (1918–1923), *Journal of Siberian Federal University. Humanities*, № 16 (11), pp. 1918–1935.
- Lebedeva, L. V. (2015). Formation of Soviet holiday culture in the 1920s: new rituals in the process of social construction, *Fundamental Research: scientific journal*, № 2 (8), pp. 1784–1787.
- Nezhigai, E. N. (2016). Realization of the functions of festive culture through revolutionary holidays in Soviet Russia (regional aspect), *Vestnik of Kuban State University*, № 6, pp. 36–39.
- Plagenborg, S. (2000). Culture and Revolution. Cultural orientations in the period between the October Revolution and the era of Stalinism, *Neva Magazine*, St. Petersburg, Russia, 416 p.
- Popova, V. N. (2019). The phenomenon of the revolutionary holiday: the history of emergence and oblivion, *Bulletin of Culture and Arts*, № 4 (60), pp. 58–65.
- Rolf, M. (2009). Soviet mass holidays, ROSSPEN; Fund of the First President of Russia B. N. Yeltsin, Moscow, Russia, 439 p.
- Sizova, A. Yu. (2022). Archetype of the holiday in the revolutionary events of 1917, *Tula Scientific Bulletin. Series: History. Linguistics*, vol. 1 (9), pp. 39–54.
- Shalaeva, N. V. (2013). Soviet state holiday as a mechanism for the formation of a representative image of power and socio-cultural communication (1917–1920-ies.), *Vlast*, vol. 21, № 1, pp. 132–136.
- Assman, A. (2008). Transformations between history and memory, *Social Research: An International Quarterly of the Social Sciences*, vol. 75, № 1, pp. 49–72.
- Demina, V. (2021). Art decoration of the mass celebration of the First anniversary of the October Revolution in the history of participatory art, *South-Russian Musical Anthology*, № 4, pp. 6–11.
- Edelman, M. J. (1971). Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence, Academic Press, Chicago, 188 p.

Frederick, C. (2004). Corney. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution, Cornell University Press, Ithaca and London, 301 p.

Geldern, J., von (1993). Bolshevik Festivals, 1917–1920, University of California Press, Berkeley, 316 p.

McDowell, J. (1974). Soviet Civil Ceremonies, *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 13, № 3, pp. 265–279.

About the authors

Sukhova, Olga A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Penza State University, V.G. Belinsky Pedagogical Institute, Faculty of History and Philology, dean, Penza, Russian Federation, +7-927-289-20-41, savtemp@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0658-736X

Grant information

The study was funded by the Russian Science Foundation grant no. 22-18-20015. The power and society of the Penza Region in the XIII – XXI centuries: historical aspects of territorial integration and the formation of regional identity, <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>

The article was received in the editorial office on 31.03.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94+631/635+930.23+651.9+651.928+308+651.5+930.253+002.6.01/.09+002.6.048.26+002.63+303.024+303.028+303.042+303.442.2+303.442.44+303.64+303.645+334.021+334.021.1+334.025+352/354-1+352.93+352.075.1+631.1.016+631.1.017.3+631.15.017.3+631.155+631.158+646/649+64-18+64.036+64.012.1+658.562
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-718-732

Для цитирования

Тагирова, Л. Ф. Подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1920 г. как исторический источник // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 718–732, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-718-732

Тагирова, Л. Ф.

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
г. Уфа, Российская Федерация

Подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1920 г. как исторический источник

Актуальность. Подворные карточки сельскохозяйственных переписей являются уникальным источником, позволяющим увидеть жизнь каждого крестьянского двора изнутри. В совокупности широкий охват информации, полученной при сплошном исследовании первоисточника, предоставляет возможность изучить демографию (численность населения, национальность, состав семьи), экономику (посевы тех или иных культур, количество скота, использование наемного труда и пр.) не только отдельного крестьянского двора, но и села, волости, уезда, губернии в целом. Они позволяют рассмотреть своеобразие быта крестьян в разных географических и природно-климатических условиях и выделить его особенности в определенный момент и в сравнении с другими периодами истории.

Историография. Подворные карточки как исторический источник рассматривали: группа ученых под руководством А. М. Бауфала (за 1916 г. по Томской губернии); В. Н. Разгон,

Д. Н. Беянин, А. В. Разгон (за 1917 г. по Алтайскому краю); Н. В. Тумурхонова (за 1917 г. по республике Бурятия) и М. И. Роднов, которым был обработан огромный массив коллекции первоисточников переписи 1917 и 1920 гг. по Уфимской губернии (в последней, не затрагивая территории, выделенной в 1919 г. Малой Башкирии). Результатами научных изысканий М. И. Роднова стала серия справочников и статей по уездам губернии с данными по количеству дворов, членов семьи, этническому составу, количеству посевов и рабочего скота; написан ряд научных статей и монографий по крестьянству изучаемого периода.

Источники. Содержание подворных карточек вызывает большой интерес у краеведов и исследователей родословных. В Национальном архиве Республики Башкортостан все первоисточники переписей 1917, 1920 гг. полностью оцифрованы, документы 1917 г. выложены в открытый доступ. Сразу после проведения сельскохозяйственной переписи 1920 г. и проведения предварительных ее подсчетов началось издание ее итогов как региональными, так и центральными (Московским) статистическими управлениями. Результаты изучаемой переписи используют в своих трудах специалисты по истории экономики и демографии России.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись, проводившаяся в сентябре-октябре 1920 г., была первой советской переписью населения. Она проходила в условиях политических, экономических и социальных катаклизмов страны (прошедшими революциями, продолжающейся Гражданской войной, введенной политикой «военного коммунизма»). Следует отметить, что в некоторых регионах РСФСР (Крым, Дальний Восток, горные районы Кавказа и пр.) перепись не была осуществлена из-за проходивших военных действий.

Сам ход и условия проведения социологических изысканий в переломный момент истории страны, быстрая потеря актуальности полученных результатов привели к неоднозначной оценке специалистами переписи и ее итогов. Уже в 1920-е гг. в введении опубликованных «Предварительных итогов» по Малой Башкирии заведующая отделением статистики земледельческого хозяйства Башкирского статистического

управления (БашЦСУ) О. Кравцова писала, что перепись была проведена не во всех административных единицах республики. Из-за «народных волнений и бандитизма» материал не был собран в Бурзян-Тангауровском и частично в Тамьян-Катайском кантонах (современный юго-восток Башкортостана). Также автором подчеркивались «запуганность населения» продразверсткой и нежелание говорить о своем единственном источнике существования – скотоводстве¹.

В 1930-е гг. П. И. Пустоход и В. К. Воблый опубликовали работы, посвященные первым советским переписям, в которых описали ход социологического исследования 1920 г., и отмечали важность полученных результатов для развития страны, описывали особенности и трудности, встречаемые в работе переписчиков на местах, приводя в пример ход социологических изысканий на примере Украинской ССР².

В 1960 г. башкирский краевед Н. Н. Барсов опубликовал статью с кратким обзором первых переписей, проходивших на территории Башкирии, где наряду со статистическими «обследованиями» второй половины XIX – начала XX в. описал ход и итоги переписи 1920 г., отметив, что в публикации итогов материалы были ограничены тринадцатью национальностями, а объединение в них данных о численности башкир, татар, мишарей и тептярей под названием «татаро-башкир»³, в значительной степени понизило ценность итоговых данных⁴.

В 1970-е гг. Ю. А. Мошков писал, что сельскохозяйственная перепись 1920 г. была проведена с ограниченной программой, подвергал сомнению показатели, собираемые в условиях военного времени, а полученный материал считал быстро потерявшим актуальность⁵.

Подворные карточки как первоисточник сельскохозяйственной переписи 1920 г. на сегодняшний день сохранились не по всей стране. Они имеются в Национальном архиве Республики Карелия (НАРК. Ф. Р-122), Государственном архиве Тверской области (ГАТО. Ф. Р-1020), Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО. Ф. Р-1328), Государственном архиве Брянской области (ГАБО. Ф. Р-102), Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ. Ф. Р-470;

Р-472), частично сохранены в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО. Ф. Р-83 и Р-694). В нашей статье мы рассматриваем первоисточник сельскохозяйственной переписи 1920 г., проведенной по территории Малой Башкирии. После революции, на территориях Уфимской и Оренбургской губернии, в местах компактного проживания башкир, была образована Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика или по-другому «Малая Башкирия», с административными единицами – кантонами, количество которых колебалось в разные годы от 9 до 13. Сами кантоны республики представляли собой частью оторванные друг от друга «островки», что безусловно усложняло общее управление новым государственным образованием, в том числе и в проведении переписи.

Осенью 1919 г. на территории Малой Башкирии было образовано Центральное статистическое управление (БашЦСУ). В образованном учреждении, как и в аналогичных на территории страны, наблюдался дефицит квалифицированных работников. Также отмечалась неразвитая почтово-телеграфная связь.

По общим инструкциям перепись разбивалась на несколько этапов: демографическо-профессиональную, проводимую по всей губернии с одновременным учетом промышленных заведений в уездных и губернских городах, сельскохозяйственную перепись, охватывающую все без исключения населенные пункты в уездах с одновременным учетом промышленных заведений, а также часть хозяйств уездных, губернских городов, имеющих посевы и сплошное «обследование» народного образования. Каждая последующая операция начиналась после окончания предыдущей, и только поселенные бланки сельскохозяйственной переписи заполнялись во время производства демографической⁶.

Подготовительная работа к переписи сентября-октября 1920 г. разделялась на две части: подготовка материалов для производства учета (в сроки до 1 июля) и подготовка персонала (до 1 августа). О ходе организационных работ региональное статистическое управление должно было отчитываться перед центральным статистическим управлением (ЦСУ) два

раза в месяц, начиная с мая 1920 г.⁷ Подготовка материалов включала в себя: составление списка населенных мест, указания примерной численности населения в них и разделение территории Башкирской республики на переписные отделы (инструкторские работы и счетные участки, их границы, число дворов, составление карт и планов переписных отделов, раскладка бланков)⁸.

Но на деле инструктора БашЦСУ в недавно образованной советской республике, разбросанной по большой территории, населенные пункты которой продолжали выходить или входить в ее состав, могли лишь на месте определить границы предстоящей переписи. Из отчета заведующего переписным районом по Кудейскому кантону Н. А. Соколова видно, что 20 августа 1920 г., прибыв в административный центр кантона Новокулево, он производил работы по выявлению волостей и сел, входивших в состав кантона. Выяснилось, что указанной ранее в списках Тептярской волости уже не существовало, т. к. часть русских сел вошли в состав Уфимской губернии⁹. Кроме этого, заведующие переписными районами нередко жаловались на отдаленность отделов управления кантоном. Для уточнения волостей, мобилизации переписчиков, владеющих русской грамотой и башкирским языком, приходилось неделями разъезжать по территории административной единицы¹⁰.

По причине крупного башкирского выступления, проходившего осенью 1920 г. на юго-востоке современного Башкортостана, перепись не удалось провести в Бурзян-Тангауровском и частично в Тамьян-Катайском кантонах. Позже в опубликованные итоги по этим административным единицам вошли данные переписи 1917 г.¹¹

Сохранившиеся материалы сельскохозяйственной переписи 1920 г. в Башкирской республике отложились в фонде «Центрального статистического управления БашАССР» (Ф. Р-472. Оп. 1.) и составляют более 250 единиц (Д. 686–936), в которые включены отрывочные списки домохозяев, поселенные бланки, сводки итогов. Большую часть дел составляют подворные карточки, частью не сгруппированные по волостям и селам, в которых нередко отсутствуют «облож-

ки» по первичным документам. Данные свойства особенно характерны для документов Стерлитамакского кантона, который был выделен из Уфимской губернии и образован как часть Башкирской республики только в начале 1921 г.

Подворные карточки на местах заполнялись несколькими специалистами (как видно по почеркам в записях первоисточника). Общая информация, такая как наименование кантона, волости, села и сельского общества, записывалась одним человеком, непосредственные данные о хозяйстве семей – другим (видимо, тем, кто непосредственно ходил по дворам), исправления и подсчеты на полях выполнялись третьим лицом, скорее всего, ответственным по проведению переписи в кантонах.

Первоисточник переписи состоял из одного листа с вопросами для заполнения с лицевой и оборотной стороны. С одной стороны были отведены графы для указания губернии, уезда, волости, села, общества и категории (приписной, наличный, отсутствующий или посторонний) опрашиваемого. Указывалась национальность, фамилия, имя и отчество хозяина двора. В левой части листа отмечались мужчины и женщины, проживающие на территории хозяйства, их отношение к хозяину двора (отец, мать, брат, сестра, сын, дочь, работник, квартирант и пр.). У каждого из них фиксировался возраст, вид занятий, трудоспособность, грамотность и профессия. При отсутствии члена семьи делалась отметка, по каким причинам (уход на промыслы, служба в армии и т. д.).

Справа от центра, на лицевой стороне подворной карточки, располагались графы с вопросами о скотоводстве. Отмечалось количество лошадей, коров, свиней, овец, коз и верблюдов, их возраст. В нижней части листа были выделены пункты для фиксирования птицеводства – наличие и количество гусей, индеек, уток, кур, а также по пчеловодству – число ульев (в том числе рамочных). Записывалось число наделов в клину (разверточных единиц).

С оборотной стороны первоисточника расположены графы для заполнения о наличии и объемах посевов полевых культур (ржи, пшеницы, овса, ячменя, чечевицы, гречихи, льна, подсолнуха, конопли, картофеля), огородных и приусадебных

посевов (огурцы, лук, морковь и пр.), посевов свеклы (кормовой и сахарной) и многолетних трав. Подсчитывалось общее количество посевов, залежей и недосевов в хозяйстве. Кроме этого, переписчиками фиксировались торгово-промышленные заведения (мельницы, маслобойки, обдирки и пр.) и использование наемного труда, с отметкой, какого пола и возраста работницы и где именно используются (в сельском хозяйстве или в промышленных заведениях). Отдельно записывался имеющийся в хозяйстве сельскохозяйственный инвентарь (зерноочистители, молотилки, уборочные машины, сеялки, орудия для обработки почвы) и их разновидности. Учитывался транспортный инвентарь в хозяйстве (сани и телеги). В подворной карточке отдельно было выделено место для записи примечаний, где переписчики на свое усмотрение записывали информацию, например, они могли акцентировать внимание на причинах недосева, бедности хозяйства, сдачи и аренды земель. В некоторых волостях Аргаяшского, Кудейского и Табынского кантонов встречаются первоисточники переписи с измененным расположением граф, но одинаковым содержанием вопросов. Единственным отличием в них является наличие вопроса о времени основания хозяйства.

Система проведения сельскохозяйственной переписи, как и общая структура первоисточника 1920 г., были аналогичными 1917 г. Отличительными было отсутствие в подворных карточках 1920 г. вопросов о сословии главы семьи. Не было вопросов об аренде и сдаче земель (ограничивались информацией о числе наделов, площадях посева, пара, залежи и недосева). В противовес этому появились новые пункты для заполнения, касаемые огородных культур, плодовых садов, виноградников, посевов свеклы, пчеловодства и птицеводства. Таким образом, из подворных карточек 1920 г. убрали вопросы, ставшие неактуальными в новом устройстве страны и, в связи с тяжелым экономическим положением, добавили более детальный учет максимально всех областей хозяйства крестьян.

По изучаемым первоисточникам переписи наблюдается разнообразие в разделе общинных земель. В Карагушевской волости Стерлитамакского кантона, в башкирском селе

Мухаметаминово сохранялись земельные наделы по душам мужского пола, проведенные около 15 лет назад (судя по данным подворных карточек, не учтены мужчины младше этого возраста). В то же время, в соседней Раевке около года назад (в 1919 г.) был проведен раздел общинной земли по количеству едоков¹².

В инструкциях проведения сельскохозяйственной переписи 1920 г., указывалось, что меры площади посевов следует записывать в принятых в исследуемых селениях хозяйственных единицах¹³, что в какой-то мере затрудняет работу современных исследователей. В большинстве случаев был распространен расчет в соответствии, где десятина равнялась 2 400 квадратным сажням (казенная десятина). Но в некоторых селах Стерлитамакского кантона десятина равнялась 4 000 сажням¹⁴. В части населенных пунктов Юрматинского кантона площади посева обозначались дробями (например, 5/6 дес., 33/60 дес., 5/60 дес. и др.)¹⁵ и пр. видами, требующими от исследователя пересчетов и приведения к единообразию единиц площадей посевов.

По подворным карточкам можно увидеть количество ушедших самостоятельно или мобилизованных на Гражданскую войну. Так, в Кутлугузино Кармышевской волости Юрматинского кантона из 44 дворов в 21 хозяйстве имелись члены семьи, числившиеся в армии¹⁶ (как сам хозяин двора, так и его братья, сыновья). В Павловке Петровской волости того же кантона в хозяйстве Доронина Николая Михайловича на момент переписи все его четыре сына (31, 27, 23 и 20 лет) числились в армии. Дома оставался лишь сам 58-летний хозяин и две его снохи¹⁷. Подобная «нехватка рабочих рук» сказывалась на экономике каждого отдельного хозяйства.

Уже к осени 1920 г. в некоторых отдельных «островках» Малой Башкирии (особенно по селам Стерлитамакского кантона) наблюдались случаи недосева или гибели урожая. Переписчики нередко делали записи в подворных карточках, где пытались объяснить неурожай: ржи – «погибла из-за засухи», конопли – «поел червь», недосевы крестьян – «неимение семян», «неимение сил физических и материальных», «неимение рабочих рук»¹⁸.

При изучении источника необходимо учитывать недостаточный уровень профессиональной подготовки переписчиков. Некоторые из них пропускали и не заполняли отдельные графы в документах. Чаще всего не фиксировались профессии и дополнительные промыслы жителей, хотя по неимению или малым площадям посева видно, что для «выживания» жители имели дополнительный заработок. В отдельных случаях не записывался возраст членов крестьянской семьи. Встречаются случаи нефиксирования или неверно указанной национальности. Наблюдается большое разнообразие в написании: «русский», «великорос», «малорос», «украинец», «татар», «мещеряк», «германец» и пр., иногда вместо национальности указывалась религиозная принадлежность: «православный», «старообрядец», «магометанин», «католик», «немец-меннонит». В Ток-Чуранском кантоне встречаются национальности «хлебороба¹⁹», «беженца²⁰». В большинстве случаев подобные грубые оплошности исправлялись волостными и кантонными работниками статистического управления.

В некоторых волостях при подсчете общего количества населения не учитывались жители села, ушедшие на фронт (хотя они зафиксированы в подворных карточках), что автоматически приводило к неверным значениям в подведенных итогах²¹. При полном пересчете данных сохранившихся подворных карточек Малой Башкирии можно более точно восстановить численный состав населения и сравнить его с дореволюционным уровнем и данными переписи 1926 г., что даст возможность изучить демографию населения периода общественных катастроф.

Больше половины переписчиков отмечали профессии, занятия и промыслы крестьян. В подворных карточках встречаются печники, столяры, обдирщики, мельники; религиозные должности – священники, указные муллы; представители «новых» должностей и профессий – милиционеры, главы и секретари волостных исполкомов и т. д. В Кармаскалах Кармаскалинской волости Табынского кантона фиксировались размеры заработных плат. Так, по данным подворных карточек, заведующий земельным отделом в Кармаскалах получал 1 000 руб., учитель 12 000 руб., милиционер 1 000 руб., плотник зарабатывал 5 000 руб.²²

«Ответственные» переписчики часто старались указать интересные факты в примечаниях к документу, не входившие в обязательную информацию для фиксирования в первоисточнике переписи. В Старо-Халикеево Карагушевской волости Стерлитамакского кантона в подворной карточке 35-летнего Салихова А. В. написано: «Не имеет посева и скота, был в плену в Германии и в сентябре 1920 г. только вернулся»²³. Также встречаются записи: «Переселился в Оренбург», «Нищий», «Землю имеет, но не засекает, сам болен, и очень бедные, жена работает по людям», «Пастух и ничего у них нет», «Работает по людям, а землю сдает в аренду», «Ничем не занимаются, живут на средства общества. Глупые»²⁴.

Сельскохозяйственная перепись 1920 г. была проведена, несмотря на все проблемы общей социально-экономической нестабильности в государстве. Экспедиционный характер переписи дал максимально возможную полную информацию о положении крестьянства изучаемого периода. По территории Малой Башкирии основные материалы о численности населения, составе семьи, национальности, посевных культурах и их размерах, скотоводстве, пчеловодстве, огородничестве были собраны.

В связи с объективными причинами (голод 1921–1922 гг., переход к нэпу), быстрой потерей актуальности собранных данных не уменьшается значение сохранившихся в архивах коллекций подворных карточек 1920 г. Многие данные, собранные на местах, не были подсчитаны и опубликованы в итогах переписи. Практически полностью сохранившиеся первоисточники по Малой Башкирии позволяют современным исследователям восстанавливать национальный состав, демографию и социально-экономическое положение крестьян изучаемого периода, издавать справочники по различным областям хозяйства крестьян как отдельных административных единиц, так и всего региона.

Примечания

¹ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи. 1920. Вып. I. Скотоводство и посевная площадь. Стерлитамак: Башгосиздат, 1921. С. 5–8.

² Пустоход, П. И., Воблый, В. К. Переписи населения. Москва: Соцэргиз, 1936. 206 с.; Воблый, В. К. Переписи населения (Их история и организация). Москва; Ленинград: Госпланиздат, 1940. 160 с.

³ Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. Уфа: Башнаркомзем, 1923. С. 10.

⁴ Барсов, Н. Н. К истории переписей населения в Башкирской АССР // Записки Башкирского филиала Географического общества Союза ССР. Вып. 2. Уфа: Б. и., 1960. С. 110.

⁵ Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. Москва: Изд-во МГУ, 1979. С. 197.

⁶ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–9.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 20. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 26. Л. 2.

¹¹ Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. Уфа: Башнаркомзем, 1923. С. 10.

¹² НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 830. Б. п.

¹³ Там же. Д. 321. Л. 12.

¹⁴ Там же. Д. 717, 723, 724, 737. Б. п.

¹⁵ Там же. Д. 847. Б. п.

¹⁶ Там же. Д. 737. Б. п.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Д. 716, 717, 719, 839. Б. п.

¹⁹ Там же. Д. 879. Б. п.

²⁰ Там же. Д. 722. Б. п.

²¹ Там же. Д. 915. Б. п.

²² Там же. Д. 853. Б. п.

²³ Там же. Д. 829. Б. п.

²⁴ Там же.

Аннотация

В период заключительного этапа Гражданской войны руководством РСФСР было принято решение о проведении в сентябре-октябре 1920 г. первой советской, в том числе и сельскохозяйственной, переписи. В статье рассматривается коллекция первоисточников сельскохозяйственной переписи 1920 г. – подворные карточки крестьянских

дворов по Башкирской Автономной Советской Социалистической Республике (Малой Башкирии), сохранившиеся в Национальном архиве Республики Башкортостан. Отмечается, что такие коллекции подворных карточек, как первоисточник переписи, сохранились в нескольких архивах страны. На территории образованной Башкирской республики выявлено два вида подворных карточек. В рассматриваемых документах фиксировались фамилия, имя и отчество хозяина двора, его национальность, численность и возраст членов семьи, количество скота, птицы, посевов полевых и огородных культур. При наличии учитывались пчеловодство, виноградники и промышленные заведения семьи. Изучение данного источника позволит историкам выявить не только общие демографические и экономические показатели, но также национальную идентичность народов, состав семьи, миграцию населения, возможности военной мобилизации, отследить территории, где уже в 1920 г. просматривалось приближение голода. Часть специалистов (историки, демографы) в своих работах либо не затрагивали данные переписи 1920 г., либо высказывали критику, связанную с недостаточной объективностью сведений переписи, проведенной в условиях Гражданской войны. Подчеркивается недостаток квалифицированных кадров в статистических управлениях советской страны. Отмечается быстрая потеря актуальности собранных данных. Все это в целом уменьшает значение коллекций подворных карточек как исторического источника по демографическому и социально-экономическому положению крестьянства эпохи войн, революций и кардинальных изменений советского государства.

Ключевые слова: сельскохозяйственная перепись населения, исторический источник, подворные карточки, крестьянство, экономика, демография, Гражданская война, Малая Башкирия.

Список литературы

Бауфал, А. М., Горюшкин, Л. М., Золототрубов, В. С., Островский, И. В. и др. Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск: Б. и., 1969. 269 с.

Голдин, В. И. Гражданская война в истории России: историография. Современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 3. С. 758–774.

Историко-статистические и экономические таблицы по Башкирской Автономной Советской Социалистической Республике. Уфа: Башнаркомзем, 1923. 144 с.

Колоницкий, Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24.

Коростелев, А. Д., Роднов, М. И. Этническая карта Южного Урала в 1920 г. // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 175–185.

Разгон, В. Н., Белянин, Д. Н., Разгон, А. В. Грамотность сельского населения Алтайского округа в предреволюционный период (на материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Былые годы. 2021. № 16 (4). С. 2053–2061.

Роднов, М. И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа: НУР-Полиграфиздат, 1997. 192 с.

Роднов, М. И. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа: Б. и., 2010. 132 с.

Роднов, М. И. Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и др. уезды). Москва: ИЭА РАН, 2014. 177 с.

Роднов, М. И. Население Уфимского уезда по переписи 1920 года. Справочник. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2014. 143 с.

Тумурхонова, Н. В. Первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. как демографический источник (на примере станицы Цакирской) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусства. 2015. № 2 (9). С. 27–30.

Сведения об авторах

Тагирова Лейла Факиловна, кандидат исторических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Институт истории, языка и литературы, отдел истории и истории культуры Башкортостана, научный сотрудник, г. Уфа, Российская Федерация, 8-917-366-27-33, SLeila.83@mail.ru

В редакцию статья поступила 18.02.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-718-732

For citation

Tagirova, Leila F. (2024). Sub-household cards of the agricultural census of 1920 as a historical source, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 718–732, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-718-732

Tagirova, Leila F., Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Household cards of the agricultural census of 1920. as a historical source

Abstract

During the final stage of the Civil War, the leadership of the RSFSR decided to conduct the first Soviet, including agricultural census, in September-October 1920. The article deals with the collection of primary sources of the agricultural census of 1920. – The article deals with the collection of primary sources of the agricultural census of 1920, such as farmstead cards of peasant households in the Autonomous Soviet Bashkir Republic (Little Bashkiria), preserved in the National Archive of the Republic of Bashkortostan. It is noted that several archives of the country have preserved such collections of household cards as the primary source of the census. In the territory of the newly formed Bashkir Republic, two types of household cards have been identified. These documents recorded the surname, first name and patronymic of the owner of the yard, his nationality, the number and age of family members, the number of livestock, poultry, field and vegetable crops. If available, beekeeping, vineyards and industrial establishments of the family were taken into account. The study of this source will allow historians to identify not only general demographic and economic indicators, but also the national identity of peoples, family composition, population migration, possibilities of military mobilization, and to trace the territories where famine was already approaching in 1920. Some specialists (historians, demographers) in their works either did not touch upon the 1920 census data or criticized the lack of objectivity of the census data conducted under the conditions of the Civil War. The lack of qualified personnel in the statistical offices of the Soviet country is emphasized. The rapid loss of relevance of the collected data is noted. All this, in general, does not diminish the importance of the collections of household cards as a historical source on the demographic and socio-economic situation of the peasantry in the era of wars, revolutions and cardinal changes in the Soviet state.

Keywords

Agricultural census, historical source, household cards, peasantry, economy, demography, Civil War, Little Bashkiria.

References

- Baufal, A. M., Goryushkin, L. M., Zolototrubov, V. S., Ostrovsky, I. V., et al. (1969). Materials of the 1916 Census for Tomsk Province (from the Experience of Processing on the Computer), B. i., Novosibirsk, Russia, 269 p.
- Goldin, V. I. (2019). Civil war in the history of Russia: historiography, Modern approaches, preparation of a new academic edition, *The Newest History of Russia*, vol. 9, № 3, pp. 758–774.
- Kolonitsky, B. I. (2019). From world war to civil wars (1917?–1922?), *Russian History*, № 1. pp. 3–24.

Korostelev, A. D., Rodnov, M. I. (2006). Ethnic map of the Southern Urals in 1920, *Ethnographic Review*, № 5. pp. 175–185.

Razgon, V. N., Belyanin, D. N., Razgon, A. V. (2021). Literacy of the rural population of the Altai district in the pre-revolutionary period (on the materials of the agricultural census of 1917), *Vylyie gody*, № 16 (4), pp. 2053–2061.

Rodnov, M. I. (1997). Peasantry of the Ufa uyezd according to the census of 1917. NUR-Polygraphizdat, Ufa, Russia, 192 p.

Rodnov, M. I. (2010). The peasantry of Sterlitamak uyezd according to the census of 1917, B. i., Ufa, Russia, 132 p.

Rodnov, M. I. (2014). Population of Ufa province according to the 1920 census: ethnic composition (Birsky, Zlatoust and other uyezds), IEA RAS, Moscow, Russia, 177 p.

Rodnov, M. I. (2014). Population of Ufa uyezd according to the census of 1920. Reference book, Svoye publishing house, St. Petersburg, Russia, 143 p.

Tumurkhonova, N. V. (2015). Primary materials of the All-Russian agricultural census of 1917 as a demographic source (on the example of the village Tsakirskaya), *Bulletin of the East-Siberian State Academy of Culture and Art*, № 2 (9), pp. 27–30.

About the authors

Tagirova, Leila F., PhD historical sciences, Ufa Federal Research Center of RAS, Institute of History, Language and Literature, Department of History and Cultural History of Bashkortostan, researcher, Ufa, Russia, 8-917-366-27-33, SLeila.83@mail.ru

The article was received in the editorial office on 18.02.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94+338.246.025.3+930.253+323.38+339.5+323.3.01/.06+303.446.4+002.63+651.5+930.85+651.9+303.022+336.24+339.7+339.1-054.6+339.17+339.19+347.7+631.164+339.5+674.02+674.093+629.5+674.093.3/.4+630*742+002.6.048.26+002.66+304.444+304.5+308+651.9+002.63+651.5+002.2+658.5+304.9+321.74+321.74+342.1+323.4+323.3+341.231+323.23+323.272+334.7.021+334.711+334.72+331.105.4+334.78

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-733-748

Для цитирования

Трошина, Т. И. Информационный потенциал документов бывших партийных архивов. «Дело Русанглолеса» 1920-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 733–748, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-733-748

Трошина, Т. И.

Северный (Арктический) федеральный университет,
г. Архангельск, Российская Федерация

Информационный потенциал документов бывших партийных архивов. «Дело Русанглолеса» 1920-х гг.

В советской концессионной программе 1920-х гг. важной составляющей была не только экономическая выгода от привлечения иностранного капитала для восстановления и развития народного хозяйства, но и политические причины. Ярким примером «политически мотивированной концессии» являлось Акционерное общество «Русанглолес» – «смешанная», 50% акций которой принадлежали государственному лесопромышленному тресту «Северолес» (по результатам национализации ему были переданы 102 лесничества так называемого Северо-Беломорского района в Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской, Олонецкой, Мурманской, Череповецкой губерниях и в Карельской трудовой коммуне. Производственные лесопромышленные мощности предприятия оценивались в общую сумму в 21 млн зол. руб.¹⁾, 50% владела группа бывших владельцев лесозаводов в Архангельске, обладавших британскими паспортами. Крупнейшим английским акционером была фирма

«Братья Шалит», от лица которой выступала ее дочерняя фирма «London Northern Trading С°» («Лондонская и Северная торговая компания»). Несмотря на категорический отказ советского правительства от каких-либо компенсаций владельцам национализированных предприятий, данное акционерное общество фактически имело реституционный характер: в обмен от дальнейших претензий к советской стороне «иностранная группа» акционеров могла частично вернуть утраченное из доходов нового предприятия². Это была определенная уступка Великобритании при заключении столь важного для советской России торгового договора.

Кроме того, успешная деятельность одного из первых концессионных предприятий (договор был подписан в марте 1922 г.) должна была послужить «прорывом» экономической и концессионной блокады, давая пример успешного сотрудничества советского треста и иностранных капиталистов. А это означало, что приходилось фактически «закрывать глаза» на нарушение концессионером условий договора, который, к тому же, оказался недостаточно проработанным, создавая иностранным акционерам массу «лазеек», чтобы обходить неудобные для них обязательства. Нередко явные нарушения отклонялись арбитражным судом, что заставляло и советскую сторону замалчивать некоторые, иногда вопиющие нарушения концессионеров, понимая бесперспективность своего положения.

Источником о деятельности «London Northern Trading С°» послужила внутривнутрипартийная переписка, «закрытые» письма парторганов, протоколы партийных собраний, прежде всего относящиеся к 1920-м гг., когда правящая партия еще не обладала монопольным правом контролировать все стороны жизни страны, используя лишь возможность влияния через «партийные фракции» и «ячейки» в государственных и общественных организациях. Указанные документы содержат немало ценной информации, которая дополняет и расширяет знания об экономическом состоянии советской России, особенно относящейся к «непубличной» их стороне, т. к. члены партии обязаны были докладывать своим товарищам обо всем, что обсуждалось и реализовывалось в учреждениях, где они работали.

Концессия существовала сравнительно короткий период времени – с 1922 по 1926 г. Особого интереса исследователей, работающих в области экономической истории, она не привлекла³; обычно ее рассматривают вместе с деятельностью других «смешанных» лесных концессий – Русголланд-леса и Руснорвеголеса. В документах Госконцесскома и иных смежных органов ей также особого внимания не уделялось. Недовольство деятельностью Русанглолеса со стороны своего основного партнера, Северолеса, было связано со слабой экономической активностью и предположением, что англичане, даже заключив концессионный договор, не стремились развивать советскую лесную промышленность, стремясь лишь компенсировать потери от национализации прежних своих предприятий. Для этого им было достаточно взять в аренду свой бывший лесозавод и вывезти для продажи остававшуюся экспортную древесину.

Интересы советского правительства при заключении концессионных договоров шли дальше: условия иностранцам были поставлены следующие: модернизация заводов; выделение в концессию лесных площадей на отдаленных, с недостаточной инфраструктурой для проведения лесозаготовок и сплавных работ территориях; предполагалось, что концессионеры начнут переход к «безотходному» производству, устроив рядом с лесозаготовками предприятия по переработке «нетоварной» древесины в целлюлозу и другие материалы.

Русанглолес получил в концессию Помоздинское лесничество – 1,12 млн гектаров лесных площадей в Области Коми⁴ и Конецгорское – 260,4 тыс. га по обоим берегам Северной Двины. Лесоустройства здесь проведено не было, поэтому в договоре при описании лесной площади оговаривалось: «более или менее, сколько в натуре окажется»; значительная часть переданных в концессию площадей прежде не эксплуатировалась, здесь не было необходимой инфраструктуры (лесовозных дорог, катищ, расчищенных сплавных рек), существовала и острая проблема рабочих рук. На территории Коми крестьяне не имели опыта заготавливать нужной категории лес: «местное население к теске шпал, основному виду заготовок, не привыкло», и «лесорубы с непривычки “тешут

себе вместо шпал ноги»⁵. В результате крестьяне предпочитали уходить на более привычные работы – на лесную охоту или на Уральские заводы. Кроме того, протяженность сплава к Архангельскому лесозаводу от этого лесничества составляла около 1 200 км, удорожая стоимость лесоматериалов на европейских рынках, где цены на лес из-за начавшейся рецессии начали падать.

В «секретном докладе» представителя треста Северолес в правлении Русанглолеса С. Баландина фиксировались причины низкой стоимости пиленых лесоматериалов, поставляемых на рынок Русанглолесом. Это и плохое качество заготовки лесоматериалов, и «непомерно дорогой сплав». Были и другие проблемы: английских концессионеров подозревали в искусственном занижении цен, поскольку продажа производилась брокерским компаниям, связанным различными отношениями с фирмами, входившими в АО Русанглолес. По словам Баландина, члены лондонской концессионной комиссии были склонны к досрочной ликвидации обществ, в первую очередь Русанглолеса, но «поскольку этот вопрос имеет большое политико-экономическое значение ... ждем реакции из Москвы»⁶.

По разным, иногда вполне объяснимым причинам, концессионеры не полностью использовали возможности заготовки на предоставленных им участках. Поэтому использовали возможность закупки лесоматериалов, заготовленных другими организациями. Так, в 1923 г. Северо-Двинский губернский Леском (лесной комитет) продал Русанглолесу около 40 тыс. бревен стоимостью более 100 тыс. зол. руб. К тому же, согласно дополнительным соглашениям к договорам, концессионеры могли на первое время, пока не развернулись в полную силу, и не привлекать в свой бизнес «дешевые кредиты» зарубежных банков, передать для эксплуатации более разработанный и удобный по месторасположению участок.

В 1923–1924 гг. Русанглолес получил право проводить заготовку в Никольском уезде Северо-Двинской губернии (образованной из выделившихся после революции восточных уездов Вологодской губернии). Здесь были устойчивые традиции лесозаготовок, опытные рабочие лесорубы

и сплавщики. Судя по отчетам, приходившим из уездных организаций, в чью обязанность входил контроль за лесопользованием и за соблюдением трудового законодательства, концессионер вел себя правильно, не нарушая советских законов и условий договора. Опираясь на эти сведения, составляли вполне положительные отчеты для центральных органов. Однако на губернских и уездных партийных и советских конференциях нередко поднимались вопросы недовольства со стороны сезонных рабочих. Их мнение не всегда брали в расчет, так как лесорубы и сплавщики относились к «зажиточному» слою крестьянского общества. Но когда стали поступать сигналы от секретаря уездного комитета партии о подкупе Русанглолесом ответственных лиц, в том числе и «партийных товарищей», в Никольск была направлена комиссия Губкома ВКП(б).

«Дело Русанглолеса» нашло свое достаточно развернутое отражение в документах бывшего архива Вологодского обкома КПСС: «Доклад председателя парткомиссии тов. Семенова»⁷; «Протокол № 2 закрытого заседания Бюро Северо-Двинского губкома от 4 апреля 1924 г.»⁸; «Доклад Губземуправления за апрель–июнь 1924 г.»⁹; раздел «Работа по экономической линии» доклада Северо-Двинского ГПУ за апрель–август 1924 г.»¹⁰; «Докладная записка старшего следователя Нестерова по делу о злоупотреблениях на лесозаготовках в Никольском уезде фирмы Русанглолес»¹¹; «Акт ревизии Стрелковского лесничества по инструкции НКЗ от 08.03.1924 г.»¹².

Время было непростое, и взятки обычно выражались в предоставлении продуктов питания. Подозреваемые утверждали, что расплачивались за продукты и товары деньгами, однако подтвердить это не представлялось возможным, поскольку «отчетность фирмы ведется никуда не годно ... частными записками-расписками и записями в черновые книги»¹³. Изъятые из уездных и волостных контор Русанглолеса документы показывали, что «подачки деньгами и продуктами без всякого учета раздавались всем, кто ... имел отношение к работе Русанглолеса»: от случая к случаю «пользовались» сотрудники лесного ведомства от объезчика до лесничего; «получали» сотрудники социального страхования, инспекторы отдела

труда, работники следственных органов и милиция. В списке получателей значились и «не имеющие непосредственного участия в работе [Русанглолеса], но тем не менее влиятельные»: заведующий уездным отделом коммунального хозяйства Н. Л. Канин, сотрудник уездного финотдела М. З. Шилов, заседатели народного суда.

Ни взяткодатели, ни взяткополучатели не признавались, за что получали «подношения», благо записи в бухгалтерских книгах были анонимные, хотя и наводящие на определенные размышления («лесному ведомству семи человекам... Инспекции страх-кассы три... Финансовому три... Милиции три... Уголовному розыску два...») ¹⁴. Взнос в кассу концессионной конторы денег за продукты либо вовсе не фиксировался, либо денежная сумма была значительно ниже стоимости переданного. Это создавало дополнительную атмосферу подозрительности.

Партийная комиссия занималась скрупулезным сбором документальных сведений, а также получала информацию от местной агентуры ГПУ. Подозрение вызывал факт того, что «подношение» сотруднику финотдела совпало с открытием некоего неофициального счета Русанглолеса. Инспектор уездного отдела труда якобы получил от начальника концессионного лесочастка «взятку в большом размере за то, что составленные им акты ревизии своей верности имеющимся материалом опровергаются» ¹⁵. Действительно, сотрудники соцстраха «не знали», сколько рабочих были приняты и застрахованы ли они; скорее всего, страховались далеко не все, хотя в отчетах указывалась добросовестность концессионера в этом отношении.

Взятки выражались в передаче (бесплатно или по задому низкой стоимости) фигурантам дела муки, сахарного песка, рыбы, махорки (продуктов дефицитных и при этом на вольном рынке достаточно дорогих), иногда вещей (например, начальник милиции получил сапоги) и денег. Начальник милиции волостного центра (Кичменгского городка) получил 130 руб., по его словам – «сам не знает, за что», и потратил эти деньги «на золотые зубы жене» ¹⁶. Следователи местной милиции получали деньги, как следует из документов

Русанглолеса, за поиски похищенного леса. По мнению прокуратуры, подобные «премии» получало и начальство, непосредственно поиском не занимавшееся.

«Сеть» вовлеченных в «дело Русанглолеса» была достаточно широкая. Когда начались обыски в Никольске, несмотря на секретность операции, об этом узнали в губернских конторах – в Великом Устюге и Архангельске, где, по всей видимости, началось уничтожение компрометирующих бумаг. Из Никольска по волостным центрам были разосланы «нарочные» предупредить о начале следствия. Некоторые из них были перехвачены ГПУ, их признательные показания позволили выйти на фигурантов дела.

По словам председателя партийной комиссии Семенова, «при выезде в Никольск материалами [по делу] были лишь телеграмма в несколько слов, письмо секретаря Никольского укома и опрос Ходанова, по которому судить о сущности и величине возникающего там дела совсем было нельзя». При этом Семенов подвергался давлению со стороны Северолеса в форме «настойчивой просьбы... не делать выездов на места порубок, якобы, этим можно повредить весеннему и летнему освидетельствованию лесов», хотя, «не побывав в лесу, выяснить состав хозяйственных преступлений не было бы возможности»¹⁷. Губземуправление возмущалось, что проводимое дознание создает нездоровую обстановку подозрения вокруг работников лесного хозяйства, которые начинают опасаться выполнять свою работу... Даже во время официального следствия Русанглолес продолжал, по словам эксперта В. Меньшикова, свою «хищническую эксплуатацию», имея «на руках оправдательный документ – телеграфное разрешение гублесотдела о продлении срока заготовки и предложении лесничему – сплаву препятствий не чинить»¹⁸.

Семенов, надо сказать, был человеком, действительно, весьма подозрительным и «мнительным»¹⁹. Но именно эти качества заставили его провести весьма тщательное следствие, а сложности, которые встречались на пути, подзадоривали его еще больше. Собранный им материал был передан в прокуратуру и проведенное следствие, к которому привлекались эксперты лесного дела и другие специалисты, подтвердило

и дополнило его самые большие подозрения. Проверка собранных Семеновым «агентурных сведений» «с выездами на места с целью установления злонамеренности фирмы в хищении лесов» и изучения ситуации экспертами лесного хозяйства позволили установить существенные нарушения.

С одной стороны, «злонамеренности Русанглолеса в хищении лесов» в определенной степени были связаны с инициативой, направленной на ускорение проведения лесоустройства, что входило в обязанность местных органов и было в интересах самого концессионера. По договоренности с Гублескомом Русанглолес платил работникам лесного хозяйства причитающиеся им суточные за выезд на места лесозаготовок для клеймения деревьев, предназначенных к рубке. Такие клейма, указывающие на качество древесины, ставились на ствол дерева на высоте человеческого роста и у пня. Таким образом можно было высчитывать попённую плату – основной вид концессионного налога в пользу государства.

Предполагалось, что тем самым процесс получения работниками денег ускорится, поскольку отчисления на лесоустройство в официальном порядке должно было проходить через несколько инстанций. Руководитель лескома объяснял такую передачу денег «из рук в руки», как и выдачу продовольствия по «дешевой» цене, материальной необеспеченностью сотрудников. Парткомиссия же увидела в этом «факт материальной зависимости лесников от работодателя, которая, несомненно, вызвала оказание взаимной любезности со стороны работников лесного ведомства». К тому же следствие выяснило, что разрешение получать плату за выполненную работу напрямую способствовало «легальному взяточничеству», поскольку, как следует из финансовых документов, денег было выплачено значительно больше, чем полагалось по смете.

Были установлены факты, когда «при клеймовке дерева вместо здорового обозначалось фаутное»²⁰, то есть, с дефектами ствола, что снижало его товарную стоимость и предполагало более низкую попённую плату. Эксперт лесного хозяйства обратил внимание, что на концессионных участках весьма «пренебрежительное» отношение к клеймам

на деревьях; присутствовало «намеренное их скрывание путем обжигания и околки пенья». «Акт освидетельствования мест порубки инспектурой находит все хорошим, между тем как проверка обнаруживает обратное»²¹. Это могло означать нарушение правил заготовки леса, рубку не предназначенных для этого деревьев. Следователь прокуратуры выявил факты вырубки леса в охраняемых территориях, которые Русангло-лесу переданы не были. Сотрудники концессионера, таким образом, грубо нарушали договорные обязательства, отказываясь заготавливать выделенные им деревья (как невыгодные для себя) и прикрывая различными способами незаконную рубку.

Не подтвердилось и благополучное состояние с охраной труда на лесозаготовке и сплаве, как следовало из отчетов инспекторов, из числа тех, кто получал «подарки». Изучение ситуации на месте показало в этом отношении многочисленные нарушения. Среди нанятых на работу в лес были подростки и слабосильные (увечные) люди, которых законом использовать на тяжелых работах было запрещено. Отмечалось также нарушение договоров с лесорубами, когда им без предупреждения понижали стоимость срубленного бревна ниже оговоренной. Такие цены «не только не покрывали затраченного рабочим труда, но едва хватало на прокорм лошади»²².

Не оказалось в действительности присутствовавших в отчетах избушек для лесорубов. Если временное жилье и было построено, то строители не получили за это обещанную плату. Вместо 20 человек, на которых были рассчитаны избушки, размещали вдвое больше лесорубов, и мест все равно всем не хватало. Как следует из доклада следователя прокуратуры, «спали сидя, друг на друге, не поместившиеся в избушки спали под елками, а зимой в Северо-Двинской губернии морозы доходят до 36 градусов...»²³. В санитарном отношении топившиеся «по-черному» избушки были ужасны: «переночевав, рабочие получали головную боль ... выходили черные “как черти, только глаза блестят”». Кто мог себе это позволить, уезжал на своих лошадях ночевать домой за 12 и более верст. Как пишет следователь, «мелких нарушений по труду [в этот доклад] не включаю».

Концессионными договорами предусматривалось невмешательство советских, партийных, профсоюзных организаций в хозяйственную деятельность компаний. Однако членов парткомиссии не могла не удивить «родственность и свойственность» концессионного аппарата («от Москвы до Никольска»), поскольку в СССР это было категорически запрещено. Такой отбор сотрудников подтверждают и позднейшие партийные документы по «чистке» аппарата Северолеса, куда после ликвидации Русанглолеса перешли его специалисты, которые, как указывалось в документах, «попали по знакомству администрации», «попал по прямому содействию», «принят в Русанглолес по протекции», «на работу попал как родственник заведующего лесоучастка по жене», «на службу взят вопреки всем протестам местных организаций»²⁴.

Нельзя сказать, что «советская сторона» не знала об истинном положении вещей. Сотрудники рабоче-крестьянской инспекции выезжали на места и за границу, изучали деятельность концессионеров как по заготовке лесоматериалов, так и по способам их реализации на зарубежном рынке. Обсуждая выявленные злоупотребления на партийных совещаниях, приходили к неутешительным предположениям, что «этот доклад до центра не дойдет, а если дойдет, то товарищи из Северолеса постараются смягчить его своим авторитетом и придать иное толкование выводам ... Акционерные смешанные общества в сущности не акционерные. Они вложили капитал, который им был возвращен из национализированных предприятий, но своих капиталов не дали, еще и просят наших кредитов»²⁵. Из политических соображений, заключавшихся также в опасении, что скандал с концессионером может осложнить возможности по привлечению необходимых стране новых инвесторов, хода таким делам, действительно, не давали, и они продолжали храниться под грифом «сов. секретно».

Нечто подобное случилось и с «Делом Русанглолеса». На бюро Северо-Двинского губкома в апреле 1924 г. был заслушан доклад парткомиссии, признаны доказанными все выявленные ненормальности, при этом отмечено, что подобное было замечено и у другого концессионера, Русголландлеса

в Сольвычегодском уезде. Но поскольку «раскрытое преступление носит весьма важный политический характер ввиду наших переговоров с Англией», было признано необходимым информировать ЦК партии, самим же ничего на местах не предпринимать, особенно в отношении Русанглолеса, так как предъявленные им в свое время претензии на незаконную вырубку были обжалованы в арбитражный суд, со ссылкой на некую неточность в договоре²⁶. Все же дело «по разложению Русанглолесом советского аппарата в Никольском уезде» было дополнительно исследовано ГПУ и собранный материал передали в прокуратуру. В результате были наказаны несколько служащих различных ведомств Никольского уезда; в отношении «партийных товарищей», кроме соответствующего взыскания, было принято решение оставить на местах, пока не будет подобрана на их место замена.

Примечания

¹ Информационный обзор деятельности смешанных обществ // Внешняя торговля: еженедельник НКВТ. 1922. 25 декабря. С. 27–30.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8350. Оп. 1. Д. 214. Л. 18; Оп. 3. Д. 3. Л. 1, 3.

³ Булатов, В. В., Загоруйко, М. М. «Некапиталистические» иностранные концессии в СССР // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: История, регионоведение, международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 51–58; Лишута, А. О. Законодательство о концессионных соглашениях и соглашениях о государственно-частном партнерстве в России и зарубежных странах // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2019. № 16-7 (40). С. 120–121; Некрасов, Д. Пути совершенствования закона о концессионных соглашениях // Хозяйство и право. 2009. № 4 (387). С. 74–76; Раднаев, Б. В. Некоторые проблемы применения закона о концессионных соглашениях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2014. № 1. С. 62–69; Смыкалин, А. С. Иностранные промышленные концессии в СССР в 1920–1930-е гг. (историко-юридический аспект) // Бизнес, менеджмент и право. 2017. № 3–4. С. 107–112.

⁴ Бутковский, В. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1928. С. 57.

⁵ Из отчета отдела внутренней торговли Коми облисполкома об итогах лесозаготовительной кампании в 1924/25 гг. // Советская

лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов. / Сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филагова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. С. 117–120.

⁶ Государственный архив Архангельской области. (ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1534. Л. 36, 37.

⁷ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 59–61.

⁸ Там же. Л. 69–71.

⁹ Там же. Л. 78–81.

¹⁰ Там же. Л. 471–471 об.

¹¹ Там же. Д. 1423. Л. 1–5.

¹² Там же. Л. 6–20.

¹³ Там же. Д. 1253. Л. 59.

¹⁴ Там же. Л. 61.

¹⁵ Там же. Л. 63.

¹⁶ Там же. Л. 69, 69 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Д. 1423. Л. 19 об., 20 об.

¹⁹ Там же. Д. 12. Л. 21.

²⁰ Там же. Л. 69.

²¹ Там же. Л. 69 об.

²² Там же. Д. 1423. Л. 3.

²³ Там же.

²⁴ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 266. Оп. 7. Д. 26. Л. 3–8.

²⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1246. Л. 167.

²⁶ ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 70.

Аннотация

В статье на основе анализа документов, хранящихся в фондах бывших архивов Вологодского и Архангельского областных комитетов КПСС (в настоящее время включенных в коллекции областных государственных архивов), исследуется так называемое «дело Русанглолеса» – злоупотребления «смешанного» (русско-английского) акционерного общества, которому для эксплуатации на концессионных началах были переданы лесничества в Никольском уезде Северо-Двинской губернии. Пользуясь положением фактически единственного работодателя для крестьянского населения уезда, концессионеры нарушали условия договора, заключенного с правительством СССР, а также советские законы о лесопользовании и базовые статьи Кодекса о труде. Помогали

им прикрывать эти нарушения представители уездной и волостной власти, получавшие от концессионеров «подачки» в виде дефицитных продуктов питания и товаров, которые им выдавались бесплатно или по заниженной стоимости. В результате наверх (в губернские хозяйственные и советские органы, а оттуда в Главный концессионный комитет при Совнарком) поступали отчеты, в выгодном свете представляющие деятельность концессионных предприятий. Критические выступления крестьянских делегатов на советских и партийных съездах не всегда принимались во внимание, так как лесорубы и сплавщики леса относились по существовавшей тогда классификации к зажиточным крестьянам и даже к кулакам. Об истинном положении вещей на лесозаготовках сведения поступали от коммунистов, работников уездных комитетов партии. Партийная комиссия, направленная губкомом, несмотря на противодействие своей работе, в том числе со стороны государственного лесопромышленного треста Северолес (при котором и была создана концессия Русанглолес) провела тщательное расследование, привлекая различные источники, включая агентурные данные, опросы крестьян и осмотр территории концессии на месте. Выявленная картина расходилась с направляемыми в центр отчетами, к тому же подтвердились сведения о распространении подкупа советских, хозяйственных и партийных работников. Рассмотренные на бюро губкома материалы были частично переданы в прокуратуру с рекомендациями наказать провинившихся, оставив большинство их на своих должностях в связи с кадровым голодом. Обвинениям против концессионеров решили дальнейшего хода не давать, руководствуясь тем, что концессии имеют большое политическое значение для советского государства. Конкретный случай, рассмотренный в статье, дает возможность убедиться в широких информационных возможностях документов бывших партийных архивов в исследовании тех сторон раннесоветской жизни, которые до сих пор остаются «белыми пятнами» истории.

Ключевые слова: партийные документы, исторические источники, Европейский север России 1920-х гг., советская концессионная программа, лесные концессии, «Русанглолес», материалы партийных комиссий.

Список литературы

- Бутковский, В. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1928. 123 с.
- Булатов, В. В., Загоруйко, М. М. «Некапиталистические» иностранные концессии в СССР // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: История. регионоведение. международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 51–58.

Лишута, А. О. Законодательство о концессионных соглашениях и соглашениях о государственно-частном партнерстве в России и зарубежных странах // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2019. № 16-7 (40). С. 120–121.

Некрасов, Д. Пути совершенствования закона о концессионных соглашениях // Хозяйство и право. 2009. № 4 (387). С. 74–76.

Раднаев, Б. В. Некоторые проблемы применения закона о концессионных соглашениях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2014. № 1. С. 62–69.

Смыкалин, А. С. Иностраные промышленные концессии в СССР в 1920–1930-е гг. (историко-юридический аспект) // Бизнес, менеджмент и право. 2017. № 3–4. С. 107–112.

Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов / Сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. 440 с.

Сведения об авторах

Трошина Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, профессор, Северный государственный медицинский университет, профессор, г. Архангельск, Российская Федерация, 8-911-571-04-66, tatr-arh@mail.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 22-18-20061 «Иностраные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России», <https://rscf.ru/project/22-18-20061>

В редакцию статья поступила 06.11.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-733-748

For citation

Troshina, Tat'yana I. (2024). «Information potential of documents of the former Party archives. “The Rusangloles Case”» in 1920s, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 733–748, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-733-748

Troshina, Tat'yana I., Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia

Information potential of documents of the former Party archives. «The Rusangloles Case» in 1920s

Abstract

Based on the analysis of documents stored in the fonds of the former archives of the Vologda and Arkhangelsk regional committees of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) (now included in the collections of the regional state archives), the article examines the so-called «Rusangloles case» – the abuse of the «mixed» (Russian-English) joint-stock company, which was given forestry in Nikolsky uyezd of North-Dvinsky province for exploitation on concession basis. Taking advantage of their position being the only employer for the peasant population of the uyezd, the concessionaires violated the terms of the contract concluded with the USSR government, as well as Soviet laws on forest management and basic articles of the Labor Code. They were assisted in covering up these violations by representatives of the district and volost authorities, who received «gifts» from the concessionaires in the form of scarce food and goods, which were given to them for free or at a reduced cost. As a result, reports were sent to the provincial economic and soviet bodies, and from there to the Main Concession Committee under the Council of People's Commissars. Those reports presented the activities of the concession enterprises in a favorable light. Critical speeches of peasant delegates at Soviet and Party congresses were not always taken into account, since loggers and rafters were classified as well-to-do peasants and even kulaks. Information about the true state of affairs at the logging sites came from communists, workers of the county party committees. The Party commission sent by the provincial committee, despite the opposition to its work, including from the state timber trust Severoles (under which the Rusangloles concession was created), conducted a thorough investigation, using various sources, including agent data, interviews with peasants and on-site inspection of the concession territory. The picture revealed was at variance with the reports sent to the Main Concession Committee under the Council of People's Commissars. Besides, there were confirmed reports of widespread bribery of Soviet, economic and party officials. The materials considered at the bureau of the provincial committee were partially transferred to the prosecutor's office with recommendations to punish the guilty, leaving most of them in their positions due to the lack of staff. It was decided not to pursue the accusations against the concessionaires any further, because the concessions were of great political importance for the Soviet state. The specific case considered in the article makes it possible to see the wide informational possibilities of the documents of the former Party archives in the study of those aspects of early Soviet life that still remain «white spots» of history.

Keywords

Party documents, historical sources, European North of Russia in the 1920s, Soviet concession program, forest concessions, «Rusangloles», materials of party commissions.

References

Butkovskii, V. (1928). Foreign concessions in the national economy of the USSR, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow; Leningrad, USSR, 123 с.

Bulatov, V. V., Zagorul'ko, M. M. (2012). «“Non-capitalist” foreign concessions in the USSR», *Science journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, № 1 (21), pp. 51–58.

Lishuta, A. O. (2019). “Legislation on concession agreements and public-private partnership agreements in Russia and foreign countries”, *Colloquium-Journal*, № 16-7 (40), pp. 120–121.

Nekrasov, D. (2009). “Ways to improve the law on concession agreements”, *Economy and Law*, №. 4 (387), pp. 74–76.

Radnaev, B. V. (2014). “Some problems of application of the law on concession agreements”, *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, № 1, pp. 62–69.

Smykalin, A. S. (2017). “Foreign industrial concessions in the USSR in 1920–1930s (Historical and legal aspect)”, *Business, Management and Law*, № 3–4, pp. 107–112.

Makurov, V. G., Filatova, A. T. (ed.) (2005). Soviet forest economy. Moscow – North. 1917–1941, Collection of documents and materials, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, Petrozavodsk, Russia, 440 p.

About the authors

Troshina, Tatyana I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia, 8-911-571-04-66, tatr-arh@mail.ru

Grant information

The article was prepared with the financial support of RNF grant, project № 22-18-20061 “Foreign Concessions in Arkhangelsk Province: Regional Experience of Foreign Economic Contacts in the Conditions of Soviet Russia’s Isolation”, <https://rscf.ru/project/22-18-20061>

The article was received in the editorial office on 06.11.2023, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94+930.22+002.513.5+930.23+930.253+930.255+002.53+303.4.02+303.44+351/354+06.048.6+061.6+001.85+001.6+002.6.013+002.63+002.66+353.2+353.9+331.07+338.22+338.24.021.8+338.244+338.246.82+338.246.2+351.83+351.9+365.6+69.003+69.009+69.04
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-749-765

Для цитирования

Мазур, Л. Н., Хорькова, В. М. Паспорта городов 1954 г. как исторический источник: информационный потенциал и методы исследования // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 749–765, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-749-765

Мазур, Л. Н., Хорькова, В. М.

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Паспорта городов 1954 г. как исторический источник: информационный потенциал и методы изучения

Постановка проблемы. Город как сложный организм имеет множество измерений: временное, пространственное, антропологическое, архитектурное, планировочное. Как совместить все эти проекции? И еще проследить их ретроспективу? Необходима соответствующая источниковая база, в которой согласованы информационные и временные сюжеты и которая позволяет раскрыть изучаемый объект на разных уровнях агрегирования – локальном, региональном, всероссийском.

Таким комплексным источником выступает паспорт «Социально-экономические и культурные показатели города» – вторичный статистический документ, в котором зафиксирована сводная информация о населении, экономике, культуре конкретного города. Несмотря на богатый контент, данный источник редко становился объектом исследования.

Историография. Среди работ историков по заявленной проблеме выделяются труды С. А. Баканова, который исследовал

депрессивные города Урала 1960–1980-х гг., опираясь на сведения паспортов городов, утвержденных в 1985 г. Он также предложил методику изучения данного источника с опорой на технологию баз данных и методы динамического анализа¹.

В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в фонде Статуправления (Р-1813) сохранились паспорта городов и районов, заполненные по форме, утвержденной ЦСУ СССР и размноженной типографским способом в 1954 г.² Формуляр представляет собой тетрадь альбомного формата с титулом, где указано название бланка «Основные показатели развития хозяйства и культуры», а также наименование города и области. Формуляр заполнялся сотрудниками райгоринспектур и передавался в сектор сводных балансовых работ областного Статуправления. Сектор был образован во второй половине 1953 г. и занимался подготовкой сводных данных о развитии народного хозяйства области, ее городов и районов, аналитических записок о выполнении перспективных и текущих планов, разработкой балансов основных фондов³.

Сохранившийся в архиве комплекс заполненных бланков включает паспорта Билимбаевского района (1954 г.), Первоуральска (1956 г.), Нижнего Тагила (1957 г.), 36 паспортов городов за 1958 г., 20 паспортов за 1959 г.⁴ и 4 паспорта за 1960 г.⁵. Документы, по всей вероятности, представляют собой черновой вариант: в них есть перечеркнутые страницы, исправленные показатели, вклеенные рукописные фрагменты.

Происхождение и цели создания. Сведения паспортов представляют собой комплексный многоцелевой информационный ресурс, востребованный различными управленческими структурами и разными уровнями управления⁶. Разработке формуляра паспорта города/района предшествовал богатый опыт проведения органами статистики единовременных специальных переписей, получивших распространение в конце 1920-х – 1930-е гг. Переключение органов статистики на решение задач организации учета в начале 1930-х гг. было тесно связано со структурной реорганизацией статистики и передачей ЦСУ в состав Госплана СССР⁷. 17 декабря 1931 г. при Госплане было образовано Центральное управление народнохозяйственного учета (ЦУНХУ), а в 1932 г. – районные и городские инспектуры,

в задачи которых входила организация и проведение различных форм учета, специальных переписей и обработка годовых отчетов предприятий и организаций⁸.

Так, например, в 1933 г. прошла перепись предприятий общественного питания, в 1934 г. – библиотечная перепись. С 1934 г. ежегодно проводились «переписи социалистической промышленности», в том числе всесоюзная регистрация предприятий социалистической промышленности (включая мелкую), переписи мелкой промышленности (1939)⁹. В годы войны была разработана методика срочных переписей оборудования, материалов, топлива, отдельных групп населения и кадров, строений и помещений и пр. Всего с 1941 по 1947 гг. органами статистики были проведены 142 срочные переписи¹⁰. В результате был накоплен огромный массив первичных данных, аналитически не обработанных и не систематизированных.

Создание паспортов можно рассматривать как форму обобщения первичных учетно-отчетных статистических данных на уровне административно-территориальных единиц. В 1950 г. была проведена паспортизация жилого фонда и коммунального хозяйства городов¹¹. В начале 1950-х гг. разрабатываются паспорта территорий: сначала области, а с 1952 г. – городов и районов. Особенностью паспорта города/района, утвержденного ЦСУ в 1954 г., было построение «длинных» динамических рядов с неравными промежутками, которые начинались с показателей дореволюционного времени и заканчивались ежегодными сведениями за последние пять лет (1956–1960 гг.), с акцентом внимания именно на этом периоде.

Пока открытым остается вопрос о практическом использовании паспортов. С учетом того, что практика их создания была продолжена в 1970-е – 1980-е гг. и сохраняется в настоящее время¹², можно предположить следующие варианты применения паспортов: 1) для информирования советских и партийных руководителей; 2) в качестве источника данных для расчета плановых показателей и стратегии развития территории, что имело особое значение в условиях реформы управления 1957 г. и частичной передачи функций планирования местным органам власти¹³; 3) для разработки генеральных планов городов. Создание последних относится к 1930-м гг. и послевоенному

периоду. Так, например, в 1931 г. начались работы над генеральным планом города Свердловска¹⁴. Расчетная часть генерального плана строилась на использовании сведений, значительная часть которых представлена в паспорте города¹⁵.

Информационный потенциал и структура. Формуляр паспорта открывает подробная инструкция по правилам заполнения бланка, источникам информации и расчету всех показателей. Это принципиально важный момент, который обеспечивал сопоставимость сведений паспортов различных территориальных образований. Тем не менее единообразие расчетов нередко нарушалось, о чем свидетельствует переписка райгоринспектур со сводным отделом Облстатуправления, контролирующим качество заполнения паспорта¹⁶.

В структуре бланка можно выделить 13 тематических разделов (45 таблиц): Общие сведения; Территория; Население; Численность рабочих и служащих; Промышленность; Транспорт и связь; Жилищный фонд; Внешнее благоустройство города; Культурное строительство; здравоохранение и физкультура; Товароборот; Коммунальное хозяйство; Исполнение бюджета города.

В разделе «Общие сведения» содержится справочная информация о городе – дате возникновения, его прежнем названии, дате получения статуса города, названии ближайшей железнодорожной станции, пристани, расстоянии до нее. Для заполнения раздела использовались правительственные постановления, документы городского совета, литературные и архивные источники.

Раздел «Территория» позволяет охарактеризовать городское пространство и включает сведения о дате утверждения современной городской черты и динамический ряд с показателями общей площади с 1916 по 1960 г., а также площади застроенных земель и городских угодий (в га). В качестве источника информации использовались годовые отчеты горкомунотделов и сведения паспортов городов по учету жилищного фонда и коммунального хозяйства.

С историко-демографической точки зрения интерес представляют разделы по численности и социально-профессиональному составу жителей города. Таблица «Численность

и естественный прирост населения» содержит за период с 1916 по 1960 г. показатели общей численности (в тыс. чел.), количества родившихся и умерших на 1 тыс. жителей и естественного прироста населения города. Источниками для заполнения служили данные всеобщих переписей (1897, 1926, 1939 гг.). За 1950-е гг. в таблице фиксировались данные, которые ежегодно пересчитывались исходя из показателей численности населения 1939 г., утвержденных Статуправлением РСФСР.

Демографические ряды дополняла таблица с показателями численности рабочих и служащих по основным отраслям народного хозяйства в интервале 1939–1960 гг. В качестве источника для заполнения таблицы рекомендовалось использовать списки предприятий и организаций, составленные при проведении единовременного учета труда и фондов заработной платы предприятий, а также их годовые отчеты.

Экономику города в 1950-е гг. характеризует совокупность таблиц, в которых представлены:

- основные показатели развития промышленности города в 1940–1960 гг. (число предприятий, среднесписочное число работников);
- объем валовой продукции, тыс. руб. (в оптовых ценах на 01.07.1955 г.);
- объем производства по основным видам промышленной продукции в натуральном выражении с 1913 по 1960 г.;
- перечень крупнейших промышленных предприятий города со среднесписочным числом рабочих и показателем валовой продукции (в тыс. руб.) и др.

Таблицы по промышленности и энергетическим предприятиям заполнялись на основе их годовых отчетов, паспортов городов по учету жилого фонда и коммунального хозяйства.

Раздел паспорта, посвященный транспорту, содержал информацию о грузообороте различных видов транспорта, а также размерах трамвайного, троллейбусного и автомобильного парка, вводе в действие объектов городского транспорта. Сведения были получены из отчетов железнодорожных станций, речных/морских портов и пристаней, паспорта города по учету жилищного фонда и коммунального хозяйства и материалов годовых отчетов предприятий.

Таблица «Показатели связи» представляет собой динамический ряд показателей с 1940 по 1960 г. числа предприятий почты и телеграфа, телефонных станций, численности абонентов, количества телефонов-автоматов, радиоточек, радиоприемников, телевизоров. Таблица заполнялась на основании годовых отчетов районных городских контор связи. В совокупности рассмотренный блок сведений позволяет охарактеризовать транспортную и коммуникационную инфраструктуру города, выделить тренды ее развития и имеющиеся проблемы.

Очень информативен раздел «Жилищный фонд», где показана динамика обобщественного и личного жилого фонда за 1926–1960 гг. (в тыс. кв. м), его благоустройства, приведена группировка домов по этажности, материалу стен и году строительства. Источниками для заполнения таблиц служили итоги переписи населения 1926 г., паспорта городов по учету жилищного фонда, а начиная с 1956 г. – сведения единовременных учетов и переписей жилого фонда за соответствующие годы.

В разделах «Внешнее благоустройство города», «Культурное строительство», «Здравоохранение», «Физкультура и спорт» содержится информация о социальных объектах города, обеспеченности их кадрами. Динамические ряды фиксируют изменения в городской инфраструктуре с 1916 по 1960 г. Данные по культурному строительству извлекались из отчетов учреждений образования и культуры. Для получения сведений за прошлые годы использовались итоги профессиональных переписей, архивные материалы и опубликованные статистические сборники.

Раздел «Товарооборот» включает показатели розничного товарооборота в ценах соответствующих лет (тыс. руб.), размера и структуры торговой сети за 1932–1960 гг. Есть возможность проанализировать динамику сети предприятий общественного питания по категориям предприятий: фабрики-кухни, столовые и рестораны, чайные; закусочные, кафе, буфеты. Приведенные в таблице сведения получены из архива Горторготдела, либо путем опроса торгующих организаций.

Таблица «Водопроводы и канализация» содержит сведения о характеристиках систем водообеспечения и канализации города и их развитии. В отдельную таблицу выделена

информация о вводе в действие санитарно-технических предприятий за период 1951–1955 и погодно – за 1956–1960 гг.

Интерес с точки зрения характеристики городской среды представляет таблица «Автогужевого транспорт по очистке территории», в которой приводятся сведения об общем числе транспортных хозяйств автомашин (ассенизационных, мусоровозов, поливочных, подметальных и прочих уборочных), рабочих лошадей. Данные приведены по состоянию на 1932, 1939, 1945, 1953 гг. и за период 1956–1960 гг. В качестве источников информации обозначены первичные формы переписей коммунальных предприятий 1932 г., паспортов по учету жилищного фонда, единовременных учетов 1945, 1953 и 1956 гг.

Разделы «Бани, прачечные, парикмахерские» и «Гостиницы, дома колхозника, дома для приезжающих» позволяют изучить сферу санитарно-бытового обслуживания и гостеприимства города. Динамический ряд включает сведения с 1932 по 1960 г., в том числе количество бань и санпропускников, число посетителей за год – всего и по Министерству коммунального хозяйства; аналогично – по прачечным, парикмахерским и городским туалетам. В качестве источников информации использовались паспорта по учету жилого фонда, результаты коммунальной переписи 1932 г., а также единовременных учетов. В качестве отдельного сюжета выделена информация по гостиницам, основанная на результатах переписи гостиниц и домов для приезжающих 1939 г., учета 1946 и 1956 гг.

В разделе «Капитальное строительство» за период 1956–1960 гг. приведены объемы капиталовложений, в том числе строительство жилья, школ, больниц, детских садов и яслей (в млн руб.). Нужные сведения содержали годовые отчеты застройщиков.

Таблица «Численность скота» характеризует динамику поголовья крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, лошадей во всех категориях хозяйств и в личной собственности горожан за период с 1941 по 1960 г.

В заключительном разделе формы «Исполнение бюджета города» приведены статьи доходов и расходов городского бюджета за 1950–1960 гг. Доходы учтены по статьям: промышленность, торговля, жилищно-коммунальное хозяйство (в том

числе транспорт, водопровод и канализация, прочие коммунальные предприятия), налоги с населения, местные налоги и сборы, государственные займы. Также подробно расписаны и расходы города. Для заполнения таблицы использовались годовые отчеты об исполнении бюджета города.

В 1985 г. был утвержден новый формуляр паспорта города, на основе которого проводился сбор статистических данных за 1970–1990 гг. Информационная структура бланка претерпела определенные изменения, в частности, более подробно представлен блок демографических показателей – указана численность наличествующего и постоянного населения, отмечен не только естественный, но и миграционный прирост, число зарегистрированных браков и разводов, средний размер семьи. С другой стороны, в нем отсутствуют данные о бюджете города, вводе в строй объектов капитального строительства. Таким образом, с экономики города внимание статистических органов перемещается на характеристику его жителей и благоустройство городской среды.

В целом новый формуляр включал сопоставимую с бланком 1954 г. информацию, что позволяет построить динамические ряды показателей развития хозяйства и культуры города, охватывающие весь советский период, а также провести типологию динамики городов с учетом комплексного влияния всех факторов – географического, экономического, демографического.

Достоверность и полнота информации. Достоверность представленной в паспорте города информации зависела от надежности используемых статистиками источников данных, факторов искажения (корректность и сопоставимость расчетных показателей) и наличия контрольных мероприятий.

Для заполнения паспорта была подготовлена подробная инструкция. Разработчики старались учесть все сложные моменты, чтобы избежать разночтений. Так, например, в инструкции к таблице «Жилищный фонд» приведены развернутые рекомендации по расчету общей площади жилых помещений с уточнением понятия «вспомогательной площади» и методов ее расчета. К таблице «Внешнее благоустройство города» были составлены комментарии, что понимать под «замощенной» частью улицы и ее «усовершенствованным» покрытием.

Заполнение каждого раздела паспорта города опиралось на свои источники информации, отмеченные в инструкции, что, однако, не исключало ошибок. Так, например, в паспорте Свердловска приведена дата получения статуса города – 27 августа 1723 г.¹⁷, в то время как статус уездного города Екатеринбург получил в 1781 г. по Указу Екатерины II.

Серьезной проблемой для сотрудников райгоринспектур была доступность необходимых материалов. В случае отсутствия нужной информации, статистики оставляли на страницах паспорта свои комментарии и писали служебные записки на имя начальника Облстата¹⁸.

Паспорт проходил контрольную проверку в секторе сводных балансовых работ Облстата и при обнаружении ошибок возвращался для доработки¹⁹. На каждой заполненной странице бланка стоит подпись проверяющего статистика. На последней странице встречаются пометы: дата передачи экземпляра на доработку, дата и подпись о внесении исправлений²⁰. Наличие контрольных мероприятий повышает уровень достоверности сведений паспортов. Наиболее надежной выглядит информация по промышленным, энергетическим предприятиям, жилищному фонду, капитальному строительству, наименее достоверные сведения содержатся в таблицах по грузообороту, товарообороту, численности населения за 1940-е–1950-е гг.

Полнота информации паспорта зависела от времени его заполнения и наличия информации по дореволюционному времени и 1920-м гг. В большинстве сохранившихся паспортов динамический ряд показателей ограничен 1930-ми гг. и доведен до 1958 г.

База данных «Паспорта городов Среднего Урала. 1914–1960 гг.». Создание базы данных (БД) на основе паспортов является необходимым этапом их изучения и использования для анализа проблем городского развития²¹. База данных спроектирована в ПК Microsoft Excel на принципах источник-ориентированного подхода, то есть учитывает информационную структуру паспорта города и включает 21 таблицу (1 762 поля и 44 записи). Таблицы имеют сквозные поля – кодовый номер и название города, а также «Примечание» и «Архивный адрес».

Особенностью БД является включение в реляционную структуру таблицы динамических рядов.

Помимо таблиц, отражающих основные разделы паспорта города, были сформированы дополнительные таблицы, в частности, список крупнейших промышленных предприятий городов области. Раздел бланка «Культурное строительство» в БД был разбит на две таблицы – образование (детские сады, школы, высшие учебные заведения и т. д.) и культура (библиотеки, театры, музеи и т. д.). Не все сведения паспорта включены в БД, так, например, коммунальное хозяйство, гостиницы, бани и прачечные охарактеризованы только по базовым признакам, исключены их технико-технологические характеристики.

Почти все таблицы в базе данных содержат сведения о жителях города. Помимо раздела «Население», в других таблицах имеется информация, например, о рабочих, занятых на производстве или об учащихся и преподавателях (таблица «Образование»), посетителях библиотек и театров, позволяющая дифференцировать население по различным видам социальных практик.

Следует особо оговорить проблемы работы с БД, связанные с ее заполнением. В первую очередь, это двойной счет, когда в паспорте представлены два значения показателя (чернилами и карандашом), при этом нет указаний, какой из них вошел в чистовой вариант паспорта. Встречаются незаполненные разделы и таблицы бланка без уточнения причин отсутствия информации. Еще одной проблемой работы с паспортами и занесением данных в базу является их несопоставимость: например, наличие сведений по району, а не по городу. В подобных случаях в поле «Примечания» вносились комментарии.

Большое значение имеет организация контроля заполнения сведений, чтобы исключить ошибки регистрации в базе данных. Здесь можно использовать возможности программы и установить для каждого поля определенные диапазоны (данные – проверка данных), которые сформируются у исследователя после изучения паспорта и выявления «разумных» границ. Сложно обойтись и без «ручного» способа проверки – систематического просмотра введенных записей и перепроверки показателей, выбивающихся из общего ряда. Но может встретиться

также ситуация, когда явная ошибка допущена непосредственно в самом источнике – в данном случае стоит написать об этом в примечании.

Выводы. Рассмотренный статистический источник отличается системным характером информации, достаточно высоким уровнем достоверности и полноты, что позволяет реконструировать динамику и особенности развития городов в довоенный и послевоенный периоды, а по ряду параметров провести сравнение с дореволюционным временем. Реализовать эти задачи невозможно без формирования соответствующего информационного ресурса и компьютерных технологий.

Систематизация демографических, экономических и социально-культурных показателей развития городов в форме динамических рядов предполагает использование технологии баз данных и методов структурно-динамического анализа для оценки сценариев городского развития, разработки типологии экономического развития городов, основанной на оценке влияния структурных характеристик города на его динамику.

Примечания

¹ Баканов, С. А. Опыт создания электронной базы данных «Депрессивные города Урала в 1970–80-е гг.» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2002. № 30. С. 179–181; Баканов, С. А. Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959–2010) // *Quaestio Rossica*. 2017. № 5 (1). С. 74–85; Баканов, С. А. Депрессивные города Урала в 1960–1980-е гг.: Анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2005. 191 с.

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 3. Д. 2–106.

³ Там же. Оп. 3. Историческая справка к описи дел.

⁴ Там же. Д. 2–83.

⁵ Там же. Д. 103–106.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 10.

⁷ Блюм, А., Меспуле, М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. Москва: РОССПЭН, 2006. 328 с.

⁸ История российской государственной статистики: 1811–2011. Москва: Статистика России, 2013. С. 96–99.

- ⁹ Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. Москва: Наука, 1979. 288 с.
- ¹⁰ История российской государственной статистики. С. 101.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 1813. Оп. 3. Д. 1341–1378.
- ¹² Паспорт г. Нижний Тагил за 2022 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ntagil.org/gorod/pasport.php> (дата обращения 23.03.2024).
- ¹³ Аргунов, С. В., Коган, Ю. В., Назаров, М. Н., Старостина, Н. Г. Паспорт города как инструмент территориального планирования // Государственная служба. 2019. № 5. С. 68–75.
- ¹⁴ Думчиков, А. А. Разработка генерального плана Свердловска в 1930-е гг.: проблемы и особенности // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 37–44.
- ¹⁵ Пенцев, Е. А. Генеральный план города: учеб.-метод. пособие / Науч. ред. Л. В. Булавина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 62 с.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 16, 17, 19, 22, 23.
- ¹⁷ Там же. Д. 81.
- ¹⁸ Там же. Д. 19. Л. 1 (Служебная записка статистика горинспектуры г. Богдановича от 25 июня 1959 г.); Д. 23. Л. 1–2. (Служебная записка инспектора Верхотурской горинспектуры от 9 февраля 1960 г.) и др.
- ¹⁹ Там же. Д. 16. Л. 1–1а; Д. 17. Л. 1–2; Д. 19. Л. 3.
- ²⁰ Там же. Д. 9. Л. 54 об; Д. 22. Л. 54 об.; Д. 25. Л. 60 об.
- ²¹ Гарскова, И. М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 57–75. Электронный ресурс. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=312511 (дата обращения: 13.03.2024); Бородин, Л. И. Историк в мире компьютерных технологий: развитие по спирали? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 8 (41). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840001263-8-1> (дата обращения 18.03.2024); Alkhoven, P., Doorn, P. (2007). New Research Perspectives for the Humanities, *International Journal of Humanities and Arts Computing*, vol. 1, № 1, pp. 35–47; Thaller, M. (2012). Controversies around the Digital Humanities: An Agenda, *Historical Social Research. Special Issue: Digital Humanities*, vol. 37, № 3, pp. 7–22.

Аннотация

Для характеристики процессов урбанизации на региональном и локальном уровне большой интерес представляют паспорта городов. В частности, в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) сохранились паспорта городов Свердловской области, в общей сложности

62 формуляра, заполненных в 1954–1960 гг. Цель статьи – охарактеризовать информационный потенциал паспорта города для изучения урбанизационных процессов. В статье рассмотрены информационная структура паспорта, источники информации, используемые для его заполнения, оценены полнота и достоверность представленной в паспорте информации. Предложена методика изучения паспортов с использованием технологии базы данных. Паспорт города «Основные показатели развития хозяйства и культуры» – статистический источник, содержащий динамические ряды (с начала XX в. до 1960 г.) сводных показателей развития города – населения, промышленности, торговли, строительства, транспорта, благоустройства и др. Формуляр паспорта был утвержден ЦСУ СССР в 1954 г. и представлял собой тетрадь альбомного формата, размноженную типографским способом. Паспорт составляли сотрудники райгоринспектур и передавали его в сектор сводных балансовых работ областного Статуправления. Сектор был образован во второй половине 1953 г. и занимался подготовкой сводных данных о развитии народного хозяйства области, ее городов и районов. По своему происхождению паспорт относится к вторичным документам, в который заносилась учетная и расчетная информация, полученная в процессе единовременных и постоянных статистических наблюдений. В структуре бланка можно выделить 13 тематических разделов (45 таблиц): Общие сведения; Территория; Население; Численность рабочих и служащих; Промышленность; Транспорт и связь; Жилищный фонд; Внешнее благоустройство города; Культурное строительство; Здравоохранение и физкультура; Товарооборот; Коммунальное хозяйство; Исполнение бюджета города. Открывает формуляр паспорта подробная инструкция по его заполнению с указанием источников информации и алгоритмов расчета показателей по каждому разделу. В качестве источников сведений использовались отчеты предприятий и учреждений, материалы многочисленных специальных переписей и учетов, проводимых органами статистики в 1930-е–1940-е гг., а также официальные постановления и справочники, архивные документы. Проведение контрольных мероприятий повышало достоверность сведений паспортов. Отражая в ретроспективе динамику основных показателей развития города, паспорт, безусловно, имел практическое значение и привлекался в качестве информационного ресурса при решении задач долгосрочного планирования.

Ключевые слова: паспорт города, исторический источник, статистика, база данных, СССР, советский город, городская промышленность, население, городская среда.

Список литературы

Аргунов, С. В., Коган, Ю. В., Назаров, М. Н., Старостина, Н. Г. Паспорт города как инструмент территориального планирования // Государственная служба. 2019. № 5. С. 68–75.

Баканов, С. А. Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959–2010) // Quaestio Rossica. 2017. № 5 (1). С. 74–85.

Баканов, С. А. Депрессивные города Урала в 1960–1980-е гг.: Анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2005. 191 с.

Баканов, С. А. Опыт создания электронной базы данных «Депрессивные города Урала в 1970–80-е гг.» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2002. № 30. С. 179–181.

Блум, А., Меспуле, М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. Москва: РОССПЭН, 2006. 328 с.

Бородкин, Л. И. Историк в мире компьютерных технологий: развитие по спирали? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 8 (41). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840001263-8-1> (дата обращения 18.03.2024).

Гарскова, И. М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 57–75. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=312511 (дата обращения 13.03.2024).

Думчиков, А. А. Разработка генерального плана Свердловска в 1930-е гг.: проблемы и особенности // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 37–44.

Елисеева, И. И., Дмитриев, А. Л. Очерки по истории государственной статистики в России. Санкт-Петербург: Росток, 2016. 288 с.

Пенцев, Е. А. Генеральный план города: учеб.-метод. пособие / Науч. ред. Л. В. Булавина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 62 с.

Alkhoven, P., Doorn, P. (2007). New Research Perspectives for the Humanities, *International Journal of Humanities and Arts Computing*, vol. 1, № 1, pp. 35–47.

Thaller, M. (2012). Controversies around the Digital Humanities: An Agenda, *Historical Social Research. Special Issue: Digital Humanities*, vol. 37, № 3, pp. 7–22.

Сведения об авторах

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Уральский гуманитарный институт, кафедра документоведения, архивоведения и истории

государственного управления, заведующая кафедрой, г. Екатеринбург, Российская Федерация, Lmaz@mail.ru

Хорькова Вера Михайловна, Уральский федеральный университет, Уральский гуманитарный институт, исторический факультет, студентка, г. Екатеринбург, Российская Федерация, vera.rusha@gmail.com

Сведения о грантах

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда: проект № 24-28-00629 «Траектории развития городов Среднего Урала в середине XX в.: методологический и источниковедческий аспекты», <https://rscf.ru/project/24-28-00629/>

В редакцию статья поступила 13.04.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-749-765

For citation

Mazur, Lyudmila N., Khor'kova, Vera M. (2024). Passports of cities of 1954 as a historical source: information potential and methods of research, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 749–765, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-749-765

Mazur, Lyudmila N., Khor'kova, Vera M., Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation. N. Yeltsin Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yekaterinburg, Ekaterinburg, Russia

City passports of 1954 as a historical source: information potential and methods of study

Abstract

To characterize the processes of urbanization at the regional and local level, passports of cities are of great interest. In particular, the State Archive of the Sverdlovsk Oblast (GASO) preserved passports of cities of the Sverdlovsk Oblast, a total of 62 forms filled out in 1954–1960. The purpose of the article is to characterize the information potential of the city passport for the study of urbanization processes. The article considers the information structure of the passport, sources of information used for its filling, assesses the completeness and reliability of the information presented in the passport. The methodology of studying passports using database technology is proposed. The city passport “Main indicators of economic and cultural development” is a statistical source containing dynamic series (from

the beginning of the XX century to 1960) of summary indicators of city development – population, industry, trade, construction, transportation, landscaping and others. The passport form was approved by the Central Statistical Service of the USSR in 1954 and consisted of an album-size notebook reproduced by printing. The passport was compiled by the staff of the rayon inspectorates and submitted to the sector of consolidated balance works of the regional Statistical Department. The sector was established in the second half of 1953 and was engaged in the preparation of consolidated data on the development of the national economy of the oblast, its cities and districts. By its origin the passport refers to secondary documents, in which the accounting and calculation information, obtained in the process of one-time and permanent statistical observations, was recorded. In the structure of the form 13 thematic sections (45 tables) can be distinguished: General information; Territory; Population; Number of workers and employees; Industry; Transportation and communication; Housing stock; External improvement of the city; Cultural construction; Health and physical education; Commodity turnover; Utilities; Execution of the city budget. The passport form opens with detailed instructions for its completion, indicating the sources of information and algorithms for calculating indicators for each section. The sources of information were reports of enterprises and institutions, materials of numerous special censuses and surveys conducted by statistical authorities in the 1930s–1940s, as well as official resolutions and directories, and archival documents. Control measures increased the reliability of passport data. Reflecting in retrospect the dynamics of the main indicators of the city's development, the passport, of course, had a practical value and was attracted as an information resource in solving the problems of long-term planning.

Keywords

City passport, historical source, statistics, database, USSR, Soviet city, urban industry, population, urban environment.

References

- Argunov, S. V., Kogan, Y. V., Nazarov, M. N., Starostina, N. G. (2019). Passport of the city as a tool of territorial planning, *Public Service*, № 5, pp. 68–75.
- Bakanov, S. A. (2017). Demographic degradation of cities in the old industrial areas of the Urals (1959–2010), *Quaestio Rossica*, № 5 (1), pp. 74–85.
- Bakanov, S. A. (2005). Depressive cities of the Urals in 1960–1980s: Analysis of socio-economic and demographic factors, ChelSU, Chelyabinsk, Russia, 191 p.

- Bakanov, S. A. (2002). Experience in creating an electronic database “Depressive cities of the Urals in 1970–80-ies”, *Newsletter of the Association “History and Computer”*, № 30, pp. 179–181.
- Blum, A., Mespoulet, M. (2006). Bureaucratic anarchy: statistics and power under Stalin, ROSSPEN, Moscow, Russia, 328 p.
- Borodkin, L. I. (2015). Historian in the world of computer technologies: spiral development?, *Electronic scientific and educational journal “History”*, vol. 6, № 8 (41), <http://history.jes.su/s207987840001263-8-1> (date of address 18.03.2024).
- Garskova, I. M. (2019). “Digital turn” in historical research: long-term trends, *Historical Informatics*, № 3, pp. 57–75. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=312511 (date of address 13.03.2024).
- Dumchikov, A. A. (2023). Development of the general plan of Sverdlovsk in the 1930s: problems and peculiarities, *Ural Historical Bulletin*, № 3 (80), pp. 37–44.
- Eliseeva, I. I., Dmitriev, A. L. (2016). Essays on the history of state statistics in Russia, Rostock, St. Petersburg, Russia, 288 p.
- Pentsev, E. A. (2016). General plan of the city: textbook, Bulavina, L. V. (ed.), Ural. un-t, Yekaterinburg, Russia, 62 p.
- Alkhoven, P., Doorn, P. (2007). New Research Perspectives for the Humanities, *International Journal of Humanities and Arts Computing*, vol. 1, № 1, pp. 35–47.
- Thaller, M. (2012). Controversies around the Digital Humanities: An Agenda, *Historical Social Research. Special Issue: Digital Humanities*, vol. 37, № 3, pp. 7–22.

About the authors

Mazur, Lyudmila N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Ural Federal University, Ural Institute for the Humanities, Department of Document, Archival and Public Administration History, Head of Department, Ekaterinburg, Russian Federation, Lmaz@mail.ru

Khor'kova, Vera M., Ural Federal University, Ural Institute for the Humanities, Department of History, student, Ekaterinburg, Russian Federation, vera.rusha@gmail.com

Grant information

The research was financially supported by the Russian Science Foundation, project № 24-28-00629 “Trajectories of development of the Middle Urals cities in the middle of the XX century: methodological and source research aspects”, <https://rscf.ru/project/24-28-00629/>

The article was received in the editorial office on 13.04.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94+339.194+930.85+338.246.025.87+930.253+002.6+651.9+308+304.2+304.9+338.246.8+930.23+336.055+336.055.4+338.246.025.04+338.246.028+338.245+338.246.86+338.245.4+339.726.2+339.19
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-766-778

Для цитирования

Ходяков, М. В. Введение карточной системы в осажденном Ленинграде летом 1941 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 766–778, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-766-778

Ходяков, М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение карточной системы в осажденном Ленинграде летом 1941 г.

Актуальность. Несмотря на то, что о нормированном снабжении населения Ленинграда и существовании многочисленных карточек на продукты питания говорится практически во всех исследованиях, посвященных блокаде города, тема до сих пор не получила всестороннего освещения в историографии.

Историографический обзор. Конечно, историки не прошли мимо вопросов, связанных с продовольственными трудностями населения, распределением продуктов на начальном этапе блокады¹, преступлениями, сопровождавшими изготовление и распространение фальшивых продовольственных карточек². Затрагивалась и система продовольственных привилегий, существовавших в осажденном, а затем в блокированном городе³. В последние годы появились исследовательские работы, в которых намечены новые направления для изучения этой перспективной проблематики⁴. Ведь в стране выпускались десятки видов карточек. Если в 1941 г. их было 12, то к 1944 г. – свыше 130. В 1944 г. в Москве существовало 149 видов карточек и талонов, а в Ленинграде – 171⁵. Их выдачу на территории страны в тот момент обеспечивали 1779 карточных бюро и 8749 сотрудников⁶.

Постановка проблемы. Вопрос о возврате к карточной системе, существовавшей в России с перерывами с 1916 г., был

поставлен осенью 1939 г. наркомом торговли А. В. Любимовым. В следующем году он еще раз повторил свое предложение⁷. Начавшаяся война ускорила переход к нормированному распределению продуктов, к чему существовавшая система торговли не была готова.

В Наркомате торговли СССР (НКТ) разработали проект постановления правительства под грифом «совершенно секретно», который рано утром 23 июня 1941 г. был направлен заместителю председателя Совнаркома. Машинописный текст с пометкой красным карандашом «К делу» датирован 1 июля⁸. Проект предполагал введение карточной системы сначала в Москве и Ленинграде, а затем в «остальных городах и населенных пунктах» в июле 1941 г. Сохранившиеся образцы продовольственных талонов свидетельствуют о том, что нормированную выдачу продуктов питания Управление заборных книжек Мосгорисполкома планировало начать уже 1 июля⁹.

Не получая конкретных указаний и инструкций от вышестоящих органов, нарком торговли инициировал ряд действий по подготовке к введению карточек на товары первой необходимости. В записке от 27 июня 1941 г. он сообщил заместителю председателя СНК СССР Н. А. Булганину: «нормированная торговля хлебопродуктами до 1 июля введена не будет...»¹⁰. Вслед за этим, 4 июля, он проинформировал Л. П. Берию о том, что СНК СССР пока только рассматривает проект постановления о введении карточной системы, предусматривающий снабжение рабочих и служащих предприятий нефтяной промышленности по специальному списку «вне зависимости от места нахождения предприятий». В связи с этим А. В. Любимов отметил «нецелесообразность организации специального торгового обслуживания предприятий Грозненского нефтекомбината»¹¹.

12 июля 1941 г. А. В. Любимов проинформировал руководителей наркоматов союзных и автономных республик, а также заведующих областными и краевыми торговыми отделами о подготовке секретного приказа наркомата¹². Отмечая, что проект приказа одобрен правительством, он предложил руководителям торговли на местах срочно начать разработку конкретных мер по подготовке к введению карточной системы:

составить списки снабжения, определить группы населения и нормы выдачи продовольствия на вторую половину 1941 г.¹³

16 июля 1941 г. бюро Ленинградского горкома ВКП(б) (ЛГК), ссылаясь на решение правительства, приняло постановление о введении с 18 июля карточек на «некоторые продовольственные и промышленные товары». Выдача карточек населению должна была быть осуществлена «не позднее 17 июля»¹⁴. Очевидно, что процесс, связанный с производством карточек, был запущен значительно раньше.

Начальником городского управления по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек был назначен начальник планово-финансового сектора отдела торговли Ленсовета И. Г. Стожилов¹⁵. 10 августа 1941 г. Ленгорисполком утвердил руководителей районных отделений по учету и выдаче карточек. Аппарат, призванный обеспечить функционирование карточной системы, к тому времени насчитывал 948 человек¹⁶.

В постановлении ЛГК от 16 июля 1941 г. отмечалось, что райкомы партии и исполкомы районных Советов должны были довести до сведения горожан порядок получения и пользования продовольственными и промтоварными карточками. Поскольку глубина грядущего продовольственного кризиса руководителям города в тот момент времени до конца не осознавалась, исполкому Ленгорсовета поручалось «установить количество магазинов для торговли продовольственными товарами без карточек по повышенным ценам»¹⁷. Постановление правительства «Об организации коммерческой торговли в Москве, Ленинграде, отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей», утвержденное Политбюро ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 г., а также приложение к нему предусматривали осуществление коммерческой торговли в 50–70 магазинах Ленинграда, в 7–14 магазинах городов Ленинградской области и в 6–12 магазинах пригородных районов Ленинградской области¹⁸. Правда, учитывая продовольственную ситуацию в Ленинграде, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, А. Н. Косыгин и А. А. Жданов уже 29 августа направили в адрес И. В. Сталина, А. И. Микояна и Л. М. Кагановича докладную записку, в которой предлагали «в целях экономии продуктов» прекратить коммерческую торговлю продуктами питания в Ленинграде

и установить с 1 сентября месячные нормы на выдачу некоторых продуктов для рабочих, служащих, иждивенцев и детей¹⁹. Началось свертывание коммерческой торговли, включая предприятия общественного питания, торговавшие по повышенным ценам.

5 августа 1941 г. председатель Ленгорисполкома П. С. Попков телеграммой информировал А. И. Микояна, что Ленинграду выделено на август 35 300 т муки, что не покрывало потребление по карточкам, общественному питанию, а также «закрытым учреждениям» и просил установить норму Ленинграду на август, составлявшую 40 000 т муки²⁰.

Руководители центральных органов власти предпринимали определенные усилия для обеспечения Ленинграда продовольствием. Так, А. В. Любимов направил в СНК СССР Н. А. Вознесенскому заключение по проекту постановления правительства, предусматривавшему создание переходящих запасов продовольственных товаров в Ленинграде. Постановлением, датированным 20 августа 1941 г., в целях бесперебойного снабжения населения города предписывалось к 1 октября создать полуторамесячные запасы продовольствия²¹.

Новый порядок обеспечения населения продовольствием регулировали правила выдачи карточек. Их, как и инструкции по разбивке населения на группы в зависимости от устанавливаемых норм снабжения, утверждал Ленгорисполком. За годы войны были выпущены четыре редакции правил выдачи карточек (две из них в 1941 г. – 26 июля и 22 августа) и пять инструкций о разбивке населения на группы (четыре из них в 1941 г. – 26 июля, 22 августа, 27 октября, 26 ноября)²². В соответствии с правилами выдачи карточек, утвержденными 26 июля 1941 г., их выдачу осуществляли предприятия, учреждения, учебные заведения, воинские части и учреждения, а также домохозяйства²³. Правила выдачи карточек и инструкции к ним на протяжении блокады неоднократно претерпевали изменения.

Карточки за июль 1941 г. не имели указания ни на одну из четырех установленных групп населения (рабочие, служащие, иждивенцы и дети). В августе на хлебных карточках иждивенцев и детей появилось указание соответствующих категорий (И, Д.). С сентября 1941 г. обозначение категорий литерами присутствовало на всех карточках (Р – рабочая,

С – служащая, И – иждивенческая, Д – детская)²⁴. С февраля 1942 г. обозначения стали печатать и на отрезных талонах. Внешний вид продовольственных карточек часто менялся. Это обстоятельство было обусловлено желанием властей уменьшить количество фальшивых карточек, которые «всплывали» в магазинах и столовых на протяжении всей блокады.

Нормы выдачи продуктов в Ленинграде печатались на карточках с июля по октябрь 1941 г. Позже, в связи с катастрофическим снижением запасов продовольствия, эта мера не практиковалась. Летом 1941 г. нередкими были случаи, когда ленинградцы, поддаваясь призывам официальной пропаганды сохранять спокойствие и не создавать запасов, далеко не всегда выкупали продукты по карточкам²⁵.

Согласно решению Ленгорисполкома от 26 июля 1941 г., на котловое довольствие (без выдачи карточек) переводились воспитанники детских домов, учащиеся школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ Главного управления трудовых резервов. Правила выдачи продовольственных и промтоварных карточек сопровождала специальная инструкция, из которой следовало, что выдача рабочим, служащим, военнослужащим и их иждивенцам, выбывающим из Ленинграда, разовых талонов на хлеб полагалась по месту работы через предприятия и учреждения. Разовые талоны выдавались на пять дней по норме хлебной карточки (рабочие и ИТР – 800 г, служащие – 600 г, иждивенцы и дети – по 400 г). Предприятия и учреждения, а также участковые бюро при выдаче разовых талонов должны были ставить на них свою печать²⁶.

Продажа ленинградцам продовольствия по карточкам с июля по декабрь 1941 г. осуществлялась с подекадной разбивкой месячных норм. С июля по октябрь объявление норм продажи производилось один раз в месяц с разбивкой месячной нормы по декадам. Продажа продуктов населению в этот период осуществлялась по карточкам в любой торговой точке²⁷. Однако с 1 декабря вводилось обязательное прикрепление ленинградцев к конкретным магазинам, что не избавляло их от необходимости выстаивать в длинных очередях за продовольствием.

За получение продовольственной карточки нужно было внести определенную сумму. Приказ НКТ от 16 июля 1941 г.

и инструкция, регламентировавшая порядок хранения, ведения учета и отчетности по карточкам, утвержденная постановлением Ленгорисполкома 26 июля 1941 г., определяли стоимость каждой карточки в 10 коп.²⁸ С 1 ноября 1942 г. плата за выдаваемую карточку в соответствии с решением Ленгорисполкома от 22 октября возросла до 25 коп.²⁹ Стоимость продуктов, выкупавшихся населением по карточкам, определялась постановлениями отдела торговли исполкома Ленгорсовета.

Высокие доходы некоторых категорий населения первоначально давали им возможность ощущать голод в меньшей степени. 26 августа 1941 г. «блокадная муза» О. Ф. Берггольц записала в своем дневнике: «В кипении общего бедствия я живу архиблагодарно... у меня много денег...»³⁰. Осенью ситуация кардинально изменилась. 27 ноября она отмечает: «А тут еще деньги стали задерживать, гады...»³¹. 7 декабря 1941 г., размышляя об эвакуации, поэтесса сетует: «Завтра целый день беготня за деньгами»³².

В осажденном Ленинграде изготовление продовольственных карточек было возложено на управление издательств и полиграфии исполкома Ленгорсовета³³. Наиболее мощной из всех оказалась типография имени Володарского, где и осуществлялось их печатание. Первоначально для этого использовалась бумага с водяными знакам, произведенная на фабрике Гознака³⁴. В конце 1941 г. от нее пришлось отказаться и организовывать печатание карточек «на безузорной писчей бумаге»³⁵.

Результаты исследования. Спустя 10 лет после окончания войны, в декабре 1955 г., в связи с обсуждением планов возможного введения в стране нормированного распределения продуктов министру торговли СССР Д. В. Павлову, который на начальном этапе блокады являлся уполномоченным Государственного комитета обороны по снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда, был представлен секретный доклад. В нем анализировалась деятельность НКТ за военные годы и звучало предложение «...более подробно изучить опыт нормированного снабжения в СССР (в 1918–1921 гг., 1929–1935 гг. и в 1941–1947 гг.)»³⁶. По оценке специалистов, НКТ в начале войны оказался не готов к введению карточной системы. Действие карточек в Москве и Ленинграде, Московской и Ленинградской областях началось только 17–20 июля 1941 г. Карточки на хлеб

во многих городах страны вводились в августе – октябре 1941 г., а карточки на промышленные товары – в январе – апреле 1942 г.³⁷

Введение и функционирование карточной системы в годы Великой Отечественной войны регламентировалось многочисленными приказами и инструкциями. Но это не был «карточный хаос». Система эволюционировала, она отражала те изменения, которые происходили в вопросах обеспечения населения продовольствием, а власть на всех этапах существования принципов нормированного снабжения контролировала этот процесс.

Примечания

¹ Орлов, И. Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 36–42; Пянкевич, В. Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014. С. 282–300; Гаврилова, О. А., Ходяков, М. В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 44–67; Hass, J. K., Lomagin, N. A. (2021). 'Seeing like a Starving State: The Soviet Political Economy of Death in the Blockade of Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 11, №. 2, pp. 324–338; Hass, Jeffrey K. (2021). *Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*, Oxford University Press, 440 p.

² Ломагин, Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и в письмах ленинградцев. Санкт-Петербург: Аврора-Дизайн, 2014. С. 259–261, 267, 269, 289; Bidlack, R., Lomagin, N., Schwartz, M. (2012). *The Leningrad blockade, 1941–1944: A new documentary history from the Soviet archives*, Yale University Press, 487 p.

³ Ломагин, Н. А. Неизвестная блокада. В 2 кн. Кн. 1. 2-е изд. Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева», 2004; Яров, С. В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. Москва: Центрполиграф, 2012; Соболев, Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013.

⁴ Твердокова, Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения СССР. 1941–1947 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2010. № 2. С. 32–40; Повседневные документы ленинградцев в годы войны и блокады 1941–1945 гг. Альбом / Отв. ред. А. Н. Чистиков. Санкт-Петербург: Арт-Эспресс, 2020. С. 108–163.

- ⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7971. Оп. 5. Д. 226. Л. 3.
- ⁶ Там же. Л. 7.
- ⁷ Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. Москва: РОССПЭН, 1999. С. 212.
- ⁸ РГАЭ. Ф. 7179. Оп. 16. Д. 123. Л. 209.
- ⁹ Там же. Л. 211–214.
- ¹⁰ Там же. Л. 209–217.
- ¹¹ Там же. Л. 201.
- ¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 32–33.
- ¹³ Там же. Л. 32.
- ¹⁴ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / Отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. 1. Июнь 1941 – март 1942 г. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. С. 148–149.
- ¹⁵ Блокада в решениях... Ч. 1. С. 149.
- ¹⁶ Повседневные документы ленинградцев в годы блокады. С. 108.
- ¹⁷ Блокада в решениях... Ч. 1. С. 149.
- ¹⁸ Оборона Ленинграда. 1941–1945: документы и материалы / Отв. ред. А. К. Сорокин. Москва: РОССПЭН. С. 352.
- ¹⁹ Там же. С. 356.
- ²⁰ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 123. Л. 46.
- ²¹ Там же. Л. 14–16.
- ²² Повседневные документы ленинградцев в годы блокады. С. 108.
- ²³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1422. Л. 95.
- ²⁴ Социальная стратификация населения и снабжение продовольствием в зависимости от принадлежности к той или иной категории активно практиковались уже в первые годы советской власти. См.: Ходяков, М. В. «Классовый паек» и бронированное снабжение продовольствием в годы Гражданской войны // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 169–187.
- ²⁵ Пянкевич, В. Л. «Люди жили слухами». С. 291–295.
- ²⁶ ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 1. Д. 38. Л. 112–118.
- ²⁷ Там же. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 94. Л. 116.
- ²⁸ Там же. Оп. 18. Д. 1422. Л. 109.
- ²⁹ Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Москва: Госторгиздат, 1943. С. 7.

³⁰ Бергольц, О. Ф. Блокадный дневник (1941–1945). Санкт-Петербург: Вита Нова, 2015. С. 22.

³¹ Там же. С. 61–62.

³² Там же. С. 94.

³³ ЦГА СПб. Ф. Р-9602. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.

³⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 1. Л. 18–19 об.

³⁵ Блокада в решениях... Ч. 1. С. 584.

³⁶ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 1055. Л. 276.

³⁷ Там же. Л. 277–278.

Аннотация

В ходе начавшейся Великой Отечественной войны введение карточной системы в Советском Союзе было осуществлено с большой задержкой. Это произошло спустя почти месяц после начала войны. Выявленные в РГАЭ и ЦГА СПб материалы позволяют проследить за ходом важного процесса, связанного с принятием решения о введении карточной системы и деления населения на группы. Проект, а затем постановление правительства возлагало все работы по изготовлению и выдаче карточек на СНК союзных и автономных республик. Содержание городских и районных карточных бюро осуществлялось за счет средств населения, которое должно было оплачивать их деятельность, внося деньги за получаемые на руки продовольственные карточки. Не осознавая всей глубины грядущего продовольственного кризиса, руководители Ленинграда одновременно с введением карточной системы разрешили функционирование торговли по повышенным ценам. Некоторые категории населения, имевшие высокий доход, использовали эту возможность и в начале войны активно пользовались коммерческими магазинами. Однако уже в сентябре 1941 г. пришлось отказаться от продажи населению товаров и продуктов по повышенным ценам. Проблемы, связанные с нормированным распределением продуктов, сопровождались изготовлением и распространением фальшивых продовольственных карточек, выдачей льготных талонов и карточек различным категориям трудящихся Ленинграда – первоначально рабочим «горячих» цехов, а затем также донорам крови и беременным женщинам. Система продовольственных привилегий, существовавших в осажденном городе, имела свои законы. Появившиеся в июле 1941 г. карточки не имели указания ни на одну из четырех установленных инструкцией групп населения (рабочие, служащие, иждивенцы и дети). В августе на хлебных карточках иждивенцев и детей появилось указание соответствующих категорий (И, Д), а с сентября карточки имели все обозначения категорий

населения (Р – рабочая, С – служащая, И – иждивенческая, Д – детская). Постановление Ленгорисполкома, принятое 26 июля 1941 г., предусматривало выдачу продовольственных карточек на август. Одновременно в нем говорилось о переводе на котловое довольствие (без выдачи карточек) целой группы ленинградцев. К этой категории были отнесены воспитанники детских домов, учащиеся школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ Главного управления трудовых резервов. Система нормированного распределения продуктов, существовавшая в ряде городов страны с июля 1941 г., в том числе в Ленинграде, развивалась и усложнялась. Она сыграла свою роль в условиях острого дефицита продовольствия в годы войны и была отменена в декабре 1947 г.

Ключевые слова: карточная система, распределение продовольствия, Ленинград, 1941 год, Великая Отечественная война, исторические источники.

Список литературы

- Берггольц, О. Ф. Блокадный дневник (1941–1945). Санкт-Петербург: Вита Нова, 2015. 556 с.
- Ломагин, Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и в письмах ленинградцев. 2-е изд. Санкт-Петербург: Аврора-Дизайн, 2014. 360 с.
- Ломагин, Н. А. Неизвестная блокада. В 2 кн. Кн. 1. 2-е изд. Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева», 2004. 576 с.
- Орлов, И. Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 36–42.
- Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. Москва: РОССПЭН, 1999. 271 с.
- Повседневные документы ленинградцев в годы войны и блокады 1941–1945 гг. Альбом / Отв. ред. А. Н. Чистиков. Санкт-Петербург: Арт-Экспресс, 2020. 236 с.
- Пянкевич, В. Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014. 479 с.
- Соболев, Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 696 с.
- Твердокова, Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения СССР. 1941–1947 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2010. № 2. С. 32–40.
- Яров, С. В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. Москва: Центрполиграф, 2012. 603 с.

Bidlack, R., Lomagin, N., Schwartz, M. (2012). *The Leningrad blockade, 1941–1944: A new documentary history from the Soviet archives*, Yale University Press, 487 p.

Hass, Jeffrey K. (2021). *Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*, Oxford University Press, 440 p.

Hass, J. K., Lomagin, N. A. (2021). 'Seeing like a Starving State: The Soviet Political Economy of Death in the Blockade of Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 11, №. 2, pp. 324–338.

Сведения об авторах

Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, кафедра новейшей истории России, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-921-563-44-07; m.khodyakov@spbu.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-00305 «Продовольственное обеспечение блокадного Ленинграда: организация производства, практики распределения, память», <https://rscf.ru/project/24-18-00305/>

В редакцию статья поступила 27.05.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-766-778

For citation

Khodjakov, Mikhail V. (2024). Introduction of the card system in besieged Leningrad in the summer of 1941, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 766–778, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-766-778

Khodjakov, Mikhail V., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Introduction of the card system in besieged Leningrad in the summer of 1941

Abstract

During the outbreak of the Great Patriotic War, the introduction of the card system in the Soviet Union was carried out with a great delay. This happened almost a month after the start of the war. The materials identified in the Russian State Archive of Economics and the Central State Archives of St. Petersburg allow us to follow the progress of an important process associated with the decision to introduce a card system and divide the population into groups. The

project, and then a government decree, entrusted all work on the production and issuance of cards to the Council of People's Commissars of the union and autonomous republics. The maintenance of city and district card bureaus was carried out at the expense of the population, who had to pay for their activities by depositing money for food cards received in hand. Not realizing the full depth of the coming food crisis, the leaders of Leningrad, simultaneously with the introduction of the card system, allowed the functioning of trade at increased prices. Some categories of the population with high incomes took advantage of this opportunity and actively used commercial stores at the beginning of the war. However, already in September 1941 it was necessary to abandon the sale of goods and products to the population at increased prices. Problems associated with the rationed distribution of products were accompanied by the production and distribution of counterfeit food cards, the issuance of preferential coupons and cards to various categories of workers in Leningrad – initially to workers in “hot” production, and then also to blood donors and pregnant women. The system of food privileges that existed in the besieged city had its own laws. The cards that appeared in July 1941 did not indicate any of the four population groups established by the instructions (workers, employees, dependents and children). In August, bread cards for dependents and children appeared with indications of the corresponding categories (I, D.), and since September the cards had all the designations of categories of the population (P – worker, S – employee, I – dependent, D – children). The resolution of the Leningrad City Executive Committee, adopted on July 26, 1941, provided for the issuance of food cards for the month of August. At the same time, it spoke of transferring an entire group of Leningraders to a boiler allowance (without issuing cards). This category included pupils of orphanages, students of factory training schools, vocational and railway schools of the Main Directorate of Labor Reserves. The system of rationed distribution of products, which existed in a number of cities in the country since July 1941, including Leningrad, developed and became more complex. It played a role in conditions of acute food shortages during the war and was canceled in December 1947.

Keywords

Card system, food distribution, Leningrad, 1941, Great Patriotic War, historical sources.

References

- Berggolts, O. F. (2015). *Blockade Diary (1941–1945)*, Vita Nova, St. Petersburg, Russia, 556 p.
- Lomagin, N. A. (2014). In the grip of hunger. Blockade of Leningrad in the documents of the German special services, the NKVD and in the letters of Leningraders, Aurora-Design, St. Petersburg, Russia, 360 p.

- Lomagin, N. A. (2004). Unknown blockade, In 2 books. Book 1, Publishing House “Neva”, St. Petersburg, Russia, 576 p.
- Orlov, I. B. (2010). Card supply in 1941–1943: calculations and miscalculations, *Modern problems of service and tourism*, № 3, pp. 36–42.
- Osokina, E. A. (1999). Behind the facade of “Stalin’s abundance”: Distribution and the market in the supply of the population in the years of industrialization, 1927–1941, ROSSPEN, Moscow, Russia, 271 p.
- Chistikov, A. N. (ed.) (2020). Everyday Documents of Leningraders during the War and Blockade 1941–1945 Album, Art-Espress, St. Petersburg, Russia, 236 p.
- Piankevich, V. L. (2014). “People lived by rumors”: Informal communicative space of besieged Leningrad, Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia, 479 p.
- Sobolev, G. L. (2013). Leningrad in the struggle for survival in the blockade, Book one: June 1941 – May 1942, S.-Peterb. un-ta pub., St. Petersburg, Russia, 696 p.
- Tverdyukova, E. D. (2010). The struggle against abuses in the sphere of card supply of the USSR population. 1941–1947, *Bulletin of St. Petersburg University, Series History*, № 2, pp. 32–40.
- Yarov, S. V. (2012). Blockade ethics. Representations of morality in Leningrad in 1941–1942, Centerpoligraf pub., Moscow, Russia, 603 p.
- Bidlack, R., Lomagin, N., Schwartz, M. (2012). The Leningrad blockade, 1941–1944: A new documentary history from the Soviet archives, Yale University Press, 487 p.
- Hass, Jeffrey K. (2021). Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944, Oxford University Press, 440 p.
- Hass, J. K., Lomagin, N. A. (2021). ‘Seeing like a Starving State: The Soviet Political Economy of Death in the Blockade of Leningrad’, *Modern History of Russia*, vol. 11, № 2, pp. 324–338.

About the authors

Khodjakov, Mikhail V., Doctor of Historical Sciences, professor, St. Petersburg State University, Institute of History, department of modern history of Russia, professor, St. Petersburg, Russia, +7-921-563-44-07; m.khodyakov@spbu.ru

Grant information

The study has been supported by the research grant № 24-18-00305 “*Food supply in besieged Leningrad: organization of production, distribution practices, memory*” of the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-18-00305/>

The article was received in the editorial office on 27.05.2024, recommended for publication on 20.06.2024

Научная статья

УДК 930.25+311.219+331.5+311.312+93/94+008.2+303.714+311.214+311.33+311.219.2+651.928+303.214+303.833.3+303.833.6+659.4+323.1+323.3+323.383+334.02+334.021+334.027+342.1+342.4+342.61+351/354+35.977.535.3+35.074+35.078.3+35.078.7+369.04+914/919+912.43:338.45+17.023.36+651.5

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-779-793

Для цитирования

Авдашкин, А. А. Новейшая история миграций в Россию: основные источники и сюжеты. На материалах заседаний коллегии Федеральной миграционной службы 2004–2016 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 779–793, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-779-793

Авдашкин, А. А.

Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация

Новейшая история миграций в Россию: основные источники и сюжеты. На материалах заседаний коллегии Федеральной миграционной службы 2004–2016 гг.

Актуальность темы. В исторических исследованиях все более пристальное внимание уделяется мобильности и этнодемографическим процессам в России, в том числе на современном этапе. Однако возможность работы в рамках данной тематики для историков часто ограничивается из-за недоступности источников. На сегодняшний день остро стоит вопрос о расширении источниковой базы миграционных исследований и вводе в научный оборот новых коллекций архивных документов. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) доступен для работы фонд Федеральной миграционной службы (ФМС). Фонд включает массив материалов, отложившихся за время функционирования Федеральной миграционной службы в составе МВД до момента реорганизации в Управление по вопросам миграции (2004–2016 гг.). В статье показан потенциал данных документов для реконструкции основных вопросов новейшей истории миграций в Россию.

Историография миграций является динамично развивающимся направлением научных изысканий, но большинство историков работает в рамках позднеимперского¹ и советского периодов². Хотя существенно меньше трудов посвящено новейшей истории миграций, за последние два десятилетия из-под пера представителей смежных гуманитарных дисциплин вышли фундаментальные работы по этой тематике³. В. И. Мукомель детально изучил деятельность ФМС с момента создания до упразднения и передачи в состав МВД (1992–2002 гг.), а также вынужденные миграции с территории бывшего СССР⁴. Демографы Л. Л. Рыбаковский, О. Д. Воробьева и др. подготовили комплексную реконструкцию постсоветских миграций, хронологически завершив свои труды на преобразовании ФМС в Управление по вопросам миграции в составе МВД⁵. Детально показаны миграционные связи Российской Федерации с отдельными регионами, в частности Центральной Азией⁶, на широком материале изучены меры органов власти по интеграции иноэтничных мигрантов⁷. Обзор основных трудов по теме рукописи показал, что внимание историков не фокусируется на новейшей истории миграций. Представленная статья призвана частично восполнить данную лакуну в историографии.

Источниковую базу составили материалы ежегодных расширенных заседаний коллегии ФМС за 2008–2015 гг., где ежегодно подводились итоги работы. Формат рукописи ограничен, поэтому внимание фокусируется на следующих сюжетах: роль миграции в восполнении естественной убыли населения страны, показатели по лицам, принятым в гражданство России, и динамике трудовой миграции.

Документы позволяют проследить динамику миграционного притока по годам с распада СССР и до момента упразднения ФМС. За некоторые годы миграция не только восполняла убыль населения, но и способствовала приросту численности жителей страны. В 1990-е гг. переезд русских и русскоязычных, в основном из Казахстана, компенсировал демографические потери российского общества на 60% и более (таблица 1).

Таблица 1

Доля миграции в возмещении убыли населения
Российской Федерации в 1992–2015 гг.

Годы	Доля возмещения, в %
1	2
1992	121
1993	71,9
1994	111,9
1995	79,5
1996	66,1
1997	69,4
1998	62
1999	29,3
2000	38,2
2001	21,9
2002	0,7
2003	10,5
2004	12,5
2005	14,9
2006	22,5
2007	54,9
2008	71
2009	104,2
2010	79,8

Окончание таблицы 1

1	2
2011	144
2012	98,3
2013	92,3
2014	Данные не обнаружены
2015	89,9

В комплексе документов ФМС подчеркивается, что демографические проблемы – отток населения из регионов Дальнего Востока и Сибири, высокая смертность граждан трудоспособного возраста (до 80% мужчины) – создают угрозы национальной безопасности. По данным за 2006 г. коэффициент фертильности в России составлял порядка 1,296⁸. Ощущалась нарастающая нехватка рабочей силы, что грозило экономическими проблемами. Так, в 2008 г. 50% директоров текстильных и швейных фабрик и 29% руководителей металлургических предприятий заявили об остром дефиците кадров⁹.

Важным параметром развития миграционной ситуации, который позволяет проследить документы фонда ФМС, является численность лиц, принятых в российское гражданство в 2007–2015 гг. (свыше 1 млн 900 тыс.)¹⁰, в том числе в измерении по прошлому гражданству. Последний параметр не всегда входил в годовые отчеты, поэтому полную картину проследить пока возможности нет. Так, в 2010 г. из 111,3 тыс. лиц, принятых в гражданство России, 34,8 тыс. ранее являлись кыргызстанцами, 20,4 тыс. – казахстанцами¹¹. Это две наиболее многочисленные группы в измерении по прежнему гражданству. Более детально представлена статистика за 2011 г. Столь заметное число граждан Кыргызстана (таблица 2), принявших гражданство России в эти годы, может объясняться нестабильной социально-политической ситуацией после «апрельской» революции (2010 г.).

Таблица 2

Численность лиц, принятых в гражданство
Российской Федерации в 2011 г.,
в измерении по прежнему гражданству¹²

Прежнее гражданство	Человек
Кыргызстан	41 276
Казахстан	21 779
Узбекистан	5 757
Украина	5 540
Армения	5 401
Таджикистан	5 068
Азербайджан	3 856
Молдова	2 101
Беларусь	1 485
Грузия	837
Другие страны	35 872
Итого	134 983

В конце 2010 г. миграция – трудовая, образовательная, с частными целями – служила инструментом укрепления международных связей на постсоветском пространстве. Значительная часть населения таких стран, как Таджикистан или Молдова, постоянно принимала участие в этих перемещениях. Многие, официально не обозначая целью своего прибытия трудоустройство, фактически приезжали на заработки. Примечательно, что в 2010 г. численность граждан Молдовы, прибывших на территорию России, оценивалась ФМС в 19% от общей численности населения Республики Молдова, а Таджикистана – в 14,4%¹³. Эти данные показывают, насколько прочно трудовая миграция на просторах бывшего СССР интегрировалась в структуру рынков труда национальных экономик.

По документам ФМС можно проследить, как со второй половины 2000-х гг. начали расти масштабы трудовой миграции. Если в 2006 г. количество выданных разрешений на работу составило 583 тыс., то уже в 2007 г. этот показатель вырос в 4 раза, достигнув 2,1 млн. В 2008 г. двукратно возросла численность трудовых мигрантов из Узбекистана (624 тыс.), Таджикистана (391 тыс.) и Украины (245 тыс.)¹⁴. Наряду с увеличением общей численности рабочей силы, произошла и существенная коррекция облика трудовой миграции. Рабочих из Украины и Молдовы, которые преобладали на российском рынке труда в 1990-е и начале 2000-х гг., становилось с каждым годом все меньше за счет увеличения показателей трудовой миграции с других направлений. По данным ФМС к 2013 г. граждане Узбекистана составляли порядка 44% от общего числа трудовых мигрантов (около 1,4 млн)¹⁵. До настоящего времени эта пропорция практически не подвергалась значимой коррекции.

Во время экономического кризиса в 2014 г. численность трудовых мигрантов сократилась, поскольку резко возросли издержки для официального оформления на рынке труда, упали доходы. Появились и законодательные барьеры. Ранее многие трудовые мигранты периодически покидали территорию России, чтобы через короткий период вновь вернуться для продолжения трудовой деятельности, но без разрешительных документов сроком на следующие 90 дней¹⁶. С 1 января 2014 г. для граждан стран безвизового режима, откуда и направлялись основные потоки трудовой миграции, устанавливалось максимальное время пребывания в России сроком в 90 дней за каждые 180 дней с момента первого въезда¹⁷.

В итоге в 2015 г. количество узбекских и таджикских рабочих сократилось на 22,2% и 15,6% соответственно. В то же время число кыргызских трудовых мигрантов увеличилось на 5,4% за тот же период, что, вероятно, произошло в результате смягчения ограничений на трудоустройство после вступления Кыргызстана в ЕАЭС¹⁸. В 2013 г. денежные переводы из России, отправленные мигрантами в Узбекистан, составили 7,8 млрд долл., 3,9 млрд – в Таджикистан, 2,1 млрд –

в Кыргызстан. К 2015 г. эти показатели уменьшились почти в два раза для Узбекистана и Таджикистана, на одну треть для Кыргызстана¹⁹. К этому моменту сложилась и примерная «география» распределения трудовых мигрантов по территории России (таблица 3).

Таблица 3

Субъекты Российской Федерации
с наибольшим количеством выданных патентов
на право трудовой деятельности в 2015 г.²⁰

Субъект Российской Федерации	Количество выданных патентов
Москва	456 303
Санкт-Петербург и Ленинградская область	256 225
Московская область	195 290
Свердловская область	47 710
Краснодарский край	47 682
Самарская область	46 010
Новосибирская область	40 728
ХМАО	36 610
Иркутская область	31 292
Республика Башкортостан	27 994

Результаты историко-демографического исследования. В крупных российских городах сложилась разветвленная инфраструктура для удовлетворения основных потребностей иноэтничных мигрантов (трудовых, образовательных и т. д.), испытывавших трудности в адаптации к новым климатическим условиям, языковой и социальной среде. Поэтому приоритетом в деятельности ФМС становилась интеграция, в частности, взаимодействие с национально-культурными общественными организациями.

Если в 2010 г. территориальные отделения ФМС сотрудничали с 800 организациями, то к 2013 г. их количество возросло до 1 600. Важным результатом взаимодействия стала возможность оперативного реагирования на возникающие конфликтные ситуации с привлечением лиц, имеющих вес в среде мигрантов – общественные деятели, бизнесмены, главы и активисты общественных объединений. С их помощью в 2013 г. получилось предотвратить порядка 20 конфликтных ситуаций в различных городах и регионах²¹.

Кроме того, начал действовать пилотный проект «Центр социальной адаптации трудовых мигрантов». Один из первых таких центров открылся в сентябре 2013 г. в Оренбурге. В его задачи входило оказание помощи мигрантам в изучении русского языка, истории России и основ российского законодательства. В общей сложности к концу 2013 г. в стране действовало 298 курсов по изучению русского языка для иностранных граждан, из них 99 работали на бесплатной основе (открыты при содействии территориальных органов ФМС)²². При участии последних в 2013 г. издана 31 памятка для мигрантов, толковый словарь и учебное пособие для изучения русского языка. Религиозными организациями при активном содействии ФМС также открывались курсы русского языка (совместно с РПЦ – 31 курс, ДУМ – 6 курсов)²³.

Документы фонда ФМС, в частности материалы расширенных коллегий миграционной службы, содержат сюжеты, перспективные для дальнейших исследований новейшей истории миграций в Россию. Необходимо расширение источниковой базы за счет привлечения документов региональных архивов и вдумчивой работы с социально-демографической статистикой. При работе с таким широким комплексом источников историки получают возможность включить сюжеты постсоветского периода в более широкие контексты и подготовить комплексные работы в жанре миграционных исследований.

Примечания

¹ Иванов, А. А. Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской

империи (конец XIX – начало XX века) // Новейшая история России. 2020. № 1. С. 70–88; Lohr, E. (2012). Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union. Harvard University Press, Harvard, 288 p.

² Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2016). Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union, *Slavic Review*. Vol. 75. Iss. 4, pp. 970–986; Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2016). Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union, *Slavic Review*, vol. 75, Iss. 4, pp. 970–986; Горбачев, О. Мигранты и Российское государство в XX в.: возможности и ограничения // *Quaestio Rossica*. 2018. № 1. С. 240–248.

³ Malakhov, V. S. (2014). Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate, *Europe-Asia Studies*, vol. 66. Iss. 7, pp. 1062–1079; Malakhov, V. S., Mark, E. (2018). Simon Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality, *International Migration*. Vol. 56. Iss. 3, pp. 61–72.

⁴ Мукомель, В. И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. Москва: Диполь-Т, 2005. 351 с.

⁵ Воробьева, О. Д., Рыбаковский, Л. Л., Рыбаковский, О. Л. Миграционная политика России: история и современность. Москва: Экон-Информ, 2016. 192 с.; Миграционные процессы в России / Под ред. В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского. Москва: Экон-Информ, 2014. 383 с.

⁶ Ситнянский, Г. Ю., Бушков, В. И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. Москва: ИЭА РАН, 2016. 340 с.; Пешкова, В. М. Международная миграция и гражданство в Российской Федерации (на примере миграции из Центральной Азии) // *Власть*. 2023. № 6. С. 162–171.

⁷ Леденева, В. Ю., Кононов, Л. А. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России. Москва: Изд-во РУДН, 2021. 296 с.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10349. Оп. 1. Д. 191. Л. 37.

⁹ Там же. Д. 191. Л. 6.

¹⁰ Рассчитано автором по: ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 191. Л. 47; Д. 261. Л. 17; Д. 345. Л. 65; Д. 420. Л. 63; Д. 650. Л. 64; Д. 845. Л. 42.

¹¹ Там же. Д. 345. Л. 65.

¹² Там же. Д. 420. Л. 63.

¹³ Там же. Д. 345. Л. 58.

¹⁴ Там же. Д. 191. Л. 42.

¹⁵ Там же. Д. 650. Л. 57.

¹⁶ По данным за 2013 г. из 12 млн граждан стран СНГ, прибывших в Россию, 1,3 млн покидали территорию России на один день, а затем возвращались на следующие 90 дней, чтобы работать без разрешительных документов. ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 650. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 50.

¹⁸ Gerber, T. P., Zavisca, J. (2020). Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: Ethnic Hierarchies, Geopolitical Remittances, and the Relevance of Migration Theory, IN: Post-Soviet Affairs, vol. 36. Iss. 1, pp. 61–82.

¹⁹ Eraliev, S., Urinboev, R. (2020). Precarious Times for Central Asian Migrants in Russia, *Current History*, vol. 119, pp. 258–263.

²⁰ ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 845. Л. 39.

²¹ Там же. Д. 536. Л. 7.

²² Там же. Д. 650. Л. 68.

²³ Там же. Л. 69.

Аннотация

Статья посвящена проблеме миграционных процессов в новейшей истории России. Историография по этой тематике находится пока только в состоянии формирования, опубликованные труды зачастую выполнены в междисциплинарной плоскости и практически лишены опоры на архивные документы. Одним из основных факторов, который ощутимо препятствует активизации исторических изысканий в этом вопросе, как раз является недостаток источниковой базы, прежде всего речь идет о специализированных архивных фондах и коллекциях. С целью дальнейшего приращения научного знания по поднятой проблеме историческому сообществу важно понимать, какие документы по данной теме можно найти в архивах, каков их потенциал, а также как выглядит перечень сюжетов, которые могут быть изучены с опорой на эти документы. Так, в хранилище Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) на сегодняшний день имеется в наличии фонд Федеральной миграционной службы (ФМС), где отложились документы за время ее функционирования в составе Министерства внутренних дел (2004–2016 гг.). Системное представление о миграции в этот период историку способны дать ценные материалы коллегий ФМС за 2008–2015 гг. В ходе этих заседаний подводились ежегодные результаты работы ФМС, обозначались основные тенденции государственной политики в сфере миграции и демографии, озвучивались итоги приема иностранцев в гражданство Российской Федерации, характеризовалась

мобильность иностранной рабочей силы и т. д. Ввод этих документов в научный оборот поможет лучше понять сложившуюся в последние два десятилетия миграционную ситуацию в стране, реконструировать динамику трудовой миграции из Центральной Азии и других регионов. Принимая во внимание ограниченный объем рукописи, основной акцент автор сделал на роли миграции в восполнении естественной убыли населения страны, численности лиц, принятых в гражданство Российской Федерации, основных направлениях иностранной трудовой миграции в период мирового финансового кризиса (2008–2009 гг.) вплоть до преобразования ФМС в Управление по вопросам миграции. В этот период окончательно оформился «центрально-азиатский» вектор трудовой миграции, что в значительной степени способствовало развитию дискуссий об интеграции иностранных граждан. Частично эта роль возлагалась на аппарат ФМС, для чего укреплялось взаимодействие с национально-культурными и общественными организациями, создавались интеграционные центры, где иностранные граждане могли изучать русский язык, получать консультации по юридическим вопросам.

Ключевые слова: миграция, миграционная служба, исторические источники, интеграция, трудовые мигранты.

Список литературы

Воробьева, О. Д., Рыбаковский, Л. Л., Рыбаковский, О. Л. Миграционная политика России: история и современность. Москва: Экон-Информ, 2016. 192 с.

Горбачев, О. Мигранты и Российское государство в XX в.: возможности и ограничения // *Quaestio Rossica*. 2018. № 1. С. 240–248.

Иванов, А. А. Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX – начало XX века) // *Новейшая история России*. 2020. № 1. С. 70–88.

Леденева, В. Ю., Кононов, Л. А. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России. Москва: Изд-во РУДН, 2021. 296 с.

Миграционные процессы в России / Под ред. В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского. Москва: Экон-Информ, 2014. 383 с.

Мукомель, В. И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. Москва: Диполь-Т, 2005. 351 с.

Пешкова, В. М. Международная миграция и гражданство в Российской Федерации (на примере миграции из Центральной Азии) // *Власть*. 2023. № 6. С. 162–171.

- Ситнянский, Г. Ю., Бушков, В. И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. Москва: ИЭА РАН, 2016. 340 с.
- Sitnyansky, G. Y., Bushkov, V. I. (2016). Population Migrations in Central Asia: Past, Present and Future. IEA RAS, Moscow, Russia, 340 p.
- Eraliev, S., Urinboyev, R. (2020). Precarious Times for Central Asian Migrants in Russia, *Current History*, vol. 119, pp. 258–263.
- Gerber, T. P., Zavisca, J. (2020). Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: Ethnic Hierarchies, Geopolitical Remittances, and the Relevance of Migration Theory, IN: *Post-Soviet Affairs*, vol. 36, Iss. 1, pp. 61–82.
- Lohr, E. (2012). *Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union*. Harvard University Press, Harvard, 288 p.
- Malakhov, V. S. (2014). Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate, *Europe-Asia Studies*, vol. 66. Iss. 7, pp. 1062–1079.
- Malakhov, V. S., Mark, E. (2018). Simon Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality, *International Migration*, vol. 56. Iss. 3, pp. 61–72.
- Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2016). Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union, *Slavic Review*, vol. 75. Iss. 4, pp. 970–986.
- Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2023). *Making national diasporas. Soviet-Era Migrations and Post-Soviet Consequences*. Cambridge University Press, Cambridge, 72 p.

Сведения об авторах

Авдашкин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, лаборатория миграционных исследований, г. Челябинск, Российская Федерация, 8-951-123-37-93, adrianmaricka@mail.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ и Правительства Челябинской области (проект № 23-28-10211) «Анализ механизмов формирования мигрантской инфраструктуры в российском городе (на примере Челябинской области)», <https://rscf.ru/project/23-28-10211/>

В редакцию статья поступила 28.02.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-779-793

For citation

Avdashkin, Andrey A. (2024). The recent history of migration to Russia: main sources and plots. On the materials of the board meetings of the Federal Migration Service 2004–2016, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 779–793, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-779-793

Avdashkin, Andrey A., South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
The recent history of migration to Russia: main sources and plots. On the materials of the board meetings of the Federal Migration Service 2004–2016.

Abstract

The article is devoted to the problem of migration processes in the modern history of Russia. The historiography on this subject is still in a state of formation, the published works are often interdisciplinary and are practically devoid of reliance on archival documents. One of the main factors that significantly hinders the intensification of historical research in this area is the lack of a source base, primarily specialized archival funds and collections. In order to further increase scientific knowledge on the raised problem, it is important for the historical community to understand what documents on this topic can be found in archives, what their potential is, and what the list of subjects that can be studied on the basis of these documents looks like. For example, the State Archive of the Russian Federation (GARF) currently has a collection of the Federal Migration Service (FMS), which contains documents from the period of its functioning within the Ministry of Internal Affairs (2004–2016). The historian can get a systemic picture of migration in this period from the valuable materials of the FMS boards for 2008–2015. These meetings summarized the annual results of the FMS work, outlined the main trends of state policy in the field of migration and demography, announced the results of the admission of foreigners to citizenship of the Russian Federation, characterized the mobility of foreign labor force, etc. The introduction of these documents into scientific circulation will help to better understand the migration situation in the country over the past two decades and reconstruct the dynamics of labor migration from Central Asia and other regions. Taking into account the limited volume of the manuscript, the main emphasis is made by the author on the role of migration in replacing the natural population loss, the number of persons

admitted to the citizenship of the Russian Federation, the main directions of foreign labor migration during the global financial crisis (2008–2009) up to the transformation of the Federal Migration Service into the Migration Department. During this period, the “Central Asian” vector of labor migration finally took shape, which greatly contributed to the development of discussions on the integration of foreign citizens. This role was partly assigned to the FMS apparatus, for which purpose interaction with national-cultural and public organizations was strengthened, and integration centers were created where foreign citizens could learn the Russian language and receive advice on legal issues.

Keywords

Migration, migration service, historical sources, integration, labor migrants.

References

- Vorobyeva, O. D., Rybakovsky, L. L., Rybakovsky, O. L. (2016). Migration Policy of Russia: History and Modernity. Econ-Inform, Moscow, Russia, 192 p.
- Gorbachev, O. (2018). Migrants and the Russian state in the XX century: opportunities and limitations, *Quaestio Rossica*, № 1, pp. 240–248.
- Ivanov, A. A. (2020). Economic significance and attempts to regulate foreign labor migration in the western outskirts of the Russian Empire (late XIX – early XX century), *The Newest History of Russia*, № 1, pp. 70–88.
- Ledeneva, V. Y., Kononov, L. A. (2021). State and municipal regulation of adaptation and integration of migrants in modern, RUDN, Moscow, Russia, 296 p.
- Lokosov, V. V., Kononov, L. A. (ed.) (2014). Migration processes in Russia. Econ-Inform, Moscow, Russia, 383 p.
- Mukomel, V. I. (2005). Migration Policy of Russia: Post-Soviet Contexts. Dipol-T, Moscow, Russia, 351 p.
- Peshkova, V. M. (2023). International migration and citizenship in the Russian Federation (on the example of migration from Central Asia), *Vlast*. № 6, pp. 162–171.
- Sitnyansky, G. Y., Bushkov, V. I. (2016). Population Migrations in Central Asia: Past, Present and Future. IEA RAS, Moscow, Russia, 340 p.
- Eraliev, S., Urinboyev, R. (2020). Precarious Times for Central Asian Migrants in Russia, *Current History*, vol. 119, pp. 258–263.
- Gerber, T. P., Zavisca, J. (2020). Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: Ethnic Hierarchies, Geopolitical Remittances, and the Relevance of Migration Theory, IN: Post-Soviet Affairs, vol. 36. Iss. 1, pp. 61–82.

Lohr, E. (2012). *Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union*, Harvard University Press, Harvard, 288 p.

Malakhov, V. S. (2014). Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate, *Europe-Asia Studies*, vol. 66. Iss. 7, pp. 1062–1079.

Malakhov, V. S., Mark, E. (2018). Simon Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality, *International Migration*, vol. 56. Iss. 3, pp. 61–72.

Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2016). Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union, *Slavic Review*, vol. 75. Iss. 4, pp. 970–986.

Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2023). *Making national diasporas. Soviet-Era Migrations and Post-Soviet Consequences*, Cambridge University Press, Cambridge, 72 p.

About the authors

Avdashkin, Andrey A., PhD history, Senior Researcher, South Ural State University, Institute of Media and Socio-Humanitarian Sciences, Laboratory of Migration Studies, Chelyabinsk, Russia, 8-951-123-37-93, adrianmaricka@mail.ru

Grant information

The article was prepared with the financial support of the grant of the Russian National Foundation and the Government of the Chelyabinsk region (project № 23-28-10211) “Analysis of mechanisms of formation of migrant infrastructure in a Russian city (on the example of the Chelyabinsk region)”, <https://rscf.ru/project/23-28-10211/>

The article was received in the editorial office on 28.02.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94+930.25+308+304.4+304.5+304.9+321.01+342.1+930.23+930.253+651.5+002.66+651.9+303.832.3+323.212+323.226+323.233+323.232.019.57+323.3.01/.06+323.32+323.38+323.396+323.398+323.4+347.168+81'373.23

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-794-809

Для цитирования

Мухина, М. В. Социально-политический состав участковых комиссий по выборам во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. По материалам Калужской губернии // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 794–809, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-794-809

Мухина, М. В.

Калужский государственный университет,
г. Калуга, Российская Федерация

**Социально-политический состав
участковых комиссий по выборам
во Всероссийское Учредительное собрание
в ноябре 1917 г. По материалам
Калужской губернии**

Актуальность. После смены государственной власти в феврале – марте 1917 г. Временное правительство совместно с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов приняло 2 марта решение о необходимости созыва Всероссийского Учредительного собрания¹. Особое совещание по разработке Положения о выборах начало свою работу в конце мая 1917 г. Кризисы власти и намерения членов комиссии учесть все нюансы многонационального государства, часть населения которого находилась на фронтах Первой мировой войны, замедляли разработку избирательного законодательства. Имелся и другой резон у новой,

не имевшей легитимности элиты – удержаться во властных структурах. В разработке проекта Положения о выборах во Всероссийское Учредительное собрание приняли участие более 100 человек, среди которых были известные юристы Гессен, Котляревский, Кокоскин, Набоков. Последние поправки и разъяснения к документу появились в конце сентября 1917 г. В связи с вышеизложенным представляет интерес обращение к социально-политическому составу участковых комиссий.

Историографический обзор. Заявленная проблема является узкой и неисследованной, поэтому публикации по ней практически отсутствуют. Современные отечественные исследователи обращаются к различным аспектам изучения истории выборов во Всероссийское Учредительное собрание. Историки анализируют избирательный процесс в регионах, участие отдельных социальных групп в голосовании, влияние Учредительного собрания на политическую ситуацию в государстве².

Положение о выборах во Всероссийское Учредительное собрание предполагало наличие следующих избирательных единиц (от общегосударственного уровня к местному): Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия (Всевыборы) – Окружная комиссия – городская либо уездная комиссия – участковая комиссия. Во Всевыборы входило 16 человек по назначению Временного правительства (8 человек от социалистических партий), окружная комиссия состояла из 6 человек (председатель окружного суда, два представителя от городской управы, два представителя от губернской управы). Городская или уездная комиссия состояла из 6 человек (административный судья и заместитель, два члена по избранию уездной земской управы и два – по избранию местной городской управы). По политическим предпочтениям члены указанных уровней комиссий являлись членами партий народной свободы или относили себя к социалистам-революционерам. За формирование участковых комиссий согласно избирательному законодательству отвечали городские, уездные, волостные управы. Комиссии должны были состоять из 4 человек, включая секретаря и председателя.

Научный обзор источниковой базы. Осенью 1917 г. Отдел по подготовке Учредительного собрания при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете Советов рабочих и солдатских

депутатов выпустил брошюру «Наказ о применении раздела I и инструкция к разделу III Положения о выборах в Учредительное собрание». Единственным уточнением по поводу участковых комиссий в Наказе является требование к грамотности членов комиссий. Отметим, что работа членов участковых комиссий не предполагала оплаты, так как рассматривалась составителями Положения о выборах как простая и кратковременная³.

Октябрьские события 1917 г. на некоторое время затормозили работу комиссий всех уровней, но идея проведения выборов все еще поддерживалась большинством политических партий. В Калужской губернии представители местной власти, общественных организаций, партий, поддерживающих Временное правительство, создали «Орган губернской власти по спасению родины и революции». Стоит заметить, что Совет солдатских депутатов, возглавляемый калужскими большевиками, был распущен 18 октября 1917 г. из-за неподчинения губернской власти⁴.

К этому времени стало очевидным, что выборы будут проходить в очень напряженной атмосфере. Всевыборы в начале ноября обратились к комиссиям с призывом отмечать все факты нарушений, неправильностей в ходе проведения процедуры голосования. От членов участковых комиссий зависело объективное отражение хода выборов на местах, пресечение попыток повлиять на ход голосования. Так, на одном из участков Калужского избирательного округа очевидцами был зафиксирован факт агитации в день выборов за список № 7 (большевики) и распространения политической литературы, не получивший официальной огласки со стороны участковой комиссии⁵. С учетом обстановки в губернии есть основания полагать, что такие случаи не были единичными. Важно, с нашей точки зрения, отметить, что участковые комиссии производили подсчет голосов, который не перепроверялся на других уровнях, так как уездные и окружные комиссии работали именно с предоставленной документацией, где было зафиксировано количество голосов за каждый кандидатский список по данному участку⁶.

Состав источниковой базы исследования. Единственным документом, где отражен состав участковых комиссий по Калужскому избирательному округу, является дело 248 «Статистические ведомости о ходе подготовки к выборам, для подсчета голосов при

выборах в Учредительное собрание и списки членов участковых комиссий Калужской губернии», хранящиеся в фонде 1810 «Все-российская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В деле, с 83-го по 188-й лист, находятся заполненные бланки, обозначенные «форма № 2», где содержится основная информация о членах участковых комиссий. На форме курсивом указано «Отправить Всероссийской комиссии не позднее, чем через три дня после публикации кандидатских списков». Секретарю участковой комиссии необходимо было указать название местности, губернии, уезда, волости, города, селения. Затем следовала таблица, состоящая из следующих граф: ФИО., положение в комиссии, пол, возраст, образование, профессия, национальность, политическая принадлежность. Форма заканчивается местом для подписи председателя комиссии. Документ можно отнести к материалам избирательного делопроизводства. Никаких знаков о дате отправки и получения ни один из бланков не имеет. Требований к заполнению формы выявить не удалось, исходя из первичного анализа всех бланков можно утверждать, что точных указаний по их заполнению не поступало.

В деле 248 представлены материалы по личному составу 103 (из 723) участковых комиссий семи уездов Калужского избирательного округа (Боровский уезд – 8 комиссий, Козельский уезд – 43 комиссии, Лихвинский – 2, Малоярославецкий – 8, Медынский – 10, Мещовский – 9, Перемышльский – 23). В деле помещены бланки пяти комиссий, которые не отражают требуемой информации. В трех бланках не заполнена информация о названии участка и волости. В бланке от деревни Кричина Козельского уезда проставлено двенадцать подписей без какой-либо дополнительной информации. Комиссия деревни Дудино Козельского уезда поместила в бланке следующее обращение: «Товарищи большевики и социалисты-революционеры, левые борцы, даем ответ на этот незаполненный список, мы все принадлежим партии большевиков, голосовало по нашему избирательному списку Паневского уезда шестьсот пять⁷ записок за № 7 (большевики) и за № 2 (социалисты-революционеры) двадцать три записки. И всего голосовало избирателей 628 записок, так что за список 7 – 605 человек, а за список 2 – 23 человека. Притом

мы все граждане и мы боремся, и в крови. Как были за свободу и желаем землю и всю народную власть, даже желаем вооружиться, кто идет против этого. Подпись за председателя комиссии»⁸.

Члены участковых комиссий должны были назначаться минимум за десять дней до начала выборов из числа грамотных избирателей участка. Несмотря на требование к количеству членов комиссии, в рассматриваемых документах встречаются комиссии численностью от одного до шести человек. Например, в Козельском уезде большая часть комиссий состояла из пяти человек. В Позднянском избирательном участке этого же уезда в комиссии состоял всего один человек.

Реконструкция социально-политического состава участковых комиссий. В ходе работы с документами было выявлено, что общая численность членов комиссий на 103 участках составляла 398 человек. Целесообразным представляется общий анализ содержания бланков в соответствии с пунктами таблицы, которая заполнялась секретарями комиссий.

Вторым после столбца «ФИО, положение в комиссии» следовал пункт «пол». Большая часть комиссий состояла из мужчин. Женщины занимали должность секретаря в 22 участках (21% от общего количества участков), в одном участке Медынского уезда сельская учительница была членом комиссии (0,3%), а в Козельском уезде на одном из участков учительница сельской школы была председателем (а также единственным членом комиссии)⁹. Стоит заметить, что все женщины в рядах участковых комиссий имели профессию учитель либо являлись студентками училищ. По всей видимости, в комиссию женщины привлекались как наиболее грамотные люди.

При подсчете данных графы «возраст» было выявлено, что средний возраст председателей комиссий составлял 44 года, секретарей – 31 год. Членами комиссий были граждане от 20 до 65 лет.

В графе «образование» встречаются следующие формулировки: начальное училище, домашнее, сельская школа, грамотный, неграмотный, малограмотный, низшее, не имеем, женская гимназия, церковно-приходская школа, духовная семинария, учительское училище, реальное училище, высшее, самоучка. Информация об уровне образования членов комиссий обобщена в таблице 1¹⁰.

Таблица 1

Уровень образования членов
участковых избирательных комиссий

Уровень образования Члены избирательной комиссии	Неграмотные (чел.)	Грамотные (чел.)	Сельская школа / церковно-приходская школа (чел.)	Училище (чел.)	Высшее образование (чел.)
Председатели	4	42	42	13	2
Секретари	–	22	39	40	1
Рядовые члены комиссии	30	44	76	43	–
Всего	34	108	157	96	3

Из таблицы 1 следует, что 34 человека (то есть 8,5%) из состава комиссий были неграмотными, из них 4 председателя (Долбинская волость Лихвинского уезда, Губинская, Перестрянская и Прековская волости Козельского уезда). Грамотными без какого-либо образования обозначено 108 человек (из них 42 председателя, 22 секретаря). Получили образование в сельской либо церковно-приходской школе 157 человек (42 председателя, 39 секретарей). Училище (начальное, реальное, учительское) или духовная семинария обозначены в качестве уровня образования у 96 человек (13 председателей и 40 секретарей). Высшее образование, по данным таблицы 1, получили 2 председателя, 1 секретарь. Большая часть комиссий по данному пункту отвечала требованиям закона в отношении грамотности членов. В комиссиях, где было отмечено наличие неграмотных участников, практически всегда был грамотным секретарь. Исключение в данном исследовании составляет только комиссия с. Долбина Лихвинского уезда, где все ее члены числятся неграмотными. Данных о причине

избрания их членами комиссии выявить не удалось. Практика привлечения неграмотных граждан к работе в участковых комиссиях применялась и в других губерниях. Так, в нескольких уездах Могилевской губернии в ряде участков трудились неграмотные члены комиссии, в одном из них был неграмотным председатель¹¹.

В графе «профессия или занятие» были зафиксированы следующие записи: хлебопашец, земледелец, крестьянин, фабричный рабочий, чернорабочий, столяр, плотник, штукатур, слесарь, солдат, военная служба, ротный фельдшер, священник, псаломщик, учитель, секретарь, кондитер, художник, мастер музыкальных инструментов, член земской управы, письмоводство, кооператор, агроном, солдат. Профессиональная деятельность участников комиссий была разделена на несколько групп: крестьяне, рабочие, военные, учителя, земские служащие, духовенство, ремесленники. Самую многочисленную группу представляют крестьяне – 235 человек (59%), из них 62 были председателями и 24 секретарями участковых комиссий (таблица 2).

Таблица 2

Профессиональная принадлежность членов участковых комиссий

Профессия Члены избирательной комиссии	Крестьяне	Рабочие	Военные	Учителя, письмоводители, священники	Ремесленники, булочники и проч.
Председатели	62	11	3	22	5
Секретари	24	8	3	63	4
Рядовые члены комиссии	149	36	4	–	4
Всего	235	55	10	85	13

Следующей по численности является группа «учителя, земские служащие, духовенство» – 85 человек (22 председателя, 63 секретаря). В этой группе преобладает число учителей – 67 человек. К «рабочим» себя причислило 55 человек (14%). Военнослужащими (из солдатской среды) были 10 человек (3 председателя, 3 секретаря). К ремесленным специальностям можно отнести 13 участников комиссий (из них 5 председателей, 4 секретаря). Участковая комиссия с. Каплино Богоявленской волости Мосальского уезда состояла из четырех солдат и секретаря – сельской учительницы. Следует отметить, что за формирование участковых комиссий в уездах отвечали земства. Появившиеся в течение лета и осени 1917 г. волостные земства находились на стадии организации. Именно этот орган отражал популярную в прогрессивных кругах идею народоправства через вовлечение в управление на местах широких народных масс¹². В июле 1917 г. Временное правительство отменило сословные ограничения, возрастной ценз для земских гласных, что позволило расширить социальный состав земств.

Партийная принадлежность членов избирательных комиссий. В условиях менявшейся политической ситуации в Калужской губернии особый интерес представляет графа «От какой партии или учреждения входит в комиссию». К беспартийным относилось 160 человек, отметку «избран(а) волостным земством» имеют 172 человека. Следовательно, 83% членов участковых комиссий не относили себя ни к одной из партий, борющихся за влияние. К партии социалистов-революционеров причисляли себя 39 человек, к РСДРП(б) – 23 человека, а также еще 4 «сочувствующих». Подобное можно объяснить общей политической пассивностью и аморфностью населения провинции. Сказывалась и политическая неподготовленность населения, которое относило волостное земство к партийной организации. Еще летом социалистические партии имели большее количество сторонников, чем либеральные, так как их лозунги были доступны и близки населению провинции. С социалистическими партиями связывался выход из кризиса и решение аграрного вопроса в пользу крестьянства. В обозначенном деле представлены бланки по личному

составу уездных комиссий, этим можно объяснить отсутствие среди ее членов представителей партии народной свободы. Последние оставались популярны лишь в городах Калужской губернии¹³. Кадеты занимали лидирующие позиции на выборах и в городах других избирательных округов. Так, в уездных центрах, городах и пригородах Псковской губернии большая часть населения проголосовала за партию народной свободы, тогда как по губернии лидировали социалисты-революционеры¹⁴. По данным Всевыборов, лишь около 10% состава комиссий по всему государству указали свою партийную принадлежность (чаще – эсеры)¹⁵. В последней графе «национальность» указывалось – «великорусская или русская», либо использовалась формулировка «православная».

Результаты исследования. Влияние на работу членов участковых комиссий в ряде уездов Калужской губернии в первую очередь могли оказывать уровень образования, профессиональная принадлежность, добросовестное отношение к возложенной на них ответственности. Появившиеся летом 1917 г. волостные земства, отвечавшие за формирование комиссий, состояли в основном из крестьян. Чаще всего членами комиссий становились лица, имевшие опыт работы в органах местного самоуправления или пользовавшиеся авторитетом у населения. По роду основной деятельности в комиссиях лидировали крестьяне, как самая многочисленная категория жителей губернии. В комиссии входили граждане обоего пола в возрасте от 20 до 65 лет. Прямым нарушением избирательного законодательства было включение в состав комиссий неграмотных граждан (около 9%). На подобное нарушение органы, ответственные за формирование комиссий, могли пойти ввиду отсутствия грамотных людей. Также стоит учитывать, что на данный момент не выявлено каких-либо рекомендаций Всевыборов по заполнению исследуемой формы документа вообще и графы «образование» в частности. Подавляющее число членов комиссий не относили себя ни к одной из политических партий. Политическая культура членов участковых комиссий оставляла желать лучшего во многом из-за отсутствия должной разъяснительной работы со стороны земств и местных партийных ячеек. Частым явлением, зафиксированным уже

на уровне уездных комиссий, было несоответствие избирательной документации участкам заявленным формам, отсутствие штампов и прошивки избирательных записок. Это можно объяснить как нежеланием выполнять неоплачиваемую работу членов комиссий, так и отсутствием или несвоевременной отправкой необходимых инструкций для комиссий.

Примечания

¹ Протасов, Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. Москва: РОССПЭН, 1997. С. 28–29.

² Акульшин, П. В. Выборы в Учредительное собрание и политическая борьба в губерниях центральной России в 1917–1920 гг. (на материалах Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. Ч. 2 / Под ред. А. Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2019. С. 161–170; Буховец, О. Г. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Белорусских губерний: электоральная статистика и новые горизонты изучения // Новый исторический вестник. 2023. № 1 (75). С. 35–48; Вторушин, М. И. Сибирское общество и Всероссийское Учредительное собрание в контексте кризиса революции 1917 года // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. № 3. С. 22–30; Базанов, С. Н. Итоги выборов в Учредительное собрание в действующей армии в ноябре 1917 года (правда и вымысел) // Общество и власть в Императорской России, СССР и современной Российской Федерации. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РФ Э. М. Щагина. Москва: МПГУ, 2018. С. 117–125; Гордеев, П. Н. «Ложа Учредительного собрания»: «хозяин земли русской» и бывшие императорские театры // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2022. № 1 (56). С. 105–111; Калашников, В. В. Роспуск Учредительного собрания как причина гражданской войны: pro et contra // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. Ч. 2. / Под ред. А. Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. С. 123–137.

³ Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. Москва: РОИИП, 2009. С. 385.

⁴ Калужский край в XX веке: исторические очерки / И. Б. Белова и др. Калуга: КГИМО, 2014. С. 103.

⁵ Зайцев, И. В. Выборы в Учредительное собрание в Калужской губернии // Вопросы выборов и избирательного права. Калуга: Символ, 1998. С. 28–46.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1810. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–36.

⁷ Так в тексте документа.

⁸ ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 248. Л. 103.

⁹ Там же. Л. 133.

¹⁰ Таблицы 1–2 составлены на основании неопубликованных источников: ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 248. Л. 83–188.

¹¹ Воробьев, А. А., Яковицкий, О. Ч. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Рогачевского и Чериковского уездов Могилевской губернии // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 2 (28). С. 21–22.

¹² Матвеев, М. Н., Турганова, О. В. Исторические и правовые аспекты введения волостного земства Временным правительством // Вестник Самарского университета. Серия: История, педагогика, филология. 2019. № 2. С. 10.

¹³ По результатам голосования, как отмечает исследователь И. В. Зайцев, практически во всех городах Калужского избирательного округа лидировал список № 3 партии народной свободы.

¹⁴ Корольков, О. П. Выборы в Учредительное собрание в Псковской губернии (1917 г.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2016. № 45. С. 54.

¹⁵ Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. Москва: РОИИП, 2009. С. 361.

Аннотация

Автор предпринимает источниковедческий анализ документа, выявленного в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). На его основе реконструирует социально-политический состав низовых единиц избирательной системы – участковых комиссий. В обстановке нарастающего политического кризиса ответственная работа членов участковых комиссий по подсчету голосов и объективному отражению процесса голосования представляется особенно важной. В статье рассмотрен состав 103 из 723 участковых комиссий 7 уездов из 11 Калужской губернии (Калужского избирательного округа), что составляет 14% от общего количества участков. Исходя из содержания исследуемого документа автором выделены следующие параметры для анализа социально-политического состава комиссий: пол, возраст, образование,

профессия, национальность, партийная принадлежность. Автор использует традиционный историко-генетический метод, а также методы количественного анализа для подсчета данных по заданным параметрам. Несмотря на предоставленную по новому избирательному законодательству возможность участия в политической жизни женщинам, подобная практика была новой, особенно для жителей провинции. В связи с этим автором установлено, что в Калужском избирательном округе доля участия женщин в комиссиях была сравнительно небольшой – 22%. Женщины в подавляющем числе случаев привлекались в комиссии как наиболее грамотные люди в данной местности и исполняли роль секретарей. Все участницы комиссий были учителями или получали образование по этой профессии. В участковые комиссии входили люди разных возрастных категорий (самому молодому члену комиссии было 20 лет, наиболее возрастному – 65 лет). В статье показано, что вопреки требованиям избирательного законодательства около 9% состава комиссий были отмечены как неграмотные, что может объясняться нехваткой людей, готовых исполнять обязанности членов комиссий. Самой многочисленной профессиональной группой были крестьяне (59%), которые и составляли большую часть жителей губернии. Учителя, земские служащие, представители духовенства, имевшие опыт работы в органах местного самоуправления и являвшиеся наиболее грамотной категорией жителей, составляли 21% членов участковых избирательных комиссий. Свою партийную принадлежность указали 16% состава комиссий, которые относили себя к членам партии социалистов-революционеров (эсеры) или РСДРП(б). Невысокий уровень политической культуры проявился в отнесении волостного земства к политической партии, около 43% членов комиссии отметили «избран волостным земством». Для большей наглядности данные оформлены и представлены в таблицах. Автор пришел к выводу, что на работу членов участковых комиссий в меньшей степени оказывала влияние их партийная принадлежность, так как политическая культура населения провинции находилась на низком уровне. Большую роль могли играть профессиональная принадлежность и уровень образования членов комиссий.

Ключевые слова: Всероссийское Учредительное собрание, Временное правительство, Калужская губерния, участковые комиссии, социально-политический состав, исторический источник.

Список литературы

Акульшин, П. В. Выборы в Учредительное собрание и политическая борьба в губерниях центральной России в 1917–1920 гг.

(на материалах Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. Ч. 2 / Под ред. А. Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2019. С. 161–170.

Базанов, С. Н. Итоги выборов в Учредительное собрание в действующей армии в ноябре 1917 года (правда и вымысел) // Общество и власть в Императорской России, СССР и современной Российской Федерации. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РФ Э. М. Щагина. Москва: МПГУ, 2018. С. 117–125.

Буховец, О. Г. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Белорусских губерний: электоральная статистика и новые горизонты изучения // Новый исторический вестник. 2023. № 1 (75). С. 35–48.

Воробьев, А. А., Яковицкий, О. Ч. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Рогачевского и Чериковского уездов Могилевской губернии // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 2 (28). С. 21–22.

Вторушин, М. И. Сибирское общество и Всероссийское Учредительное собрание в контексте кризиса революции 1917 года // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. № 3. С. 22–30.

Гордеев, П. Н. «Ложа Учредительного собрания»: «хозяин земли русской» и бывшие императорские театры // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2022. № 1 (56). С. 105–111.

Калашников, В. В. Роспуск Учредительного собрания как причина гражданской войны: pro et contra // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. Ч. 2. / Под ред. А. Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. С. 123–137.

Калужский край в XX веке: исторические очерки / И. Б. Белова и др. Калуга: КГИМО, 2014. 416 с.

Корольков, О. П. Выборы в Учредительное собрание в Псковской губернии (1917 г.) // Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2016. № 45. С. 45–67.

Матвеев, М. Н., Турганова, О. В. Исторические и правовые аспекты введения волостного земства Временным правительством // Вестник Самарского университета. Серия: История, педагогика, филология. 2019. № 2. С. 7–10.

Сведения об авторах

Мухина Марина Владимировна, Калужский государственный университет, Институт истории и права, кафедра истории, аспирант, г. Калуга, Российская Федерация, 8-953-329-1078, marina.platonova.93@mail.ru

В редакцию статья поступила 21.01.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-794-809

For citation

Mukhina, Marina V. (2024). Socio-political composition of precinct commissions for elections to the All-Russian Constituent Assembly in November 1917. On the materials of Kaluga province, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 794–809, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-794-809

Mukhina, Marina V., Kaluga State University, Kaluga, Russia

Socio-political composition of precinct commissions for elections to the All-Russian Constituent Assembly in November 1917. Based on the materials of Kaluga Province

Abstract

The author undertakes a source analysis of the document found in the State Archive of the Russian Federation (GARF). On its basis he reconstructs the socio-political composition of the grassroots units of the electoral system – precinct commissions. In the context of the growing political crisis, the responsible work of members of precinct commissions in counting votes and objectively reflecting the voting process seems particularly important. The article considers the composition of 103 out of 723 precinct commissions of 7 counties out of 11 in Kaluga province (Kaluga electoral district), which is 14% of the total number of precincts. Based on the content of the document under study, the author identified the following parameters for analyzing the socio-political composition of the commissions: gender, age, education, profession, nationality, party affiliation. The author uses the traditional historical and genetic method, as well as quantitative analysis methods to calculate data according to specified parameters. Despite the possibility for women to participate in political life under the new electoral legislation, this practice was new, especially for residents of the provinces. In this regard, the author found that in the Kaluga electoral district the share of women's participation in commissions was relatively small – 22%. Women

were overwhelmingly involved in the commissions as the most literate people in the area and served as secretaries. All female commission members were teachers or were educated in this profession. Precinct commissions included people of different age categories (the youngest commission member was 20 years old, the oldest – 65 years old). The article shows that, contrary to the requirements of the electoral legislation, about 9% of the composition of the commissions were marked as illiterate, which can be explained by the lack of people willing to fulfill the duties of commission members. The largest professional group was peasants (59%), who made up the majority of the province's residents. Teachers, zemstvo employees, representatives of the clergy who had experience in local government and were the most literate category of residents made up 21% of members of precinct election commissions. Their party affiliation was indicated by 16% of the commission members, who identified themselves as members of the Socialist-Revolutionary Party (SR) or RSDLP(b). The low level of political culture was manifested in the attribution of the volost zemstvo to a political party, about 43% of the commission members noted "elected by the volost zemstvo". For greater clarity, the data are formalized and presented in tables. The author concluded that the work of members of precinct commissions was less influenced by their party affiliation, as the general level of political culture of the population of the province was at a low level. The professional affiliation and level of education of commission members could play a greater role.

Keywords

All-Russian Constituent Assembly, Provisional Government, Kaluga Province, district commissions, socio-political composition, historical source.

References

Akulshin, P. V. (2019). Elections to the Constituent Assembly and political struggle in the provinces of central Russia in 1917–1920 (on the materials of Vladimir, Kaluga, Ryazan and Tula provinces). IN: Tavricheskie readings 2018. Actual problems of parliamentarism: history and modernity. Collection of scientific articles, Ch. 2, Nikolaev, A. B. (ed.), Asterion, St. Petersburg, Russia, pp. 161–170.

Bazanov, S. N. (2018). Results of the elections to the Constituent Assembly in the active army in November 1917 (truth and fiction). IN: Society and power in Imperial Russia, the USSR and the modern Russian Federation, Materials of the international scientific conference dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation E. M. Shagin, MPG U, Moscow, Russia, pp. 117–125.

- Bukhovets, O. G. (2023). Elections to the All-Russian Constituent Assembly on the territory of the Belarusian provinces: electoral statistics and new horizons of study, *New Historical Bulletin*, № 1 (75), pp. 35–48.
- Vorobyev, A. A., Yakovitsky, O. Ch. (2015). Elections to the All-Russian Constituent Assembly on the territory of Rogachev and Cherikov uyezd of Mogilev province, *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, № 2 (28), pp. 21–22.
- Vtorushin, M. I. (2019). Siberian society and the All-Russian Constituent Assembly in the context of the crisis of the revolution of 1917, *Omsk Scientific Bulletin, Series: Society. History. Modernity*, № 3, pp. 22–30.
- Gordeev, P. N. (2022). “The lodge of the Constituent Assembly”: “the master of the Russian land” and the former imperial theaters, *Vestnik of Perm University. Series: History*, № 1 (56), pp. 105–111.
- Kalashnikov, V. V. (2021). Dissolution of the Constituent Assembly as a cause of civil war: pro et contra. IN: Tavrisheskie readings 2020, Actual problems of parliamentarism: history and modernity, Collection of scientific articles, Part 2, Nikolaev, A. B. (ed.), Asterion, St. Petersburg, Russia, pp. 123–137.
- Belova, I. B. (ed.) (2014). Kaluga region in the XX century: historical sketches, KGIMO, Kaluga, Russia, 416 p.
- Korolkov, O. P. (2016). Elections to the Constituent Assembly in Pskov Province (1917), *Scientific and practical, historical and local lore journal. Pskov*. № 45, pp. 45–67.
- Matveev, M. N., Turganova, O. V. (2019). Historical and legal aspects of the introduction of volost zemstvo by the Provisional Government, *Vestnik of Samara University, Series: History, pedagogy, philology*, № 2, pp. 7–10.

About the authors

Mukhina, Marina V., Kaluga State University, Institute of History and Law, Department of History, graduate student, Kaluga, Russian Federation, 8-953-329-1078, marina.platonova.93@mail.ru

The article was received in the editorial office on 21.01.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

НАУЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Scientific Publication of Archival Documents

Документальная публикация

УДК 930.23+645.5+930.253+351/354+651.5+003.074+930.25+930.255+35.0728+364.025+364.026+364.025.4+393.05+393.05.9+393.05.1+67-05+67.02+67.06+645.493+745/749+741.02+929+930.2+930.85
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-810-830

Для цитирования

Окрошидзе, Л. Г., Юренков, А. К. Новые документы к биографии русского реставратора Андрея Филипповича Митрохина. 1765–1845 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 810–830, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-810-830

Окрошидзе, Л. Г.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

Юренков, А. К.

Секретариат заместителя Председателя Правительства
Российской Федерации – руководителя
Аппарата Правительства Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Новые документы к биографии русского реставратора Андрея Филипповича Митрохина. 1765–1845 гг.

Актуальность. Искусство реставрации, как живопись, скульптура и архитектура, длительное время развивалось благодаря иностранным мастерам, которые приезжали в Россию и привозили с собой европейские новшества, художественные традиции и техники. Десятилетия работы иностранных специалистов позволили обучить новое поколение отечественных мастеров. Яркой фигурой в истории отечественной механической реставрации стал Андрей Филиппович

Митрохин. Он родился примерно в 1765 г. в Торопце Псковской губернии и в юности был учеником местного художника Гаврилы Лохова¹. Однако к профессиональным занятиям искусством он пришел не сразу.

Биографические сведения реставратора. А. Ф. Митрохин сначала служил в Софийском полку². Кавалерийская воинская часть Софийский карабинерный полк был сформирован в 1783 г. и участвовал в Русско-турецкой войне (1787–1791)³. В частности, полк 7 сентября 1789 г. принимал участие в бою между Большой и Малой Салчей⁴. Можно предполагать, что, находясь на службе в Софийском полку, А. Ф. Митрохин мог принимать участие в боевых действиях.

Затем А. Ф. Митрохин был назначен стряпчим конюхом в Санкт-Петербурге⁵, а после – придворным лакеем в «живописной команде» и лишь в 1801 г. был принят в Эрмитаж в качестве реставратора⁶.

Отношение к живописи. Реставратор практиковался в живописи. В Государственном Эрмитаже хранится единственная идентифицированная на данный момент работа кисти А. Ф. Митрохина – портрет Павла I⁷. На картине император впервые изображен с мальтийским крестом Ла-Валетта⁸. После заключения Конвенции в январе 1797 г.⁹, торжественные мероприятия принятия титула протектора проходят в ноябре того же года, где Павлу I вручаются регалии Протектора (Покровителя) Ордена св. Иоанна Иерусалимского, в том числе и крест, изображенный впоследствии А. Ф. Митрохиным на портрете¹⁰.

Других сохранившихся портретов кисти Андрея Филипповича не обнаружено, либо авторство его на данный момент еще не установлено. Но очевидно, что в историю А. Ф. Митрохин вошел не как живописец, а как реставратор произведений живописи из коллекции Эрмитажа.

Достижения реставрационной деятельности А. Ф. Митрохина. «Первоклассным мастером» называет его В. Ф. Левинсон-Лессинг, благодаря которому сохранились до наших дней такие переложенные с дерева на холст руками А. Ф. Митрохина шедевры Рубенса, как «Вакх» и «Пир у Симона Фарисея»¹¹.

Важнейшей заслугой А. Ф. Митрохина является разработка метода перевода живописи с дерева на холст. Необходимость в нём была вызвана быстрым процессом разрушения писанных на дереве картин под влиянием чрезмерной сухости помещений Эрмитажа¹². Только в следующем, XX в., в реставрационном деле появятся новые составляющие – это правильно оборудованная вентиляция помещений и наличие достаточного количества света¹³.

А. Ф. Митрохину в работе помогал огромный накопленный им опыт. Свои знания в конце жизни он оформил в труд по искусству реставрации, который передал в Эрмитаж для использования последующими поколениями. В настоящий момент труд считается утраченным, предположительно он пропал из архивов музея в середине прошлого века¹⁴. Тем не менее, на многих принципах реставрации, применяемых А. Ф. Митрохиным, базируется и современная Эрмитажная школа реставрации¹⁵.

Но, как верно отметил Макс Фридендер, историк и теоретик искусства, трудно представить себе более неблагодарное занятие, чем реставрация. Реставратора в лучшем случае не видно, а все его мастерство остается скрытым от людских глаз¹⁶. Именно поэтому, несмотря на всю значимость своей деятельности, своего труда, фигура А. Ф. Митрохина оказалась в тени на многие десятилетия.

До недавнего времени была известна лишь дата смерти А. Ф. Митрохина, но ни обстоятельства последних месяцев его жизни и завершения его земного пути, ни факты, связанные с его погребением, не были известны.

Оценки реставрационной деятельности А. Ф. Митрохина. Всего А. Ф. Митрохину было посвящено несколько работ. Первым, кто написал о реставраторе, стал поэт Н. В. Кукольник. Он знал реставратора лично и даже имел счастье наблюдать за процессом реставрации в мастерской Митрохина. В следующий раз о деятельности Митрохина в стенах музея напишет сотрудник Эрмитажа С. А. Гамалов-Чураев. Его работа, базирующаяся на архивных документах музея, детально повествует о деятельности Митрохина, о его школе реставрации и учениках, но, как и прежде,

многие аспекты биографии остались неизученными. Очередной раз, когда личность А. Ф. Митрохина вызвала интерес в научных кругах, произошел в середине XX в. Биографию А. Ф. Митрохина начала изучать сотрудница Эрмитажа К. А. Орлова¹⁷, однако результатом стали лишь две заметки, опубликованные в сборниках докладов после конференций¹⁸.

Результаты исследования биографии А. Ф. Митрохина. Для зарубежного искусствознания личность А. Ф. Митрохина и вовсе не известна. Единственная публикация на английском языке, в которой говорится о деятельности А. Ф. Митрохина, посвящена изучению истории реставрации в Эрмитаже¹⁹. Недавно авторами выявлены архивные документы, которые позволяют восстановить этот пробел в его биографии. Среди документов Российского государственного исторического архива (РГИА) обнаружено дело²⁰, которое непосредственно связано с А. Ф. Митрохиным, в котором содержатся рапорт о смерти А. Ф. Митрохина и справочный лист о его жаловании. В первую очередь, здесь важно обратить внимание на то, что сам рапорт был составлен непосредственным начальником реставратора – Ф. И. Лабенским, который руководил Эрмитажной галереей.

Документ представляется крайне важным, так как в нем содержатся не только данные о дате смерти А. Ф. Митрохина – 10 октября 1845 г., но и дается краткое описание последних часов его жизни: указано точное время, когда с реставратором случился удар, описываются всевозможные меры, предпринятые для стабилизации его состояния – вызов лекарей, врачей, священника²¹. Помощь оказалась безуспешной, и на следующее утро, а именно в 10 часов Андрея Митрохина не стало. Это очень конкретные и точные данные, которые ранее не были известны исследователям и никогда не фигурировали в их работах.

К этому делу также приложена справка о реставраторе 9-го класса, в которой указано, что А. Ф. Митрохин состоял на службе с 23 апреля 1792 г., и ему выплачивалось жалование в год серебром: 1000 руб., а также сверх этой суммы еще около 300 руб. «добавочного жалования»²².

Важно отметить, что здесь также отмечается, что сам император Николай I распорядился уволить по старости «Ресторатора по механической части 9 класса Митрохина»²³, но при этом оставил его в Эрмитаже сверх штата, «во уважении долголетней и полезной его службе», а также определил ему годовое содержание, которое выплачивалось «особо из Государственного Казначейства»²⁴.

Существует еще одно дело, связанное с кончиной реставратора А. Ф. Митрохина²⁵. В нем содержится несколько документов, касающихся смерти А. Ф. Митрохина, передачи его квартиры, находящейся в здании Эрмитажного театра, другому чиновнику. В деле также содержится детальный план здания Эрмитажного театра, на котором обозначены все помещения, среди которых под 7-м номером фигурирует и квартира реставратора А. Ф. Митрохина²⁶.

Установление точного месторасположения квартиры А. Ф. Митрохина в здании Эрмитажного театра позволило обратиться к поискам церкви, где должны были его отпевать. Это могла быть ближайшая церковь или церковь придворного ведомства. Можно перечислить несколько церквей, среди которых была и церковь Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади²⁷. Она представлялась наиболее вероятным вариантом, так как в 1792 г. 23 апреля А. Ф. Митрохин «поступил в ведомство Конюшенной команды стряпчим конюхом»²⁸.

Историческое здание придворных конюшен в Санкт-Петербурге является выдающимся памятником архитектуры. Оно занимает целый квартал между набережными Мойки и канала Грибоедова. В огромном каменном здании размещались не только конюшни, но и магазины и жилища для конюшенных служителей. Вероятно, именно там и жил в первые годы своего пребывания в Санкт-Петербурге недавно назначенный стряпчий конюх А. Ф. Митрохин. Кроме того, над южными воротами по проекту архитектора Василия Стасова была построена церковь²⁹.

Очередной поиск привел к делам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), в которых обнаружили неизвестные ранее данные³⁰.

В метрической книге церкви Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади за 10 октября 1845 г.³¹ имеется запись о смерти А. Ф. Митрохина. Похороны реставратора, организованные духовенством Зимнего дворца, прошли 12 октября на Большеохтинском кладбище³².

Информация о месте захоронения позволяет обратиться к архивным материалам Большеохтинского кладбища. Важными оказались записи из «Ведомостей церкви св. Георгия Победоносца об умерших, погребенных на Большеохтинском (Георгиевском) кладбище»³³, датированные 12 октября 1845 г. Поиск информации продолжился в «Книге для записи вкладов» Большеохтинского кладбища, где в записи от 12 октября отмечено, что при погребении А. Ф. Митрохина за катафалк и могилу в сумме было внесено 25 руб. серебром.

Публикуемые документы, несмотря на их небольшой объем, дают ценную информацию, которая позволяет восполнить неизвестные обстоятельства биографии первого русского реставратора А. Ф. Митрохина³⁴.

№ 1

Рапорт начальника 2-го отделения Эрмитажа действительного статского советника Ф. И. Лабенского в Придворную его величества контору о смерти реставратора 9-го класса А. Ф. Митрохина. 10 октября 1845 г.

Дня 10 октября 1845 г.

В придворную Его Величества контору

Начальника 2

Отделения Эрмитажа

Рапорт

Честь имею донести в придворную Его Величества контору, что вчерашнего дня в 5 часов по полудню с считавшимся при Эрмитаже Реставратором 9-го класса Андреем Митрохиным сделался удар. Вследствие сего по моему распоряжению взяты были все меры и посланы были за священником, за дежурным Лекарем, за г. доктором Добровольским.

Но все старания для приведения в чувства означенного Митрохина оказались бесполезными и сего же дня в 10 часов утра он волею Божею помре.

Донеся о сем в придворную Его Величества контору, имею честь присовокупить, что по кончине Митрохина дал тот час знать г. майору от ворот и сделаны все распоряжения для выноса тела куда следует.

Действительный Статский советник Ф. Лабенский

Российский государственный исторический архив. Ф. 469. Оп. 5. Д. 3617. Л. 1–1 об.

№ 2

Справка о смерти А. Ф. Митрохина [Не ранее 10 октября 1845 г.]

Ресторатор 9-го класса Митрохин состоял в службе с 23 апреля 1792 года. Ему производилось в год серебром: жалованья 600 р., столовых 400 р., всего 1000 р., да сверх того добавочного жалованья 283 р. 43 к. и столовых 17 р. 42 к. серебр[ом] в год.

Г. Министр Императорского Двора 29 января сего года объявил, что Государь Император Высочайше повелеть соизволил: состоящего при Эрмитаже Ресторатора по механической части 9-го класса Митрохина за старостию и болезненному его положению уволить от сей должности, с тем чтобы во уважение долголетней и полезной его службы, он считался при Эрмитаже сверх штата, и чтобы получаемое им содержание производилось ему особо из Государственного Казначейства.

Секретарь Иван Антонов

Коллежский асессор Лабенский

Столоначальник Лелековский

На обороте листа помета: Слушано октября 16 дня 1845 года и определено: умершего исключить из списка, а для прекращения ему содержания дать ведения во все экспедиции Придворной конторы.

Российский государственный исторический архив. Ф. 469. Оп. 5. Д. 3617. Л. 2–2 об.

№ 3

Рапорт майора от ворот Зимнего дворца инженер-подполковника К. Л. Кубе президенту Гоф-интендантской конторы обер-гофмейстеру Ф. П. Опочинину. 10 октября 1845 г.

10 октября 1845 г.

Его Высокопревосходительству Господину
Обер-Гофмейстеру и Кавалеру Опочинину
Майора от ворот Императорского Зимнего Дворца,
Инженер-Подполковника Кубе

Рапорт

Проживавший в Театральном здании отставной Ресторатор живописи Императорского Эрмитажа, Андрей Митрохин 10-го числа сего Октября волею Божиею умер.

Сделав распоряжение об отправлении тела умершего из Театрального здания в экстренной покой, на сей предмет учрежденный в Придворном запасном доме, честь имею донести о сем Вашему Высокопревосходительству.

Инженер-Подполковник Кубе

Российский государственный исторический архив. Ф. 472. Оп. 14. Д. 652. Л. 1–1об.

№ 4

Рапорт майора от ворот Зимнего дворца инженер-подполковника К. Л. Кубе президенту Гоф-интендантской конторы обер-гофмейстеру Ф. П. Опочинину. 17 октября 1845 г.

17 октября 1845 г.

Его Высокопревосходительству Господину
Обер-Гофмейстеру и Кавалеру Опочинину
Майора от ворот Императорского Зимнего Дворца,
Инженер-Подполковника Кубе

Рапорт

Состоящий при мне чиновником для письмоводства Титулярный советник Рыков, за неимением квартиры в зданиях Зимнего Дворца, получает согласно 4§, дополнения к положению об Управлении Зимним Дворцом квартирные деньги по 142 р. сер[ебром] в год.

Г-н Рыков, кроме настоящей обязанности, за неположением по штату особого Комиссара для ведения приема и расхода строительных материалов, исправляет и сию последнюю должность и по роду сих занятий обязан будучи в течение всего дня, в особенности во время ремонта, находиться на службе, проживая на вольных квартирах при всей деятельности своей, встречает затруднение в точном выполнении возложенных на него обязанностей.

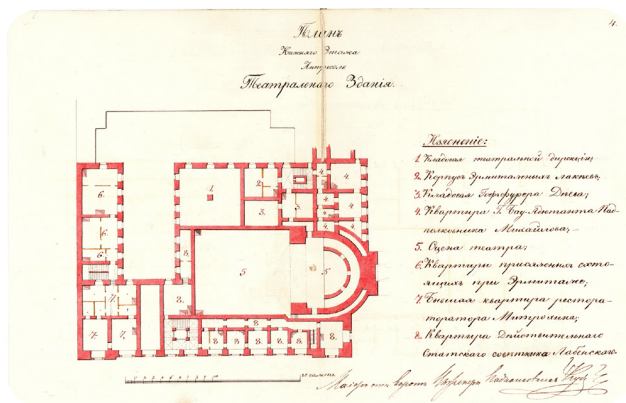
Представляю о сем на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, честь имею покорнейше просить: во внимание изъясненных причин, назначить Рыкову квартиру, оставшуюся по смерти Ресторатора живописи Митрохина в Театральном здании, назначенную на прилагаемом у сего плане под №7.

Инженер-Подполковник Кубе

Российский государственный исторический архив. Ф. 472. Оп. 14. Д. 652. Л. 2–3.

№ 5

План антресоли нижнего этажа театрального здания Эрмитажа

План антресоли нижнего этажа театрального здания Эрмитажа.
РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 652. Л. 3 об.—4

Изъяснение:

1. Кладовая театральной дирекции.
2. Корпус Эрмитажных лакеев.
3. Кладовая Гоффура Деева.
4. Квартира г. Бау-Адъютанта Подполковника Михайлова.
5. Сцена театра.
6. Квартира присяжных, состоящих при Эрмитаже.
7. Бывшая квартира ресторатора Митрохина.
8. Квартира Действительного Статского советника Лабенского.

Майор от ворот Инженер-Подполковник Кубе

Российский государственный исторический архив. Ф. 472. Оп. 14. Д. 652. Л. 3 об.–4.

№ 6

Предписание президента Гоф-интендантской конторы обер-гофмейстера Ф. П. Опочинина майору от ворот Зимнего дворца инженер-подполковнику К. Л. Кубе. 25 октября 1845 г.

25 октября 1845 г.

№ 7145

Г. Майору от ворот Императорского
Зимнего Дворца

По изъясненной в рапорте Вашего Высокоблагородия от 17 сего Октября № 1047 необходимости разрешаю: квартиру, оставшуюся свободною по смерти Ресторатора живописи Митрохина, состоящую в Театральном здании под №7м, когда она на законном основании очищена будет, отдать письмоводителю Канцелярии Вашей, Титулярному Советнику – Рыкову, но с тем, чтобы в случае первой потребности в той квартире, она немедленно и безостановочно была им очищена, вместе с сим предписываю Вашему Высокоблагородию отпуск производимых Г. Рыкову квартирных денег со дня занятия им казенной квартиры приостановить, доколе им она будет занимаема.

Подлинное подписал: Обер-Гофмейстер Ф. Опочинин

Верно: Надворный Советник Соколов

Российский государственный исторический архив. Ф. 472. Оп. 14. Д. 652. Л. 5–5 об.

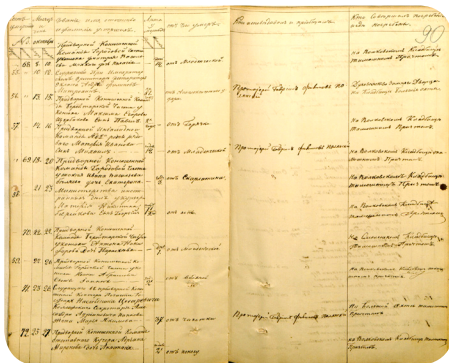

№ 7

Из метрической книги церкви Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади за 1845 г.

Счет умершим		Месяц и день		Звание, имя, отчество и фамилия умерших	Лета умерших		От чего умер	Кто исповедовал и приобщал	Кто совершал погребение и где погребены
Мужск.	Женск.	умер	погребен		Мужск.	Женск.			
56	...	10	12	Служивший при Императорском Эрмитаже Ресторатор 9-го класса Андрей Филиппов Митрохин	На 81 году	...	От апоплексического удара	Протоиерей Гаврила Филиппов Полянский	Духовенство Зимнего Дворца на кладбище Большой Охты

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1801. Оп. 1. Д. 204. Л. 89 об. – 90

Страница из метрической книги церкви Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади за 1845 г. ЦГИА СПб. Ф. 1801. Оп. 1. Д. 204. Л. 89 об.–90

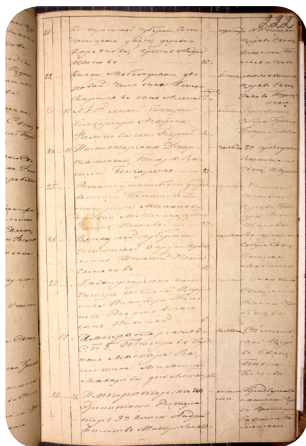

№ 8

Из ведомости, учиненной Кладбищенской Церкви Святого Великомученика и Победоносца Георгия, что на Большой Охте Священно и Церковнослужителями сколько всего при оно Церкви погребено разного звания людей в 1845 году в октябре месяце

№		число	Кто именно погребен	лет		Какою болезнью	Которым священником исповеданы и приобщены
Мужск.	Женск.			Мужск.	Женск.		
22	—	12	Императорского Эрмитажа Ресторатор 9-го класса Андрей Филиппов Митрохин	81		апоплексия	Придворной Конюшенной Церкви Протоиереем Гавриилом Полянским

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 641. Оп. 1. Д. 15. Л. 222

Страница из ведомости, учиненной Кладбищенской Церкви Святого Великомученика и Победоносца Георгия, что на Большой Охте Священно и Церковнослужителями сколько всего при оно Церкви погребено разного звания людей в 1845 году в октябре месяце. ЦГИА СПб. Ф. 641. Оп. 1. Д. 15. Л. 222

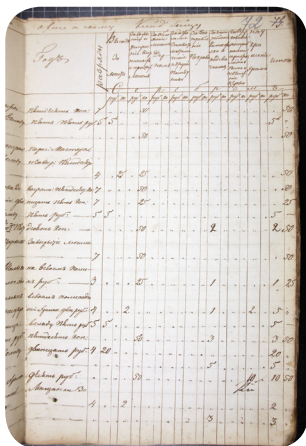

№ 9

Из вкладки книги Большеохтинской кладбищенской церкви за 1845 г.

Вклады и приношения по Большеохтинскому кладбищу	Итого	коп	:	:
		руб	20	5
	На украшение храма	коп	:	
		руб	:	
	За церковные потребности приора ладан, вино и освещение церкви	коп	:	
		руб	:	
	За употребление катаfalки и подсвечников	коп	:	
		руб	:	
	За употребление Покрова	коп	:	
		руб	:	
	За Дозволение ставить металлические и другие памятники	коп	:	
		руб	:	
	За обложение могил дерном	коп	:	
	руб	:		
За вырытие и Устроение кирпичных и простых могил	коп	:		
	руб	:		
Вклады за место	коп	:		
	руб	20		
Разряд		4		
Год. Месяц		При погребении: Тела Андрея Митрохана 9го класса вкладу два- цать руб. За уют- ребление катаfalки 1го разбора пять руб.		
№		960		
число		12		

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 641. Оп. 1. Д. 16. Л. 71 об.–72

Страница из вкладной книги
Большеохтинской кладбищенской церкви
за 1845 г. ЦГИА СПб. Ф. 641. Оп. 1. Д. 16.
Л. 71 об.–72

Примечания

¹ Кукольник, Н. В. Андрей Филиппович Митрохин // Иллюстрация: Еженедельное издание всего полезного и изящного. 1846. Т. 2. № 14. С. 220.

² Звегинцов, В. В. Хронология русской армии (1700–1917 гг.). Ч. 1: Формирования частей – по царствованиям и родам войск. Париж, 1961. С. 29.

³ Керсновский, А. А. История русской армии. Ч. 1: От Нарвы до Парижа (1700–1814). Белград: Издание «Царского Вестника», 1933. С. 129.

⁴ Справочная книжка Императорской главной Квартиры. Кавалерия (Кроме гвардейских и казачьих частей). По 1 июля 1914 года. Издание 3-е. Санкт-Петербург, 1914. С. 333.

⁵ Левинсон-Лессинг, В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Москва: Искусство, 1985. С. 159.

⁶ Алешин, А. Б. Реставрация станковой масляной живописи в России: развитие принципов и методов. Ленинград: Художник РСФСР, 1989. С. 46.

⁷ Митрохин, А. Ф. Портрет Павла I. 1797 (1798?). 74 × 60 см. Холст, масло. Коллекция русской живописи XVII–XX вв. Государственного Эрмитажа.

⁸ Вилинбахов, Г. В., Бахарева, Н. Ю. Мальтийский орден. История ордена в произведениях из собрания Эрмитажа. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2015. С. 14.

⁹ Конвенция, заключенная между Его Величеством Императором Всероссийским и Державным Орденом Мальтийским и Его преимуществом Грос-Мейстером. Санкт-Петербург: Императорская Типография, 1798. 18 с.

¹⁰ Захаров, В. А. Император Павел I и Орден святого Иоанна Иерусалимского. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. С. 39.

¹¹ Левинсон-Лессинг, В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Москва: Искусство, 1985. С. 160.

¹² Там же. С. 161.

¹³ Грабарь, И. Э. Исследования, реставрация и охрана памятников. О древнерусском искусстве. Москва: Наука, 1966. С. 297.

¹⁴ Орлова, К. А. Деятельность А. Ф. Митрохина в Эрмитаже (1801–1845 гг.) // Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Сообщения. Москва: ВЦНИЛКР, 1975. С. 190.

¹⁵ Возрожденные шедевры: реставрация в Эрмитаже. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2016. С. 7.

¹⁶ Фридендер, М. Об искусстве и знаточестве. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: Андрей Наследников, 2013. С. 232.

¹⁷ Орлова, К. А. Новые данные о реставраторе А. Ф. Митрохине [1766–1845] // Сообщения Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Т. 23. Ленинград: Аврора, 1962. С. 31.

¹⁸ Орлова, К. А. Деятельность А. Ф. Митрохина в Эрмитаже (1801–1845 гг.) // Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Сообщения. Москва: ВЦНИЛКР, 1975. С. 179–190.

¹⁹ Nikogosyan, M. (2012). The Restoration of Paintings at the Imperial Hermitage (Saint-Petersburg) at the Beginning of the 19th Century, CeROArt [Online], HS, <http://journals.openedition.org/ceroart/2344> (date of address 25.04.2024).

²⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 469. Оп. 5. Д. 3617.

²¹ Там же. Л. 1 об.

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 652.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Горбачевич, К., Хабло, Е. Почему так названы улицы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Норинт, 2007. С. 115.

²⁸ Гамалов-Чураев, С. А. Ресторатор 9-го класса Андрей Митрохин // Старые годы. 1916. Апрель–июнь. С. 55.

²⁹ Кириков, Б. Улица Желябова / Большая Конюшенная. Ленинград: Товарищество «Свеча», 1990. С. 8.

³⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1801. Оп. 1. Д. 204; Ф. 641. Оп. 1. Д. 15–16.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 1801. Оп. 1. Д. 204.

³² Там же. Л. 89 об.–90.

³³ Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 15. Л. 222.

³⁴ Авторы статьи выражают искреннюю благодарность за помощь и ценные замечания главному специалисту Российского государственного исторического архива Б. П. Миловидову.

Аннотация

Публикация вводит в научный оборот документы, существенно уточняющие обстоятельства биографии, смерти и погребения первого русского реставратора Андрея Филипповича Митрохина (1765–1845). Обстоятельства жизни А. Ф. Митрохина, за исключением его профессиональной деятельности, до последнего времени практически не исследовались, а отсутствие документальных данных способствовало забвению личности реставратора на многие десятилетия. Настоящая публикация позволяет восполнить этот пробел путем введения в научный оборот архивных документов. А. Ф. Митрохин родился в городе Торопец Псковской губернии. В ранние годы стал учеником местного художника Гаврилы Лохова. Служил в рядах Софийского полка, а затем был причислен к Ведомству конюшенной команды. За этим последовал переход на должность придворного лакея в «живописной команде» (группа художников, бывших универсальными специалистами по выполнению отделочных, живописных, реставрационных и проч. работ). В 1801 г. А. Ф. Митрохин поступил в Эрмитаж в качестве реставратора. А. Ф. Митрохин сыграл важнейшую роль в развитии отечественной реставрации в начале XIX в., разработав новые методы механического восстановления станковой живописи. Под руководством А. Ф. Митрохина в Эрмитаже была организована школа реставрации, где молодых учеников и выпускников Академии художеств обучали основам восстановления картин. Впоследствии многие ученики А. Ф. Митрохина стали достойными реставраторами, продолжив его дело в стенах Эрмитажа. В конце жизни А. Ф. Митрохиным был написан трактат о реставрации, который он передал в Эрмитаж с надеждой на дальнейшее применение его знаний и опыта. В середине XX в. трактат был признан

утраченным. В ходе исследования жизни и деятельности реставратора выявлены архивные документы, позволяющие существенно дополнить обстоятельства его кончины, а также уточнить его материальное и социальное положение в последние месяцы жизни. Документы также показывают пример заботы императора Николая I о престарелых служащих придворного ведомства: реставратору были сохранены квартира и жалование. Точное указание на возраст, в котором умер А. Ф. Митрохин, позволяет доподлинно подтвердить его дату рождения: 1765 г. Установленные по документам обстоятельства погребения позволяют утверждать, что шансов обнаружить могилу А. Ф. Митрохина в настоящее время практически нет. Введение в научный оборот выявленной подборки документов не только позволяет уточнить биографию первого русского реставратора А. Ф. Митрохина, но и может послужить основой для дальнейших исследований.

Ключевые слова: А. Ф. Митрохин, биография, реставрация, Эрмитаж, искусство, живопись, реставрация живописи, Большеохтинское кладбище.

Список литературы

Алешин, А. Б. Реставрация станковой масляной живописи в России: развитие принципов и методов. Ленинград: Художник РСФСР, 1989. 158 с.

Вилинбахов, Г. В., Бахарева, Н. Ю. Мальтийский орден. История ордена в произведениях из собрания Эрмитажа. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2015. 49 с.

Гамалов-Чураев, С. А. Реставратор 9-го класса Андрей Митрохин // Старые годы. 1916. Апрель–июнь. С. 51–66.

Горбачевич, К., Хабло, Е. Почему так названы улицы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Норинт, 2007. 347 с.

Грабарь, И. Э. Исследования, реставрация и охрана памятников. О древнерусском искусстве. Москва: Наука, 1966. 387 с.

Захаров, В. А. Император Павел I и Орден святого Иоанна Иерусалимского. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 281 с.

Звегинцов, В. В. Русская армия (1700–1917 гг.). В 7 ч. Ч. 1: Формирование частей – по царствованиям и родам войск. Париж, 1961. 242 с.

Керсновский, А. А. История русской армии. Ч. 1: От Нарвы до Парижа (1700–1814). Белград: Издание «Царского Вестника», 1933. 256 с.

Кириков, Б. Улица Желябова / Большая Конюшенная. Ленинград: Товарищество «Свеча», 1990. 78 с.

Кукольник, Н. В. Андрей Филиппович Митрохин // Иллюстрация: Еженедельное издание всего полезного и изящного. 1846. Т. 2. № 14. С. 219–220.

Левинсон-Лессинг, В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Москва: Искусство, 1985. 407 с.

Орлова, К. А. Новые данные о реставраторе А. Ф. Митрохине [1766–1845] // Сообщения Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Т. 23. Ленинград: Аврора, 1962. С. 31.

Орлова, К. А. Деятельность А. Ф. Митрохина в Эрмитаже (1801–1845 гг.) // Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Сообщения. Москва: ВЦНИЛКР, 1975. С. 179–190.

Фридендер, М. Об искусстве и знаточестве. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: Андрей Наследников, 2013. 205 с.

Nikogosyan, M. (2012). The Restoration of Paintings at the Imperial Hermitage (Saint Petersburg) at the Beginning of the 19th Century, *CeROArt [Online]*, HS, <http://journals.openedition.org/ceroart/2344> (date of access 25.04.2024).

Сведения об авторах

Окрошидзе Лия Гурамиевна, исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, деканат, старший инспектор, Q-ART Gallery, искусствовед-исследователь, г. Москва, Российская Федерация, 8-985-738-09-48, vaudetar@gmail.com

ORCID 0000-0003-4685-7619

Юренков Артём Константинович, референт Секретариата заместителя Председателя Правительства Российской Федерации – Руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-985-48-19, ak.gov@yandex.ru

В редакцию статья поступила 05.04.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Document publication

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-810-830

For citation

Okroshidze, Liya G., Yurenkov, Artyom K. (2024). New documents to the biography of the Russian restorer Andrei Filippovich Mitrokhin. 1765–1845, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 810–830, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-810-830

Okroshidze, Liya G., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Yurenkov, Artyom K., Secretariat of the Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Head of the Office of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

New Documents to the Biography of the Russian Restorer Andrei Filippovich Mitrokhin. 1765–1845

Abstract

The publication introduces documents that significantly clarify the circumstances of the biography, death and burial of the first Russian restorer Andrei Filippovich Mitrokhin (1765–1845). The circumstances of A. F. Mitrokhin's life, with the exception of his professional activities, have not been practically investigated until recently, and the lack of documentary data contributed to the oblivion of the restorer's personality for many decades. The present publication makes it possible to fill this gap by introducing archival documents into the scientific turnover. A. F. Mitrokhin was born in the town of Toropets, Pskov Province. In his early years he became a pupil of local artist Gavriila Lokhov. He served in the ranks of the Sophia Regiment, and then was assigned to the Office of the stable command. This was followed by a transfer to the position of a court footman in the "painting team" (a group of artists who were universal specialists in finishing, painting, restoration and other works). In 1801 A. F. Mitrokhin joined the Hermitage as a restorer. A. F. Mitrokhin played a crucial role in the development of Russian restoration in the early 19th century, developing new methods of mechanical restoration of easel paintings. Under A. F. Mitrokhin's leadership, a restoration school was organized in the Hermitage, where young students and graduates of the Academy of Arts were taught the basics of restoration of paintings. Subsequently, many of Mitrokhin's pupils became worthy restorers, continuing his work in the Hermitage. At the end of his life, A. F. Mitrokhin wrote a treatise on restoration, which he gave to the Hermitage with the hope of further application of his knowledge and experience. In the middle of the twentieth century the treatise was recognized as lost. In the course of research into the life and work of the restorer, archival documents have been uncovered that make it possible to substantially complete the circumstances of his death, as well as to clarify his financial and social situation in the last months of his life. The documents also show an example of Emperor Nicholas I's care for elderly employees of the court department: the restorer was kept his apartment and salary. The exact indication of the age at which A. F. Mitrokhin died allows us to accurately confirm his date of birth: 1765. The circumstances of the burial

established by the documents allow us to assert that there is practically no chance of finding A. F. Mitrokhin's grave at present. The introduction into the scientific turnover of the revealed collection of documents not only allows to clarify the biography of the first Russian restorer A. F. Mitrokhin, but can also serve as a basis for further research.

Keywords

A. F. Mitrokhin, biography, restoration, Hermitage, art, painting, painting restoration, Bolsheokhtinsky cemetery.

References

- Alyoshin, A. B. (1989). Restoration of easel oil painting in Russia: development of principles and methods, Artist of the RSFSR, Leningrad, RSFSR, 158 p.
- Vilinbakhov, G. V., Bakhareva, N. Y. (2015). Maltese Order. The History of the Order in Works from the Hermitage Collection. State Hermitage Publishing House, St. Petersburg, Russia, 49 p.
- Gamalov-Churaev, S. A. (1916). Restaurateur of the 9th class Andrei Mitrokhin, *Old Years*, April–June, pp. 51–66.
- Gorbachevich, K., Hablo, E. (2007). Why are the streets named like this? On the Origin of the Names of Streets, Squares, Islands, Rivers and Bridges of St. Petersburg, Norint, St. Petersburg, Russia, 347 p.
- Grabar, I. E. (1966). Research, restoration and protection of monuments. On the Old Russian art, Nauka, Moscow, Russia, 387 p.
- Zakharov, V. A. (2020). Emperor Paul I and the Order of St. John of Jerusalem, Aleteia, St. Petersburg, Russia, 281 p.
- Zvegintsov, V. V. (1961). Russian Army (1700–1917). In 7 ch., Ch. 1, Formations of units – by reigns and genera of troops, Paris, 242 p.
- Kersnovsky, A. A. (1933). History of the Russian Army. Ч. 1: From Narva to Paris (1700–1814), Edition of the “Tsarsky Vestnik”, Belgrade, 256 p.
- Kirikov, B. (1990), Ulitsa Zhelyabova / Bolshaya Konyushennaya, Partnership “Svecha”, Leningrad, USSR, 78 p.
- Kukolnik, N. V. (1846). Andrei Filippovich Mitrokhin, *Illustration: Weekly edition of all useful and elegant*, vol. 2, № 14, pp. 219–220.
- Levinson-Lessing, V. F. (1985). History of the Hermitage Picture Gallery (1764–1917), Art, Moscow, Russia, 407 p.
- Orlova, K. A. (1962). New data on the restorer A. F. Mitrokhin [1766–1845], *Reports of the State Hermitage Museum*, vol. 23. Aurora, Leningrad, USSR, p. 31.
- Orlova, K. A. (1975). Activity of A. F. Mitrokhin in the Hermitage (1801–1845). IN: All-Union Central Research Laboratory for Conservation and Restoration of Museum Art Valuables, Reports, VTSNILKR, Moscow, USSR, pp. 179–190.

Friedländer, M. (2013). About art and connoisseurship, 2nd revised., Andrei Naslednikov (ed.), St. Petersburg, Russia, 205 p.

Nikogosyan, M. (2012). The Restoration of Paintings at the Imperial Hermitage (Saint Petersburg) at the Beginning of the 19th Century, CeROArt [Online], HS, <http://journals.openedition.org/ceroart/2344> (date of access 25.04.2024).

About the authors

Okroshidze, Liya G., Lomonosov Moscow State University, Faculty of History, Dean's Office, Senior Inspector, Q-ART Gallery, art historian-researcher, Moscow, Russian Federation, +7-985-738-09-48, vaudetar@gmail.com

ORCID 0000-0003-4685-7619

Yurenkov, Artyom K., Desk Officer, Secretariat of the Deputy Prime Minister of the Russian Federation – Chief of Staff of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, +7-495-985-48-19, ак.gov@yandex.ru

The article was received in the editorial office on 05.04.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Документальная публикация

УДК 93/94+910.2+091+651.9+912.44+912.43+913+910.3+528.067.4+910.26+930.85+910.22+339.5.025.7+339.544+339.5+339.924+334.723+334.728+339.944.2+520.3+520.8+520/524+527.6+527.8+524.3(084)
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-831-848

Для цитирования

Филиппова, Т. П. Дневник академика Ф. Н. Чернышева о работе российской-шведской экспедиции по градусным измерениям на архипелаге Шпицберген в 1900 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 831–848, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-831-848

Филиппова, Т. П.

Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук,
г. Сыктывкар, Российская Федерация

Дневник академика Ф. Н. Чернышева о работе российско-шведской экспедиции по градусным измерениям на архипелаге Шпицберген в 1900 г.

Обращение современных ученых к истории арктических исследований обусловлено новым осмыслением роли Арктики в развитии мировой цивилизации и пристальным общественным вниманием к ее будущему развитию¹. На протяжении веков российские ученые и путешественники занимали лидирующую позицию в деле освоения полярных областей. Одним из значимых событий стало участие ученых России в экспедиции по градусным измерениям на архипелаге Шпицберген в 1899–1901 гг., организованной по линии Императорской Санкт-Петербургской академии наук совместно со Шведской королевской академией наук. Ее результаты заложили основы современного изучения полярных территорий, а также имели фундаментальное значение для определения формы и размеров Земли².

История этого международного научного проекта остается под пристальным вниманием ученых и сегодня³. Исследователями подробно освещены вопросы организации и ключевые

результаты экспедиции, проделана значительная работа по изучению научного наследия ученых, участников этого мероприятия. Однако, несмотря на это, в фондах архивов и музеев страны хранятся документальные свидетельства об изучении Шпицбергена в 1899–1901 гг., которые не введены в научный оборот.

Информативным комплексом исторических свидетельств об изучении Шпицбергена в 1899–1901 гг. являются документы к научной биографии руководителя российского состава экспедиции академика Феодосия Николаевича Чернышева (1856–1914). В фонде 13 «Комиссия Академии наук по градусному измерению на островах Шпицбергена» Санкт-Петербургского филиала Архива РАН сохранились экспедиционные дневники ученого о его поездках на архипелаг. Это записные книги формата А6 в твердом переплете, объемом около 100 страниц. Пять тетрадей за 1899 г., по две тетради за 1900 г. и 1901 г.⁴ В фонде отложились и машинописные тексты дневников⁵, которые, вероятно, ученый готовил к печати, но опубликованы они не были.

Идея о проведении градусных измерений в высоких широтах Арктики, вызванная возросшей необходимостью подготовки точных топографических карт, была высказана в 1823 г. английским путешественником Э. Сэбином. Однако реализации этого замысла было суждено осуществиться только в конце XIX в. В 1897 г. Шведская академия наук обратилась к российским коллегам с предложением провести на Шпицбергене совместные градусные измерения с целью определения степени сжатия Земли. Совместная программа исследований включала широкий круг вопросов: астрономо-геодезические работы, магнитные, метеорологические наблюдения, геологические, гидрологические, гидрографические исследования. В 1899 г. ученые приступили к реализации программы геодезических работ, которая подразумевала измерение дуги меридиана при помощи 22 полных треугольников. Район исследований включал обширную область от южной оконечности Шпицбергена до севера архипелага. Задачи экспедиции были настолько обширны, что для их реализации понадобилось три года.

Данная публикация представляет дневниковые записи Ф. Н. Чернышева в период его поездки на Шпицберген в 1900 г. Документ охватывает события с 14 мая по 15 июля 1900 г. От момента прибытия российского состава экспедиции в г. Трондгейм (Норвегия) до отъезда Ф. Н. Чернышева со Шпицбергена, в связи с его участием в Международном геологическом конгрессе в Париже.

Основными целями работы экспедиции в 1900 г. были эвакуация участников шведской и российской зимовок⁶, организованных в 1899 г., и проведение научных исследований в соответствии с планом экспедиции. В своем дневнике Ф. Н. Чернышев подробно зафиксировал маршрут передвижения участников поездки, ход научных изысканий и их результаты, а также трудности, с которыми столкнулись ученые на Шпицбергене. Деятельность экспедиции в 1900 г. Ф. Н. Чернышев описывал как более трудную, чем в 1899 г. Причиной тому стала сложная ледовая обстановка, препятствовавшая передвижению судов экспедиции. Объединенными усилиями ученые продолжили намеченные исследования, проводили геодезические и топографические работы. Шведские ученые, несмотря на попытки, так и не смогли добраться до места шведской зимовки в заливе Трейренберг (север Шпицбергена), и были вынуждены завершить работу, не выполнив план намеченных исследований.

Российские ученые под руководством Ф. Н. Чернышева в 1900 г. приступили к работе по изучению внутренней части Шпицбергена, совершая переходы островов по материковому льду. В результате, несмотря на трудности, ученым России удалось установить связь между сигналами северной и южной триангуляциями на Шпицбергене. 31 августа 1900 г. все российские суда благополучно вернулись в Норвегию.

Экспедиционный дневник Ф. Н. Чернышева представляет собой уникальный памятник прошлого о научном изучении Арктики. Регулярные путевые записи ученого последовательно зафиксировали ход событий, что является ценной ретроспективной информацией для изучения истории экспедиции на Шпицберген в 1899–1901 гг. Содержание документа демонстрирует пример подвигов российских ученых, исследовавших

полярные территории, несмотря на трудности и опасность в укреплении роли России в освоении арктических рубежей.

№ 1

Дневник Ф. Н. Чернышева. 1900 г.

14 мая. Прибыл в [город] Трондгеймъ. Застал уже пришедшим «Бакан»⁷. [...]

21 [мая]. В 10 часов утра бросили якорь в Тромзо⁸. Все окрестные горы в снегу. Два дня тому назад ушел на Шпицберген Свенскзунд. Сегодня праздник Троицы у норвежцев. Погрузку угля начнут только завтра. В 10 часов вечера пришел с моря Рюрик.

22 [мая]. В 5 часов утра пришел Ледокол, задержанный по пути туманом. Кончена погрузка угля на Бакан. Завтра погрузитесь углем Ледокол, и завтра же в 7 часов вечера собираемся уйти в море. Сегодня относительно теплый, хороший день, надо пользоваться благоприятной погодой, чтобы урвать удачное время для перехода на Шпицберген.

23 [мая]. Сегодня все приготовления к отходу кончены. [...] В 7 часов мы подняли якоря, чтобы идти на Шпицберген.

24 [мая]. Погода для перехода выбрана действительно удачная: барометр все время чертил почти прямую линию. [...] За первые сутки пройдено 195 миль. Ждем, что завтра покажется Медвежий остров⁹.

25 [мая]. Медвежий остров действительно открылся в 2 часа ночи, но вместе с тем показалось довольно много морского льда. [...] Около 4 часов дня лед оказался настолько сплоченным, что и нашему Ледоколу стало трудно пролагать дорогу. Пришлось отклониться к западу и искать края льда, где лед более разбит. [...] Наш лоцман сомневается из-за возможности попасть немедленно в Горнзунд¹⁰. По его мнению, лето в этом году сильно запоздало, и мы, пожалуй, несколько рано сунулись на север. Несмотря, однако, на все препятствия, постепенно, шаг за шагом отвоевываем близость свидания с товарищами в Горнзунде. [...]

В 4 ч. утра [...] открылся Súdсар [Сёркапп]¹¹. Выйдя на палубу, я увидел чудную картину, поразительную по освещенности и ясности. Со всею отчетливостью выступили островки

Südcar'a [Сёркаппа] и весь берег до первого большого ледника. В 8 ч.[асов] утра мы вступили в Горнзунд, а в 9 ½ ч.[асов] уже отчетливо видели нашу зимовку, с поднятым над домом флагом. Ледокол шел вперед, Бакан несколько сзади. С Бакана был сделан салют в 21 выстрел и на берегу ответили спуском флага. В это время по направлению к нашим судам уже отделилась шлюпка зимующих, в которой прибыли Бунге¹², Бейер¹³ и Васильев¹⁴. Горячий привет, масса рассказов и воспоминаний – все это поглотило весь день, и к вечеру все собралось в доме, чтобы выслушать массу недосказанных рассказов. Зимовка прошла вполне благополучно. Были приступы скорбунных заболеваний, скоро, однако, прошедшие. Зимой часто приходили белые медведи, и их удалось убить 13 штук. Молодой медвежонок пойман живым и находится в клетке.

[...] Еду на берег. Сергиевский¹⁵, Ахматов¹⁶ и Сикора¹⁷ находятся на горе Кейльхау¹⁸. Сигналы оказались никуда не годными. В течение зимы бурями сигнал на горе Кейльхау повален и согнут. [...]

28 [мая]. В Горнзунде начинают появляться все более и более птицы. [...] В 6 ч.[асов] вечера все собрались на берегу, где Бунге решил отпраздновать приход русских судов. Только что уселись за стол, как пришли с известием, что возвращается Сергиевский с Сикорой. Все бросились к ним навстречу. Радость полная. Ахматов остался на горе Кейльхау, чтобы закончить качание маятника. Не особенно утешительны известия и состоянии льдов в Стурфиорде¹⁹: льда масса. Сигналы занесены снегом, а поставленный на горе Кейльхау даже сворочен штормом. Сергиевскому пришлось ограничиться только астрономической работой, которая сделана безупречно. В 10 ч.[асов] вечера пришел в Горнзунд и Рюрик. Таким образом, вся экспедиция в сборе. [...] Теперь остается только поскорей отправить известия на родину. [...]

29 [мая]. Начались длительные приготовления к переходу на сигналы. [...] После совещания с Д. Д. Сергиевским я остановился на следующем плане. Васильев отправится на собаках по известному уже ему пути на Геджехог²⁰. Его будет сопровождать О. О. Сикора, которому предстоит вернуться обратно к Горнзунду [...]. Шенрока²¹ и Зигеля²² высадим

у [мыса] Зюд-Кап, а затем сделаем попытку добраться до [мыса] Уолес-Хед, где предполагаю высадить Костинского²³ и Педашенко²⁴. Сергиевский и [Н. И.] Кудрявцев попытаются выйти у [мыса] W.Point [Уолес-Пойнт]²⁵ и там очистить сигнал, в настоящее время совершенно занесенный снегом. Устроивши таким образом партии геодезистов, я пойду на север к Датским островам, где познакомимся с положением льдов на севере. [...]

30 [мая]. Корреспонденция вся закончена, погрузка угля также и Рюрик идет в час дня в Тромзо, откуда полагает вернуться около 8–10 июля. Теперь идут деятельные приготовления к походу в Стурфиорд. [...]

31 [мая]. В 9 [часов] вечера на баркасе и норвежской шестерке отправились в бухту «Адриа» Васильев, Сикора, шесть поморов. [...]

2 [июня]. Предполагалось идти сегодня в Стурфиорд, но Сергиевский просил отложить отъезд из-за сборов партии. [...]

3 [июня]. Утром окончательно приготовились к походу и в 2 ч.[аса] дня вышли в море для следования к [мысу] Зюд-Капу для высадки там Зигеля и Шенрока. [...] В густом тумане обогнули Зюд-Кап.

4 [июня]. [...] В 4 часа дня туман несколько рассеялся, оказалось, что к западу от нас, сплотившись, лед заполняет [бухту] Уолес-Бай. [...] В одиннадцатом часу вечера отправились на берег с партией Костинского. [...]

5 июня. В 6 ½ [часов] утра вернулись на Бакан [...] В 3 часа дня мы стали на якорь у подножия Геджехог. Признаков Васильева у пирамиды мы не видели, и потому Сергиевский отправился на сигнал. [...]

6 [июня]. В 3 часа утра вернулся с Геджехога Сергиевский и сообщил, что Васильев уже на сигнале, а Сикора ушел в Горнзунд. В 9 ч.[асов] снялись с якоря у Геджехога и пошли к гавани Бетти. [...] В 2 ч.[аса] дня отправились к югу от глетчера Кейльхау, где разбили стан для Зигеля и Шенрока. [...] На вершине Кейльхау мы были в 12 ч.[асов]. [...]

7 [июня]. К 6 ч.[асам] вечера 7 июня пирамида была готова. [...] В 9 ч.[асов] вечера вернулись обратно к шлюпкам

и стану на берегу, но уйти тотчас на судно не могли, т.[ак] к.[ак] было время прилива и обнаружались все буруны, идущие вдоль берега. [...]

8 [июня]. Пришлось остаться на берегу до 3 ч.[асов] утра 8 июня. В это время поднялся весьма сильный ветер [...]. Разыгралось сильное волнение, и наш катер с трудом мог выгрести, лишь к 5-ти часам утра до Бакана. После 36-часовой работы и непрерывного бодрствования все мы повалились спать. На мне не осталось ни одной сухой нитки, так захлестало волнами. [...]

9 [июня]. К удивлению и разочарованию, на катер утром в 8 часов прибыл Ахматов, который сообщил, что часть построенной пирамиды съехала. [...] Как это ни грустно, но пришлось вновь снарядить партию [...] и послать ее для исправления пирамиды. [...] Приходится опять ждать. [...]

10 [июня]. Утром видна в бинокль готовая пирамида. [...] В 9 $\frac{3}{4}$ [часов] мы подняли якорь и вышли в Горнзунд. [...]

11 [июня]. В 2 $\frac{1}{4}$ часа ночи обошли [мыс] Зюд-Кап и все, следуя при ясной погоде, пошли на север к Горнзунду. [...] Вскоре мы увидели Рюрика, идущего также в Горнзунд. В 8 ч.[асов] утра мы бросили якорь в Горнзунде. Оказалось, что Рюрик запоздал из-за массы льда, встреченного на пути от Горнзунда до Медвежьего острова. [...] Вечером отпраздновали день Ивана Купала. Жгли на берегу бочку, фальшфейера²⁶ и ракеты.

12 [июня]. Сегодня погрузка угля на Бакан и прием грузов с Рюрика. Завтра собираемся идти на Север.

13 [июня]. В 7 ч.[асов] утра Рюрик ушел с Сикорой и поморами в Стурфиорд, а в 2 ч.[аса] дня и Бакан, приняв новый запас воды, поднял якорь, чтобы идти на север. [...]

14 [июня]. В 12 ч.[асов] дня были у входа в [залив] Айсфиорд. Здесь полная тишина. Море как зеркало. [...]

15 [июня]. С утра снег и густой туман. Придется несколько переждать с выходом. [...] За сегодня мною снята полная панорама северного и южного берега [залива] Айсфиорда. [...]

16 [июня]. [...] Взяли курс на NO [север] ближе к матерiku. Налетают частые снежные пурги. Идем малым ходом. [...] В 6 ч.[асов] вечера мы дошли до траверса Датского пролива. [...]

Я решил пойти на шлюпке к гавани Вирго. Совершенно беспрепятственно мы прошли до северной оконечности гавани Вирго. [...] Далее идти на шлюпке было невозможно, поэтому мы поднялись на берег и пошли пешком. Едва мы прошли первую долину, и с пригорка увидели всю гавань Вирго, забитую льдом, и среди него затерт Свенскзунд. Нас заметили и подняли флаг на судне, а также стали салютовать из ружей в ответ на наше дружное ура. [...] В 10 ½ [часов] вечера мы были на Свенскзунде. Веселый, гостеприимный прием нас ждал со стороны шведской экспедиции. Оказалось, что при выходе из Горнзунда шведы двинулись на север. [...] Придя в гавань Вирго, [Свенскзунд] оказался в совершенно замкнутом кольце льда, среди которого и оставался почти три недели. [...] В половине первого ночи мы распрощались со шведскими коллегами и отправились обратно к своей шлюпке, увязая зачастую по пояс в снегу. [...]

17 [июня]. В 3 ½ [часа] утра мы подошли к Бакану. [...] В часов десять вечера из-за тумана вырисовывался силуэт Свенскзунда, успевшего тоже добраться до [пролива] Бельзунда. [...]

18 [июня]. В час дня собрался на экскурсию. [...] К сожалению, у меня было мало времени. [...] Утром Бакан должен был идти в Горнзунд. [...] Почти полторы версты мы пробирались в сплошном льду, и только благодаря молодецкой работе моих мезенцев, я добрался до Бакана в 4 ½ часа утра. [...]

19 [июня]. В 8 ч.[асов] утра Бакан поднял якорь и пошел в Горнзунд. Свенскзунд ушел в Стурфиорд еще накануне в 9 ч.[асов] вечера. В 8 ч.[асов] вечера мы были на якоре у цели нашего путешествия. В машине оказалась поломка кингстонного штока. [...]

20 [июня]. Сегодня весь день ушел на поправку машины, которая оказалась серьезнее, чем думали раньше.

21 [июня]. В 9 ½ ч.[асов] утра подняли якорь и вышли из Горнзунда. Погода чудная. Освещение гор безупречное. Все время фотографировал в пути. Весь берег был виден почти на 70 миль. [...] Когда мы проходили створ гавани Бетти, то заметили налево от него Свенскзунд. Свенскзунд нам просигнализировал: «Добраться до мыса Агард, заблокированного льдом,

я не смог. Ледокол и Рюрик 5 ч.[асов] стоят во льду в бухте Уолес». [...] После обмена сигналами мы пошли объединенно в [бухту] Уолес-Бай. [...]

22 [июня]. В 4 часа утра, имея на NW [северо-запад] в милях 12 вход в Уолес-Бай, Бакан приостановился. [...] Тут мы встретили идущую вдоль берега сплоченную полосу льда, которая отрезала бухту. [...]

23 [июня]. В течение ночи мы добрались до параллели Геджехога. [...] Оставалось только 25 миль до У.[олес] Хед, и мы сделали попытку дойти до этой бухты, но безуспешно: в милях 12 от входа нас ждал опять лед сплоченной массой. [...] В 4 ч.[аса] Свенскзунд забрал нашу, наскоро написанную почту и ушел на юг. [...] Ввиду незначительности угля, нам стало слишком рискованно дольше ждать вскрытия W. Вау [Уолес-Бай]. [...]

24 [июня]. В 4 часа ночи прошли гавань Бетти. Ни следов Ахматова, ни Зигеля не видно. [...] В 2 ½ часа пополудни бросили якорь в гавани Гоес. Вечером собрались у зимовки. В 9 ½ ч.[асов] вечера показался неожиданно Ледокол, а за ним и Рюрик. На Ледоколе пришли все геодезисты, кроме Ахматова, Зигеля, Костинского и Педашенко. Геджехог кончен. [...]

26 [июня]. [...] В 12 ч.[асов] ночи Рюрику сдана вся почта и принят от него весь уголь. В первом часу ночи он ушел в Тромзо.

27 [июня]. Сегодня окончательные приготовления к экспедиции в Айсфиорд и Стурфиорд. [...] В 11 ч.[асов] вечера съехал с берега, несмотря на волнение.

28 [июня]. Утром порывы стали все чаще и чаще и, наконец, перешли в сплошной шторм. В час дня вдруг раздался толчок после травления каната. Тотчас же был дан полный ход и приостановлен был дрейф судна. Выбрали якорную цепь и якорь, который оказался с проломанными веретенами [...]. Нам не оставалось ничего лучшего, как выбраться в океан и держаться у входа в Горнзунд. [...]

29 [июня]. В 6 ½ [часов] утра вошли в Гоес-гавань. [...] Сегодня окончательная погрузка всех экспедиционных инструментов и запасов для обеих партий, идущих в Стурфиорд и Айсфиорд. [...]

30 [июня]. После обеда забрали с зимовки пианино и собак. [...] В 4 ч.[аса] подняли якорь и пошли в [залив] Айсфиорд. Уже при выходе из Горнзунда встретили густой лед. [...]

1 июля. В 4 ½ [часа] вечера были на траверсе Айсфиорда, на который и повернули. [...] Через два часа после нашего прихода в [залив] Адвент-Бай явился громадный пароход с 360 туристами «Август Виктория». Всю ночь шатание туристов на берегу.

2 [июля]. [...] Целый день туристы шатались на Бакан. Вечером проводили туристов. Васильев делает наблюдения на берегу. [...]

4 [июля]. Вчера и сегодня жаркие дни. Очевидно, лето вступило в свои права. Идем в [залив] Класс Биллен Бай узнать состояние льда. [...]

5 [июля]. [...] Вернулся обратно к 7 ч.[асам] вечера. Еще ранее в 3 ½ ч.[аса] дня пришел Свенскзунд. Попытка его пройти в Стурфиорд не удалась. [...]

6 [июля]. Сегодня окончена погрузка угля. [...] Вечером окончательно распростались с баканцами и шведами, и в час ночи Рюрик вышел из [залива] Адвент-Бай.

7 [июля]. Благополучно прошли [пролив] Бельзунд, но южнее в 11 ½ ч.[аса] утра вошли против ледника Торелля в лед. [...] В 3 ½ часа, находясь почти на траверсе Горнзунда, встретили густой туман. [...]

8 [июля]. Утром встретили тот же туман [...]. К сожалению, чем ближе к Горнзунду, тем более оказывается сплоченным лед. [...] Лишь в 6 ч.[асов] утра добрались до входа в Горнзунд [...].

9 [июля]. В сплошном льду мы шли до 12 часов дня и почти потеряли надежду на возможность добраться до гавани Гоес. Подали свистки и на мысе показались пять человек из зимующих. [...] Лишь в 7 ч.[асов] 10 м.[инут] мы добрались до якорного места в гавани Гоес. [...]

10 [июля]. Сегодня с 10 ч.[асов] утра стало ясно, что можно рискнуть идти в море. [...] В 11 ч.[асов] утра взяли курс на выход из Горнзунда. [...] Таким образом, окончилось наше четырехдневное сидение во льду. [...]

12 [июля]. Все утро шли вдоль полосы льда, тянувшегося шириной миль 15 вдоль берега Шпицбергена. [...] Обогнули

Зюдь Капа. [...] В 2 ч.[аса] дня курс прямо на [мыс] W.Point [Уолес-Пойнт]. В 7 ч.[асов] весь лед более сплоченный. В 2 часа ночи перешли на более свободную воду. Ждать Ледокола оказалось бесполезно, так как было мало шансов, что он решится пробиваться через пояс льда ради встречи с Рюриком. По-видимому, самое разумное идти в Тромзо.

13 [июля]. В 2 ½ ч.[аса] спустился довольно густой туман и довольно сильно сократил видимый горизонт. Ничего не оставалось, как идти прямо в Тромзо. [...]

15 [июля]. В 8 ½ ч.[асов] утра завидели впервые сквозь туман берега Норвегии. [...] Надеюсь, что во второй половине июля кончатся все бедствия от льдов. Желаю Вам, всем моим товарищам, полного успеха. [...]

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–11 об.

Примечания

¹ Beyers, M. (2013). *International Law and the Arctic*, Cambridge University Press, Cambridge, 314 p.; Кульчицкий, В. Б. Освоение европейского северо-востока России. Саратов: Саринфо, 2014. 340 с.; Bruno, A. (2016). *The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History*, Cambridge University Press, Cambridge, 288 p.; Державин, В. Л., Старков, В. Ф. Проблемы освоения морского побережья и островов Европейской Арктики в XVI–XVIII вв. // *Вестник Томского университета. Серия: История*. 2017. № 49. С. 78–82; Офицера, Н. В. Природные ресурсы регионов в советском индустриальном проекте в 1920 – начале 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера) // *Научно-технические ведомства СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2017. Т. 8. № 1. С. 26–34; Wilson Rowe, E. W. (2018). *Arctic Governance: Power in Cross-Border Cooperation*, Manchester University Press, Manchester, 176 p.; Alekhina, N. V., Andrianova, M. D., Stepantseva, O. A., Uspenskaya, A. V. (2020). “The Arctic and the Northeast Passage in History, Fiction, Culture and Political Science”, *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*, № 434 (012006), pp. 1–9; Бровина, А. А. Научное освоение европейского Севера России (конец XIX – первая половина XX в.). Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. 576 с.

² Чернышев, Ф. Н. Русская экспедиция на Шпицберген // *Мир божий*. 1901. № 2. С. 223–284; Баклунд, О. О. Ф. Н. Чернышев и градусные

измерения на Шпицбергене // Известия Русского географического общества. 1914. Т. L. Вып. 8. С. 445–454; Чернышев, Ф. Н. Работы экспедиции по градусным измерениям на Шпицбергене в 1901 г. // Известия Академии наук. 1902. Т. XVI. № 4. С. 133–136; Васильев, А. В. На Шпицберген и по Шпицбергену во время градусного измерения. Одесса: Коммерческая типография Б. И. Сапожникова, 1915. 197 с. и др.

³ Chernouss, S., Sandahl, I. (2008). “Comparison and significance of auroral studies during the Swedish and Russian bilateral expedition to Spitsbergen in 1899–1900”, *Annales Geophysicae*, № 26, pp. 1127–1140; Беляев, Д. П. Наука в интересах геополитики: российско-шведская экспедиция на архипелаг Шпицберген // Вестник МГТУ. 2013. Т. 16. № 2. С. 267–270; Филиппова, Т. П. Дневник В. Н. Вебера о работе российско-шведской экспедиции по градусным измерениям на архипелаге Шпицберген в 1901 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 713–724; Shabalina, O. V., Kazakova, K. S. (2022). “Inter-academic cooperation in the Arctic during the 1898–1901 Swedish-Russian Arc-of-Meridian expedition: Based on materials from the Russian Academy of Sciences Archives”, *Polar Record*, vol. 58, № 55, pp. e14.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 13. Оп. 1. Д. 85, 86.

⁵ Там же. Д. 84.

⁶ В 1899 г. в бухте Гюес в заливе Хорнсунн (запад Шпицбергена) был заложен русский поселок Константиновский. В нем на первую зимовку на Шпицбергене в 1899–1900 гг. оставалось 19 человек под руководством геодезиста Д. Д. Сергиевского. Участники зимовки продолжали выполнять программу намеченных исследований архипелага согласно плану работ экспедиции.

⁷ Совместная эскадра экспедиции в 1900 г. включала российские суда – «Бакан», «Ледокол 2», пароход «Рюрик», зафрахтованный в Швеции, и шведское судно «Свенскзунд».

⁸ Тромзо [современное название – Тромсё] – порт в северной части Норвегии.

⁹ Медвежий – остров в западной части Баренцева моря.

¹⁰ Горнзунд [современное название – Хорнсунн] – залив на западной стороне южной оконечности Шпицбергена.

¹¹ Земля Сёркап – территория к югу от залива Хорнсунн.

¹² Бунге Александр Александрович (1851–1930), доктор медицины, зоолог.

¹³ Бейер Артур Робертович (1863–?), физик, метеоролог.

¹⁴ Васильев Александр Семенович (1868–1947), геодезист, астроном.

- ¹⁵ Сергиевский Дмитрий Дмитриевич (1867–1920), геодезист.
- ¹⁶ Ахматов Виктор Викторович (1875–1934), гидрограф, астроном, геодезист.
- ¹⁷ Сикора Иосиф Иосифовичу (1870–1944), астроном, геодезист.
- ¹⁸ Кейльхау [современное название – Кейльхауфьеллет] – гора на Земле Сёркапп, самый южный триангуляционный пункт экспедиции.
- ¹⁹ Стурфиорд [современное название – Стур-фьорд] – пролив на восточном побережье Шпицбергена.
- ²⁰ Геджехог [современное название – Хеджхогфьеллет] – гора на Земле Сёркапп.
- ²¹ Шенрок Александр Михайлович (1853–1937), геофизик, метеоролог.
- ²² Зигель Михаил Михайлович (1866–?), топограф.
- ²³ Костинский Сергей Константинович (1867–1936), астроном.
- ²⁴ Педашенко Александр Дмитриевич (1864–1925), астроном.
- ²⁵ Уолес-Поинт – мыс, основное место для измерения базисной сети экспедиции.
- ²⁶ Фальшфейер – пиротехнический сигнальный огонь.

Аннотация

Документальная публикация актуализирует внимание на роли научно-го сообщества России в изучении и освоении арктических территорий. Впервые публикуется экспедиционный дневник Ф. Н. Чернышева о его поездке на архипелаг Шпицберген в 1900 г., которая была осуществлена в рамках российско-шведской экспедиции по градусным измерениям на архипелаге в 1899–1901 гг., организованная по линии национальных академий наук двух стран. Научное мероприятие стало одним из крупных международных проектов в изучении полярных территорий на рубеже XIX–XX столетий. Результаты экспедиции по измерению дуги меридиана заложили основы современного изучения Арктики, а также имели фундаментальное значение для определения формы и размеров Земли. Российский состав экспедиции на протяжении трех лет возглавлял известный российский ученый, опытный исследователь Севера, геолог Ф. Н. Чернышев. Уникальный исторический источник сохранился в фонде 13 «Комиссии Академии наук по градусному измерению на островах Шпицбергена» Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, где среди документов, свидетельствующих об истории этой экспедиции, сохранились дневники Ф. Н. Чернышева, которые он вел в период научных поездок на архипелаг. Экспедиционный дневник 1900 г. зафиксировал подробности работы российского

состава экспедиции в период второго года исследований на Шпицбергене. События охватывают период с 14 мая 1900 г., когда российская экспедиция прибыла в норвежский г. Трондгейм, и до 15 июня 1900 г., в этот день Ф. Н. Чернышев покинул Шпицберген в связи с поездкой на Международный геологический конгресс. Выявленный источник обладает значительным информационным потенциалом, поскольку происходит детально зафиксировано регулярными путевыми записями, что является ценной ретроспективной информацией для изучения истории экспедиции. Ежедневные заметки Ф. Н. Чернышева отражают различные аспекты экспедиционной деятельности: подробно описывают маршрут следования ученых, ход работы на архипелаге, сложности научной деятельности в условиях сурового арктического климата, результаты проведенных изысканий. Данный дневник значительно расширяет источниковую базу для исследований истории российско-шведской экспедиции на Шпицбергене в 1899–1901 гг. Содержание документа демонстрирует, какими усилиями достигались высокие результаты российского научного сообщества в освоении арктического пространства на рубеже XIX–XX столетий, что позволило современному поколению осмыслить этот уникальный исторический опыт.

Ключевые слова: исторический источник, изучение Арктики, экспедиционный дневник, ученый-геолог Ф. Н. Чернышев, архипелаг Шпицберген, измерение дуги меридиана, история науки.

Список литературы

- Баклунд, О. О. Ф. Н. Чернышев и градусные измерения на Шпицбергене // Известия Русского географического общества. 1914. Т. L. Вып. 8. С. 445–454.
- Беляев, Д. П. Наука в интересах геополитики: российско-шведская экспедиция на архипелаг Шпицберген // Вестник МГТУ. 2013. Т. 16. № 2. С. 267–270.
- Бровина, А. А. Научное освоение европейского Севера России (конец XIX – первая половина XX в.). Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. 576 с.
- Васильев, А. В. На Шпицберген и по Шпицбергену во время градусного измерения. Одесса: Коммерческая типография Б. И. Сапожникова, 1915. 197 с.
- Державин, В. Л., Старков, В. Ф. Проблемы освоения морского побережья и островов Европейской Арктики в XVI–XVIII вв. // Вестник Томского университета. Серия: История. 2017. № 49. С. 78–82.
- Кульчицкий, В. Б. Освоение европейского северо-востока России. Саратов: Саринфо, 2014. 340 с.

Офицерова, Н. В. Природные ресурсы регионов в советском индустриальном проекте в 1920 – начале 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера) // Научно-технические ведомства СПбГПУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 1. С. 26–34.

Чернышев, Ф. Н. Работы экспедиции по градусным измерениям на Шпицбергене в 1901 г. // Известия Академии наук. 1902. Т. XVI. № 4. С. 133–136.
Чернышев, Ф. Н. Русская экспедиция на Шпицберген // Мир божий. 1901. № 2. С. 223–284.

Alekhina, N. V., Andrianova, M. D., Stepanitseva, O. A., Uspenskaya, A. V. (2020). "The Arctic and the Northeast Passage in History, Fiction, Culture and Political Science", *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*, № 434 (012006), pp. 1–9.

Beyers, M. (2013). *International Law and the Arctic*, Cambridge University Press, Cambridge, 314 p.

Bruno, A. (2016). *The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History*, Cambridge University Press, Cambridge, 288 p.

Chernouss, S., Sandahl, I. (2008). "Comparison and significance of auroral studies during the Swedish and Russian bilateral expedition to Spitsbergen in 1899–1900", *Annales Geophysicae*, № 26, pp. 1127–1140.

Shabalina, O. V., Kazakova, K. S. (2022). "Inter-academic cooperation in the Arctic during the 1898–1901 Swedish-Russian Arc-of-Meridian expedition: Based on materials from the Russian Academy of Sciences Archives", *Polar Record*, vol. 58, № 55, pp. e14.

Wilson Rowe, E. W. (2018). *Arctic Governance: Power in Cross-Border Cooperation*, Manchester University Press, Manchester, 176 p.

Сведения об авторах

Филиппова Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований, старший научный сотрудник, г. Сыктывкар, Российская Федерация, 8-909-128-58-57, tanya.tatiana-fil@yandex.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 122040600067-2 «Научные основы выявления, фондирования и изучения документов по истории Российской академии наук на Европейском Северо-Востоке России».

В редакцию статья поступила 31.12.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Document publication

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-831-848

For citation

Filippova, Tat'yana P. (2024). "The diary of Academician F. N. Chernyshev on the work of the Russian-Swedish expedition on degree measurements on the Svalbard Archipelago in 1900", *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 831–848, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-831-848

Filippova, Tat'yana P., Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", Syktывkar, Russia

The diary of Academician F. N. Chernyshev on the work of the Russian-Swedish expedition on degree measurements on the Svalbard Archipelago in 1900

Abstract

The documentary publication draws attention to the role of the Russian scientific community in the study and development of the Arctic territories. For the first time the expedition diary of F. N. Chernyshev about his trip to the Svalbard Archipelago in 1900, which was carried out within the framework of the Russian-Swedish expedition on degree measurements on the archipelago in 1899–1901, organized on the lines of the national academies of sciences of the two countries, is published. The scientific event became one of the major international projects in the study of polar territories at the turn of the XIX–XX centuries. The results of the expedition to measure the meridian arc laid the foundations for the modern study of the Arctic, as well as were of fundamental importance for determining the shape and size of the Earth. The Russian expedition was led for three years by the famous Russian scientist, experienced explorer of the North, geologist F. N. Chernyshev. A unique historical source has been preserved in fond 13 «Commission of the Academy of Sciences for Degree Measurement on the Spitsbergen Islands» of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, where among the documents testifying to the history of this expedition there are the diaries of F. N. Chernyshev, which he kept during his scientific trips to the Archipelago. The expedition diary of 1900 recorded details of the work of the Russian members of the expedition during the second year of research on Spitsbergen. The events cover the period from May 14, 1900, when the Russian expedition arrived in the Norwegian town of Trondheim to June 15, 1900, on which day F. N. Chernyshev left Spitsbergen in connection with his trip to the International Geological Congress. The identified source has a significant informational potential, since the events that took place were recorded in detail by regular travel notes, which

is valuable retrospective information for studying the history of the expedition. F. N. Chernyshev's daily notes reflect various aspects of the expedition activities: they describe in detail the route of the scientists, the progress of work on the Archipelago, the difficulties of scientific activity in the harsh Arctic climate, and the results of research. This diary significantly expands the source base for research into the history of the Russian-Swedish expedition to Spitsbergen in 1899–1901. The content of the document demonstrates the efforts of the Russian scientific community to achieve high results in the development of the Arctic space at the turn of the XIX–XX centuries, which will allow the modern generation to comprehend this unique historical experience.

Keywords

Historical source, Arctic exploration, expedition diary, geologist F. N. Chernyshev, Svalbard Archipelago, measurement of meridian arc, history of science.

References

- Baklund, O. O. (1914). "F. N. Chernyshev and degree measurements on Spitsbergen", *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. L, № 8, pp. 445–454.
- Belyaev, D. P. (2013). "Science in the interests of geopolitics: Russian-Swedish expedition to the Spitsbergen Archipelago", *Vestnik of MSTU*, vol. 16, № 2, pp. 267–270.
- Brovina, A. A. (2022). Scientific development of the European North of Russia (late XIX – first half of XX century, FITs Komi NTs UrO RAN, Syktyvkar, Russia, 576 p.
- Vasil'ev, A. V. (1915). To Spitsbergen and on Spitsbergen during the Degree Measurement, Kommercheskaya tipografiya B. I. Sapozhnikova, Odessa, Russia, 197 p.
- Derzhavin, V. L., Starkov, V. F. (2017). "Problems of development of the sea coast and islands of the European Arctic in the XVI–XVIII centuries", *Tomsk State University Journal, Series: History*, № 49, pp. 78–82.
- Kul'chitskii, V. B. (2014). Development of the European North-East of Russia, Sarinfo, Saratov, Russia, 340 p.
- Ofitserova, N. V. (2017). "Natural resources of regions in the Soviet industrial project in 1920-early 1930s (on the materials of the European North)", *St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*, vol. 8, № 1, pp. 26–34.
- Chernyshev, F. N. (1902). "Works of the expedition on degree measurements on Spitsbergen in 1901", *Izvestiya Akademii nauk*, vol. XVI, № 4, pp. 133–136.
- Chernyshev, F. N. (1901). "Russian expedition to Spitsbergen", *Mir bozhii*, № 2, pp. 223–284.

Alekhina, N. V., Andrianova, M. D., Stepanitseva, O. A., Uspenskaya, A. V. (2020). "The Arctic and the Northeast Passage in History, Fiction, Culture and Political Science", *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*, № 434 (012006), pp. 1–9.

Beyers, M. (2013). *International Law and the Arctic*, Cambridge University Press, Cambridge, 314 p.

Bruno, A. (2016). *The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History*, Cambridge University Press, Cambridge, 288 p.

Chernouss, S., Sandahl, I. (2008). "Comparison and significance of auroral studies during the Swedish and Russian bilateral expedition to Spitsbergen in 1899–1900", *Annales Geophysicae*, № 26, pp. 1127–1140.

Shabalina, O. V., Kazakova, K. S. (2022). "Inter-academic cooperation in the Arctic during the 1898–1901 Swedish-Russian Arc-of-Meridian expedition: Based on materials from the Russian Academy of Sciences Archives", *Polar Record*, vol. 58, № 55, pp. e14.

Wilson Rowe, E. W. (2018). *Arctic Governance: Power in Cross-Border Cooperation*, Manchester University Press, Manchester, 176 p.

About the authors

Filippova, Tat'yana P., PhD historical sciences, Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Department of Humanitarian Interdisciplinary Studies, Senior Researcher, Syktyvkar, Russia, 8-909-128-58-57, tanya.tatiana-fil@yandex.ru

Grant information

The article has been prepared within the framework of fulfillment of the state assignment under the research project № 122040600067-2 "Scientific bases of identification, fondation and study of documents on the history of the Russian Academy of Sciences in the European North-East of Russia".

The article was received in the editorial office on 31.12.2023, recommended for publication on 20.06.2024.

Документальная публикация

УДК 321.022+81'373.23+349.227+347.189+392.77+002.6.048.26+002.66+304.442+304.444+321.8+321.64+321.74+321.74+342.2+349.23+351/354+354+35.072.2+35.072.4+93/94+930.23+930.253

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-849-863

Для цитирования

Сушко, А. В., Петин, Д. И. Секретная почтотелеграмма о кадровой чистке организаций и учреждений связи в Сибири. 17 августа 1928 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 849–863, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-849-863

Сушко, А. В., Петин, Д. И.

Омский государственный технический университет,
г. Омск, Российская Федерация

Секретная почтотелеграмма о кадровой чистке организаций и учреждений связи в Сибири. 17 августа 1928 г.

Актуальность. Формы и методы деятельности спецслужб во все времена имеют универсальную вневременную основу в виде работы с людьми (представителями власти, агентурой, СМИ и т. п.). Эти процессы прямо зависят от общественно-политических условий момента, определяющих роль спецслужб в системе органов власти, от законодательной базы их деятельности, реальных возможностей по (не) соблюдению действующего законодательства, отношения к ним в обществе и др.

Историография. Данная проблематика продолжает оставаться востребованной не только среди академических специалистов в России¹, но и за рубежом². Актуальность изучения этого вопроса связана, в том числе, с тем, что сталинизм является одной из болезненных точек исторической памяти в России. Этот тезис подчеркивает новосибирский историк С. А. Красильников³.

Наряду с общесоюзными обобщениями по данному вопросу, вызывают интерес и региональные аспекты тех процессов, которые демонстрируют как взаимодействие в этом ключе

Центра и периферии, так и позволяют судить о специфике общественно-политической жизни отдельных регионов СССР⁴. Одним из крупнейших и важнейших таких регионов для понимания репрессивных механизмов коммунистического государства была Сибирь⁵. Публикуемая совершенно секретная почтотелеграмма была разослана в августе 1928 г. всем руководителям отделов ОГПУ, окружных контор и отделов связи в Сибирском крае. Время ее появления пришлось на свертывание в СССР новой экономической политики. Общественно-политическая жизнь в стране стала сопровождаться радикальными действиями власти, выливающимися, в том числе, в борьбу с инакомыслием в обществе, подавление внутрипартийной оппозиции, чистки государственного аппарата и массовые политические репрессии.

Научный анализ источника. Приводимый документ (ранее находился на закрытом хранении) выявлен в Государственном архиве Новосибирской области в фонде Западно-Сибирского краевого Совета профсоюзов в деле с политическими сводками, секретной перепиской учреждения-фондообразователя с местной партийной властью и ОГПУ по кадровому вопросу и ведению режимного делопроизводства за 1927–1928 гг. Вшитый в архивное дело среди иных бумаг циркуляр указывал его исполнителям порядок действий, устанавливая алгоритм «очистки» организаций связи от «бывших людей» и иных лиц, являвшихся неблагонадежными для коммунистического государства с точки зрения ОГПУ. Характер информации в документе определил наличие строгого ограничительного грифа, допуская прочтение бумаги, кроме чекистов, только руководителями органов и учреждений связи, которые являлись членами ВКП(б).

Инициатива появления почтотелеграммы, несомненно, исходила от спецслужб. Стоит полагать, в основе публикуемого источника было некое более масштабное по контексту предписание их общесоюзного руководства. Несмотря на межведомственный характер, документ готовили сотрудники полпредства ОГПУ по Сибирскому краю, отвечавшие как за обеспечение безопасности стратегически важных для государства органов связи, так и за проведение государственной политики в отношении «чуждых элементов». Соответственно, главным

должностным лицом, наложившим визу на почтотелеграмму, был полпред ОГПУ по Сибирскому краю Л. М. Заковский (1894–1938). Руководя деятельностью сибирских чекистов с февраля 1926 по апрель 1932 г., он организовал в массе фабрикацию дел и осуждения невинных граждан. Подобно многим устроителям и исполнителям массовых политических репрессий в СССР, он был расстрелян по фальсифицированному обвинению как «немецкий шпион и участник правотроцкистской организации»; не реабилитирован⁶.

Научная значимость публикуемого источника. Подписанный Л. М. Заковским документ представлял собой одно из многочисленных межведомственных указаний, по факту нарушавших закон и постепенно устанавливающих в стране системную практику игнорирования правовых норм в интересах выполнения текущих ведомственных и партийных задач. Как видно из почтотелеграммы, нарушение закона проводилось советскими спецслужбами через органы ВКП(б). Так, постепенно воплощаемый партийным аппаратом порядок приближал страну к драме «большого террора», отчего пострадали представители абсолютно всех сфер советского общества, в том числе и чекистское ведомство.

Важно подчеркнуть межведомственный характер публикуемого документа. Помимо руководителя сибирских чекистов, его подписали должностные лица, возглавлявшие государственные организации связи в крае. В обретавшую системный характер практику игнорирования действующего законодательства в СССР в то время постепенно вовлекались все партийные и советские организации и их руководители. Но при оценке ситуации нельзя возлагать ответственность лишь на органы ОГПУ. Следует согласиться с мнением известного отечественного ведомственного историка А. А. Здановича: «Каково было советское государство, такие у него были и спецслужбы»⁷. В то же время его коллега А. М. Плеханов подчеркивал необходимость всестороннего и взвешенного изучения истории чекистского ведомства, не замалчивая какие-либо «проблемные темы»⁸. Археография в этом смысле стала одним из путей к этому в исследованиях, а «документальное направление» оформилось в качестве одной из тенденций

современной историографии советского социума и его спецслужб. В этом отношении важна тесная интеграция академической науки и практики архивного дела. Публикуемый документ находится в фондах одного из крупнейших государственных архивов Сибири, который более века играет значимую роль в развитии и популяризации исторических знаний, а также в обеспечении потребностей государства и общества ретроспективной документной информацией⁹.

Содержательная особенность публикуемого источника – акцент на «исторической контрреволюции» (в том числе, оставшихся в СССР бывших офицерах). Это во многом объяснимо значительным количеством этих людей в регионе. Как показал опыт Омска – тогда наиболее крупного города Сибири – в 1920-е гг. эти аполитичные в своей массе люди выделялись в сфере интеллектуального труда, составляя основу советской бюрократии¹⁰. Но командно-административная система уже начала в те годы «вывод из игры» дореволюционной интеллигенции, отдавая приоритет выходцам из пролетарской среды. Для советской номенклатуры чистки обрели характер повседневно явления, а опорой в их реализации становились органы ОГПУ¹¹. Отметим, что анализируемая почтотелеграмма допускала в отношении экс-белогвардейцев еще не тотальную чистку, а пока лишь составление списка потенциальных к увольнению лиц. Авторы предписания могли осознавать пагубность моментальной массовой чистки аппарата органов связи от бывших офицеров (нередко являвшихся ценными специалистами), почему документ давал срок до полугода на подбор кадровой замены. В частности, в пользу этого довода говорит хранящееся в том же архивном деле, что и публикуемый источник, письмо Сибирского округа связи в Минусинское окружное отделение связи от 21 сентября 1928 г., где читаем: «К вопросу исключения из членов Союза [связи] лиц, намеченных к увольнению решением Тройки, следует подходить особо осторожно. <...> Лично ознакомиться с письменным материалом ОГПУ, потом судить об исключении, основываясь на уставе Союза [связи]. Если видите мало оснований к исключению, то должны прямо об этом сообщить ОГПУ или нам»¹².

Выявлены отдельные факты реализации документа на практике, показывающие, что не только политические мотивы, но и морально-деловые качества становились причинами «вычищения» конкретных лиц. Так, на 1 октября 1928 г. секретная тройка Новосибирского округа связи наметила к увольнению шестерых сотрудников. Из них трое имели отношение к белому движению: двое – подлежали чистке по 1-й категории, один – по 2-й. Любопытны тенденциозные характеристики данных лиц. По 1-й категории выделены: «Замчалов Олег Ларионович, дворянин, механик. Сослан ОГПУ на 3 года, укрывал дома бывшего белого офицера. Работу ведет неаккуратно, замкнут, взглядов не высказывал. <...> Вакулов Пахом Николаевич, 37 лет, офицер Лейб-гвардии, потом Отдельного корпуса жандармов. Биографию не скрывает, к советской власти враждебен». По 2-й категории выделен «Овсянников Александр Герасимович, 30 лет, офицер пепеляевского полка, пьяница, дебошир, имеет связь с антисоветским элементом, среди близких ведет агитацию»¹³. Подчеркнем, данные лица выделены не по 3-й категории, а по тем двум, что предполагали скорое увольнение.

Заключение. Научная значимость публикуемого источника в том, что он проливает свет на ряд аспектов истории советского государства в тот период. Прежде всего, это формы и методы работы советских спецслужб, являвшихся особой частью партийного аппарата уже в конце 1920-х гг., и уверенно диктовавших правила поведения представителям советских организаций и учреждений всех уровней. Кроме того, документ свидетельствует о деградации советской правоприменительной практики, вызванной описываемой деятельностью должностных лиц, этим и подобными указаниями создававших систему игнорирования партийно-государственным аппаратом и спецслужбами действующего в СССР законодательства.

Приводимый далее источник оформлен в традициях российской археографии. Очевидные орфографические и пунктуационные ошибки оригинала исправлены по умолчанию. Название статье дано публикаторами.

№ 1

Сов.[ершенно] секретно

Серия «К».

Лично.

Почтотелеграмма

Всем Нач.[альникам]окр.[ужных] и обл.[астных] отделов
ОГПУ по Сиб[ирскому]краю.

Всем Завед.[ующим] окружными конторами связи (только
для чл.[енов] ВКП(б)).

Председателям окр.[ужных] отд.[елов] Союза связи (толь-
ко для чл.[енов] ВКП(б)).

Нач.[альнику]..... отд.[ела] ОГПУ

В связи с проводимым за последнее время сокращением штатов в предприятиях связи, от местных органов ОГПУ усилилось поступление требований в Управление связи об увольнении тех или иных работников, которые на основании имеющихся в органах ОГПУ материалов признаются политически неблагонадежными и вредными.

Вместе с тем, наблюдаются случаи, когда благодаря недостаточности или неверности материалов, послуживших основанием к увольнению, последние обращаются с жалобами на неправильное увольнение сначала в Союз [связи] и к высшей администрации, а так как эти органы отказывают (ввиду увольнения по требованию ОГПУ), то дело передают в Трудовой суд, Прокуратуру, отделы труда и т. п., и этими органами работники восстанавливаются как неправильно уволенные.

Во избежание дискредитации как административных, так и союзных работников, а также для улучшения и оздоровления аппарата По[что-]тел[еграфных]ь-предприятий на местах предлагаем.

В областных и окружных отделах ОГПУ немедленно создать секр.[етные] тройки по проверке и чистке личного состава По[что-]тел[еграфных]ь-работников на предмет удаления из органов связи лиц, кои по своим убеждениям полит.[ически] неблагонадежны, часто срывают и тормозят работу на местах.

В состав тройки по проверке личного состава аппарата Поч-
теля входят: а) Нач.[альник] предприятия (или их помощни-
ки) – коммунист; б) Председатель С[оюза]/связи (или член
окр[ужного]отдела) – коммунист; в) представитель местного
органа ОГПУ (Нач.[альник] или Зам.[еститель]).

Очередность увольнений:

1) в первую очередь (1-я категория) увольнять тех, на
которых имеется достаточно проверенный полный материал
о политич.[еской] неблагонадежности, вредной деятельности,
заменить которых можно немедленно;

2) во вторую очередь (2-я категория) наметить к увольне-
нию лиц антисоветски настроенных, ведущих антисоветскую
деятельность и т. д., но требующих подыскания им соответ-
ствующих заместителей. Как 1-й, так и 2-й категории, при
наличии полных материалов об их а[нти]/с[оветской] деятель-
ности объяснять увольнение настоящими причинами, приняв
меры об исключении их из Союза [связи], в противном случае,
увольнение мотивировать производственными мотивами;

3) в третью очередь (3-я категория) наметить к увольне-
нию враждебно настроенных «б[ывших]/людей» (например:
быв.[ших]офицеров или крупных чиновников при контррево-
люционной власти и т. д.), замена которых возможна только
в течение более продолжительного времени (5–6 месяцев).
Увольнение лиц, на которых не имеется достаточных данных
для исключения их из Союза [связи], мотивировать произ-
водственными мотивами.

При чистке учтите кумовство, службу ряда родственников
и т. п. В тех По[что-]тел[еграфных]ь-предприятиях и профсо-
юзных органах, где возглавляемые лица являются не комму-
нистами, нач.[альники] обл.[астных] и окр.[ужных] отделов
ОГПУ все списки на лиц этих предприятий с компромети-
рующими материалами должны представить нам со своими
заключениями для решения в краевой тройке.

После чистки необходимо иметь в виду, что вычищенны-
ми будут подаваться жалобы на неправильное их увольне-
ние в отделы труда и Прокуратуру, нач.[альники] отделов
ОГПУ должны договориться с последними. А если жалоба
будет рассматриваться по суду, необходимо договориться

через парт[ийные]органы с пред[седателем]суда, куда будет направлена жалоба.

Нужно иметь в виду, что решения тройки об увольнении должны основываться на материалах, не позволяющих эти решения впоследствии отменять и тем самым свести работу тройки на нет.

1. Работу секретной тройки по чистке личного состава и увольнение 1-й категории закончить не позднее 10 сентября с.[его]г.[ода], выслав в П[олномочное]П[редставительство] [ОГПУ] списки вычищенных с кратким указанием причин.

2. 20/IX выслать списки намеченных к увольнению во вторую очередь с указанием причин и числа, когда они со службы будут сняты.

3. 1/X представить списки на 3-ю категорию с указанием предельного числа снятия с работы.

Впредь всех лиц, принимаемых в органы Почтеля, надлежит проводить через секретные тройки. В процессе чистки принимать меры через парт[ийные]комитеты к укомплектованию ведомства Почтеля коммунистами взамен вычищенных.

17 августа 1928 г. № 71875/инфо

П.[одлинник]п.[одписали]

П[олномочный]П[редставитель] ОГПУ по С[ибирскому] К[раю]

[Л. М.] Заковский

Вр.[еменный] Н[ачальни]—к Управл.[ения Сибирского] округа связи

[А. С.] Нелюбин

За Пред.[седателя Сибирского краевого] Союза Связи П.[М.] Сабо

Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-627. Оп. 2А. Д. 8. Л. 235–235 об. Машинопись. Заверенная копия.

Примечания

¹ См.: Тепляков, А. Г. Деятельность органов ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 434 с.; Анфертьев, И. А. Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований

РКП(б) – ВКП(б) как инструменты борьбы за власть. Москва: ИНФРА-М, 2022. 593 с.; Зданович, А. А. К вопросу изучения истории ВЧК – НКВД на современном этапе: полемические заметки // Клио. 2018. № 3. С. 196–205.

² См.: Lovell, S. (2009). *The Soviet Union: a very short introduction*, vol. XIV, Oxford Univ. Press, Oxford, 154 p.; Alexopoulos, G., Hessler, J., Tomoff, K. (ed.) (2011). *Writing the Stalin era: Sheila Fitzpatrick and Soviet historiography*, Palgrave Macmillan, New York, 246 p.; Harris, J. (ed.) (2013). *The anatomy of terror: political violence under Stalin*, Oxford University press, Oxford, 333 p.

³ См.: Красильников, С. А. История и память в контексте политических интересов // Исторический курьер. 2022. № 1. С. 9–21.

⁴ См.: Basingstoke, Ilic M. (ed.) (2006). *Stalin's Terror Revisited*, vol. XVII, Palgrave Macmillan, New York, 236 p.

⁵ См.: Тепляков, А. Г. Машина террора: ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг. Москва: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 608 с.

⁶ Папков, С. А. Руководящие кадры Сибири 1919–1941 гг. Справочник. Новосибирск: Академиздат, 2021. С. 209.

⁷ Зданович, А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 4. С. 57.

⁸ Плеханов, А. М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 9.

⁹ См.: Моисеев, В. В., Захаров, К. В. Сибирские архивы в современном информационном обществе // История и архивы. 2023. Т. 5. № 2. С. 101–115; Моисеев, В. В. Путь длиной в столетие: от бюллетеня «Сибархив» 1920-х гг. до научно-исторического журнала сибирских архивистов «Сибирский архив» // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 105–122.

¹⁰ См.: Петин, Д. И., Стельмак, М. М., Сушко, А. В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.

¹¹ См.: Gregory, P. R. (2009). *Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin: an Archival Study*, vol. VIII, Yale University Press, New Haven, 346 p.; Анфертьев, И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Новый исторический вестник. 2015. № 3. С. 65–78; Анфертьев, И. А. Приход И. В. Сталина к власти и стратегические замыслы правящей РКП(б) – ВКП(б) в сфере социальных

преобразований // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 8. С. 82–91; Анфертьев, И. А. Репрессивная политика большевиков в отношении эсеров: крестьянский вопрос в условиях реализации советского социального проекта в 1919 – начале 1920-х гг. по документам Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии РКП(б) – ВКП(б) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: III международная научно-практическая конференция, 22–23 апреля 2016 г., г. Брянск. Брянск: БГИТУ, 2016. С. 99–106.

¹² Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-627. Оп. 2А. Д. 8. Л. 207.

¹³ Там же. Л. 238–241.

Аннотация

В работе проведено источниковедческое исследование циркулярной почтотелеграммы о необходимости проведения кадровой чистки организаций и учреждений связи в Сибири от «политически неблагонадежных» и «вредных» лиц. Документ был разослан руководителям сибирских региональных подразделений органов ОГПУ, руководству организаций и учреждений связи в Сибири во второй половине августа 1928 г. Публикуемый источник позволяет раскрыть порядок «избавления» структур связи от «бывших людей» и других лиц, которые с точки зрения советских органов государственной безопасности выделялись как неблагонадежные для коммунистического государства. На основе изучения почтотелеграммы, хранящейся в Государственном архиве Новосибирской области, обосновано, что, несмотря на межведомственный характер, документ готовили сотрудники III ОГПУ по Сибирскому краю, отвечавшие за обеспечение безопасности стратегически важных для государства органов связи и проведение государственной политики в отношении «бывших людей» и других неблагонадежных лиц. Теоретическая основа работы представлена сочетанием источниковедческого и системного методов. Источниковедческий метод позволил исследовать публикуемый документ в связи с особенностями эпохи, обусловившими его возникновение. Системный метод позволил рассмотреть документ в качестве продукта сложившегося в СССР политического режима, все больше игнорировавшего действующее законодательство и постепенно расширявшего практику и масштабность политических репрессий. В исследовании определена научная значимость публикуемого исторического источника; по мнению авторов, она состоит в том, что почтотелеграмма проливает свет на значимые аспекты истории советского государства

и его общественно-политической жизни в тот период. В первую очередь источник свидетельствует о формах и методах работы советских спецслужб, являвшихся особой частью партийного аппарата в конце 1920-х гг., уже уверенно диктовавшей представителям советских организаций и учреждений свои правила поведения. Кроме того, данный документ свидетельствует о процессе деградации советской правоприменительной практики, что было вызвано описываемой в документе деятельностью должностных лиц, этим и подобными указаниями создававших систему игнорирования партийно-государственным аппаратом и спецслужбами действующего законодательства. Работа может представлять интерес для исследователей, изучающих, прежде всего, советское общество эпохи сталинизма, кадровые чистки, деятельность советских спецслужб и бытование в СССР «бывших людей».

Ключевые слова: советское общество, спецслужбы, органы государственной безопасности, ОГПУ, учреждения связи, чистки, «бывшие люди», Сибирь.

Список литературы

Анфертьев, И. А. Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП(б) – ВКП(б) как инструменты борьбы за власть. М.: ИНФРА-М, 2022. 593 с.

Анфертьев, И. А. Приход И. В. Сталина к власти и стратегические замыслы правящей РКП(б) – ВКП(б) в сфере социальных преобразований / И. А. Анфертьев [Текст] // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 8. С. 82–91.

Анфертьев, И. А. Репрессивная политика большевиков в отношении эсеров: крестьянский вопрос в условиях реализации советского социального проекта в 1919 – начале 1920-х гг. по документам Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии РКП(б) – ВКП(б) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность.: III международная научно-практическая конференция, 22–23 апреля 2016 г., г. Брянск. Брянск: БГИТУ, 2016. С. 99–106.

Анфертьев, И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Новый исторический вестник. 2015. № 3. С. 65–78.

Зданович, А. А. К вопросу изучения истории ВЧК – НКВД на современном этапе: полемические заметки // Клио. 2018. № 3. С. 196–205.

Зданович, А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 4. С. 55–61.

- Красильников, С. А. История и память в контексте политических интересов // Исторический курьер. 2022. № 1. С. 9–21.
- Моисеев, В. В. Путь длиной в столетие: от бюллетеня «Сибархив» 1920-х гг. до научно-исторического журнала сибирских архивистов «Сибирский архив» // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 105–122.
- Моисеев, В. В., Захаров, К. В. Сибирские архивы в современном информационном обществе // История и архивы. 2023. Т. 5. № 2. С. 101–115.
- Петин, Д. И., Стельмак, М. М., Сушко, А. В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.
- Плеханов, А. М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7–11.
- Тепляков, А. Г. Машина террора: ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг. Москва: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 608 с.
- Тепляков, А. Г. Деятельность органов ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 434 с.
- Gregory, P. R. (2009). *Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin: an Archival Study*, vol. VIII, Yale University Press, New Haven, 346 p.
- Lovell, S. (2009). *The Soviet Union: a very short introduction*, vol. XIV, Oxford Univ. Press, Oxford, 154 p.
- Basingstoke, Plic M. (ed.) (2006). *Stalin’s Terror Revisited*, vol. XVII, Palgrave Macmillan, New York, 236 p.
- Harris, J. (ed.) (2013). *The anatomy of terror: political violence under Stalin*, Oxford University press, Oxford, 333 p.
- Alexopoulos, G., Hessler, J., Tomoff, K. (ed.) (2011). *Writing the Stalin era: Sheila Fitzpatrick and Soviet historiography*, Palgrave Macmillan, New York, 246 p.

Сведения об авторах

Сушко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, Омский государственный технический университет, кафедра истории, философии и социальных коммуникаций, профессор, г. Омск, Российская Федерация, 8-962-057-13-27, alexsushko_1974@mail.ru

Петин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, Омский государственный технический университет, кафедра истории, философии и социальных коммуникаций, доцент, г. Омск, Российская Федерация, 8-950-333-56-81, dimario86@rambler.ru

В редакцию статья поступила 19.01.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Document publication

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-849-863

For citation

Sushko, Alexey V., Petin, Dmitry I., PhD, Secret postal telegram on personnel purge of organizations and institutions of communication in Siberia. August 17, 1928, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 849–863, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-849-863

Sushko, Alexey V., Petin, Dmitry I. (2024). Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Secret postal telegram on personnel purge of communication organizations and institutions in Siberia. August 17, 1928.

Abstract

This paper is a source study of a circular postal telegram on the need to purge “politically unreliable” and “harmful” persons from the organizations and institutions of communication in Siberia. The document was sent to the heads of the Siberian regional subdivisions of the OGPU bodies, the management of organizations and communication institutions in Siberia in the second half of August 1928. The published source makes it possible to reveal the procedure of “getting rid” of “former people” and other persons who were seen as unreliable for the communist state from the point of view of the Soviet state security agencies. Based on the study of the postal telegram stored in the State Archive of the Novosibirsk Region, it is substantiated that, despite its interdepartmental nature, the document was prepared by the officers of the OGPU for Siberian Krai, who were responsible for ensuring the security of strategically important for the state communications agencies and the implementation of state policy with regard to “former people” and other unreliable persons. The theoretical basis of the work is represented by a combination of source and system methods. The source study method allowed us to study the published document in connection with the peculiarities of the era that caused its emergence. The system method allowed us to consider the document as a product of the political regime in the USSR, which increasingly ignored the existing legislation and gradually expanded the practice and scale of political repression. The study determines the scientific significance of the published historical source; according to the authors, it consists in the fact that the postal telegram

sheds light on significant aspects of the history of the Soviet state and its socio-political life in that period. First of all, the source testifies to the forms and methods of work of the Soviet secret services, which were a special part of the party apparatus in the late 1920s, already confidently dictating their rules of conduct to representatives of Soviet organizations and institutions. In addition, this document demonstrates the process of degradation of Soviet law enforcement practice, which was caused by the activities of officials described in the document, this and similar instructions that created a system of ignoring the current legislation by the party-state apparatus and special services. The work may be of interest to researchers studying, first of all, the Soviet society of the Stalinist era, personnel purges, the activities of the Soviet security services and the existence of “former people” in the USSR.

Keywords

Soviet society, special services, state security agencies, OGPU, communication institutions, purges, “former people”, Siberia.

References

- Anfertiev, I. A. (2022). Modernization of Soviet Russia in the 1920s-1930s: programs of transformations of the RCP(b) – VKP(b) as instruments of the struggle for power, *INFRA-M*, Moscow, Russia, 593 p.
- Anfertiev, I. A. (2017). Stalin’s rise to power and strategic plans of the ruling RCP(b) – VKP(b) in the sphere of social transformations, *Vestnik of Russian State University, Series: History, Philology, Cultural Studies, Oriental Studies*, № 8, pp. 82–91.
- Anfertiev, I. A. (2016). Repressive policy of the Bolsheviks in relation to the SRs: the peasant question in the conditions of the implementation of the Soviet social project in 1919 – early 1920s on the documents of the Central Committee and the Central Control Commission of the RCP(b) – VKP(b). IN: Problems and trends in the development of socio-cultural space of Russia: history and modernity: III international scientific and practical conference, April 22–23, 2016. Bryansk BGITU, Bryansk, Russia, pp. 99–106.
- Anfertiev, I. A. (2015). The leadership of the RCP(b) in the transition to a new economic policy: the Central Control Commission and “purges” of party cadres, *New Historical Vestnik*, № 3, pp. 65–78.
- Zdanovich, A. A. (2018). To the issue of studying the history of the VChK – NKVD at the present stage: polemical notes, *Chlo*, № 3, pp. 196–205.
- Zdanovich, A. A. (2021). “Conceptually we should write not about how we won, but about how we fought on a long way and through losses came to the Great Victory...”, *Omsk Scientific Bulletin, Series: Society, History, Modernity*, vol. 6, № 4, pp. 55–61.

- Krasilnikov, S. A. (2022). History and memory in the context of political interests, *Historical Courier*, № 1, pp. 9–21.
- Moiseev, V. V. (2023). Way long in a century: from the bulletin “Sibarkhiv” of the 1920s to the scientific and historical journal of Siberian archivists “Siberian Archive”, *History and Archives*, vol. 5, № 3, pp. 105–122.
- Moiseev, V. V., Zakharov, K. V. (2023). Siberian archives in the modern information society, *History and Archives*, vol. 5, № 2, pp. 101–115.
- Petin, D. I., Stelmak, M. M., Sushko, A. V. (2023). “Zolotopogonniki” in Soviet Russia: a collective social portrait of former white officers in the 1920s (on the example of Omsk), *Bulletin of Tomsk State University*, № 486, pp. 165–175.
- Plekhanov, A. M. (2018). “It seems that we are educating a young generation that ‘does not remember its kinship’...”, *Omsk Scientific Bulletin, Series: Society, History, Modernity*, № 1, pp. 7–11.
- Tepliyakov, A. G. (2008). *Machina Terror: OGPU – NKVD of Siberia in 1929–1941*, Novy Chronograf; AIRO-XXI, Moscow, Russia, 608 p.
- Tepliyakov, A. G. (2018). Activity of the VChK – GPU – OGPU – NKVD Bodies (1917–1941): historiographic and source study aspects, NSUEU, Novosibirsk, Russia, 434 p.
- Gregory, P. R. (2009). *Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin: an Archival Study*, vol. VIII, Yale University Press, New Haven, 346 p.
- Lovell, S. (2009). *The Soviet Union: a very short introduction*, vol. XIV, Oxford Univ. Press, Oxford, 154 p.
- Basingstoke, Ilic M. (ed.) (2006). *Stalin’s Terror Revisited*, vol. XVII, Palgrave Macmillan, New York, 236 p.
- Harris, J. (ed.) (2013). *The anatomy of terror: political violence under Stalin*, Oxford University press, Oxford, 333 p.
- Alexopoulos, G., Hessler, J., Tomoff, K. (ed.) (2011). *Writing the Stalin era: Sheila Fitzpatrick and Soviet historiography*, Palgrave Macmillan, New York, 246 p.

About the authors

Sushko, Alexey V., Doctor of Historical Sciences, Omsk State Technical University, Department of History, Philosophy and Social Communications, Professor, Omsk, Russia, 8-962-057-13-27, alexsushko_1974@mail.ru

Petin, Dmitry I., PhD historical sciences, Omsk State Technical University, Department of History, Philosophy and Social Communications, Associate Professor, Omsk, Russia, 8-950-333-56-81, dimario86@rambler.ru

The article was received in the editorial office on 19.01.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Документальная публикация

УДК 93/94+930.85+78.081+371.2+371.64/.69+398.81+398.85+398.89+78.087+78.089+78.083.6+364.05

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-864-878

Для цитирования

Лупанова, Е. М. «Во всех консерваториях обучаются всем видам искусства, кроме русского, национального». Письмо П. И. Нечепоренко В. М. Андрианову об исполнительстве и обучении игре на народных инструментах. 1950 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 864–878, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-864-878

Лупанова, Е. М.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

«Во всех консерваториях обучаются всем видам искусства, кроме русского, национального». Письмо П. И. Нечепоренко В. М. Андрианову об исполнительстве и обучении игре на народных инструментах. 1950 г.

Становление профессионального исполнительства на народных музыкальных инструментах обычно датируется 1920–1930 гг.¹, но процесс не развивался планомерно. Налаженная было в указанный период система обучения как любительского, так и профессионального уровня, была практически разрушена во время Великой Отечественной войны. Восстановление было невозможно без политической воли – партийных директив, выделения финансирования, активной работы музыкантов и просветителей на местах.

Одним из важных толчков к началу этой деятельности общесоюзного масштаба стал публикуемый источник – официальное письмо балалаечника-виртуоза и главного дирижера Оркестра народных инструментов Ленинградского радиокомитета П. И. Нечепоренко первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) В. М. Андрианову. В тексте письма музыкант вскрывает ряд проблем работы и профессионального

обучения народников-инструменталистов: малочисленность, поздний возраст начала обучения, низкое качество учебной литературы, дефицит произведений для исполнения, недостаточная заинтересованность широкого профессионального сообщества, низкое качество выпускаемых инструментов, отсутствие системы поощрений, неудовлетворительные условия работы для популяризации данного вида искусства. Текст письма сочетает в себе деловой стиль с едва сдерживаемой эмоциональностью. В конце автор делает приписку о том, что это обращение – «результат многолетних дум», и что необходимо решать вопрос в общегосударственном масштабе.

В советское время было не принято открыто признавать наличие проблем, о решении которых ранее торжественно было объявлено как о достижениях социализма. Вследствие этого содержание письма было подвергнуто серьезной проверке, наведен ряд справок о соответствии содержания действительности и о составе оркестра Ленинградского радиокомитета и сформировано дело под заголовком «Переписка с Ленинградским радиокомитетом о положении дел в оркестре народных инструментов и о постановке обучения игре на русских народных инструментах в Советском Союзе»; на весь комплект документов был наложен гриф «секретно», снятый только в 2023 г.

Обстановка в среде музыкальной интеллигенции в 1950 г. была беспокойной. Шли острые дискуссии, в результате которых утвердились андреевские образцы трехструнных балалаек и домр квартового строя, как в наибольшей степени приспособленные для исполнения народной музыки и потому единственные признаваемые профессиональным сообществом; баяны, флейты и гобои вошли в состав оркестров русских народных инструментов как полноправные и неотъемлемые участники. Споры по этим вопросам, в соответствии с духом времени, велись на языке борьбы с космополитизмом, а несогласие с требуемой точкой зрения было чревато репрессиями.

В результате проверки информация, изложенная в письме П. И. Нечепоренко, подтвердилась, проблемы были признаны актуальными, требующими решения, предложения автора со временем реализованы². Инициатива нашла благодатную

почву как в партийном руководстве, так и в профессиональной среде. М. П. Зарайский, бывший секретарем и администратором еще в дореволюционном Великоорусском оркестре, также стал активно выступать за решение обозначенных проблем.

Таким образом, выявленное в архиве письмо в свое время дало мощный импульс восстановлению системы обучения игре на народных инструментах и поднятию его на новый уровень, пересмотру технологии изготовления инструментов на фабриках, становлению системы мониторинга ситуации и поощрения успешной деятельности. В целом комплекс мероприятий способствовал популяризации в массах данного вида искусства и повышению общего культурного уровня в стране.

№ 1

[П. И. Нечепоренко – В. М. Андрианов]

(Л. 4.) Исполнительская и оркестровая культура русских народных инструментов в России насчитывает всего около семидесяти лет своего существования, из них половина приходится на годы советской власти.

До 1917 г. делом культивирования русских народных инструментов и сольной практики занимался зачинатель этого дела в России, создатель первого оркестра народных инструментов Василий Васильевич Андреев³, горячо любивший свою родину и все, что было связано с национальным достоинством русского народа. Великая Октябрьская Социалистическая революция открыла новую эпоху в деятельности Андреева и его оркестра. Со смертью Андреева в 1918 г. дело, начатое им, развернулось в нашей стране в дело общегосударственного масштаба.

Целый ряд решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и особенно историческое постановление ЦК ВКП(б) «Об опере В. Мурадели⁴ “Великая дружба”», с предельной ясностью определившее пути развития советской музыки на многие годы вперед, открыли дальнейшие широкие перспективы для развития искусства игры на русских народных инструментах. Но если мы обратимся к тому, что сделано

в развитие этих постановлений, то увидим довольно плачевную картину. Исполнительская⁵ культура игры на русских народных инструментах обнаруживает явную тенденцию к своему качественному снижению и, если положение дел не изменится коренным образом, по существу, мы можем стать свидетелями полного упадка этого дела.

(Л. 5.) Обратимся к фактам.

На весь Советский Союз существует четыре профессиональных оркестра русских народных инструментов – государственный оркестр имени Осипова в Москве, там же оркестр Комитета Радиосообщения при Совете Министров СССР, оркестры Ленинградского и Киевского Радиокomiteтов. Мы не принимаем в расчет маленькие ансамбли народных инструментов, выступающие в кинотеатрах по всему Союзу, ведущие, ввиду малочисленности их состава, жалкое существование. Если поставить со всей остротой вопрос – возможна ли при таком мизерном количестве профессиональных оркестров широкая пропаганда искусства игры на русских народных инструментах, пропаганда русской народной песни, то ответ будет отрицательным.

За последние 5–6 лет государственный оркестр народных инструментов имени Осипова гастролировал в Ленинграде два раза. Оркестр Ленинградского комитета радиосообщения выступает на открытых площадках города по большим праздникам, да и то не всегда.

Государственный оркестр народных инструментов имени Андреева, детище Андреева, – один из старейших и лучших коллективов страны, находившийся до войны в ведении Ленинградской филармонии, во время войны не был эвакуирован вместе с Филармонией. Инструменты, архивы, музей и нотная библиотека оркестра были увезены в Москву, а сам оркестр был расформирован и прекратил свое существование.

Со смертью Н. П. Осипова⁶ и прекращением концертной деятельности Б. С. Трояновского⁷, за последние свыше чем десять лет, как у нас в городе, так и во всем СССР (Л. 6) не было ни одного сольного концерта на балалайке. Работа солистов носит эпизодический, случайный характер. Филармония, как представитель «высокого» искусства, не культивирует

этот вид искусства (за все это время был один солист на домре, в дальнейшем прекративший свою исполнительскую сольную практику). Вследствие отсутствия квалифицированных кадров, руководство как взрослой, так и детской самодеятельностью игры на русских народных инструментах, носит характер кустарщины, намного отставая от все растущих запросов советского народа. Что касается сольной практики, то она в самодеятельности отсутствует почти целиком.

Искусство изготовления народных инструментов постепенно гложет. До сих пор остаются непревзойденными балалайки и домры, изготовленные знаменитым русским мастером Налимовым свыше тридцати лет назад. Мастера, занимавшиеся изготовлением народных инструментов, постепенно вымирают и ничего не делается для подготовки новых кадров. Занимающаяся изготовлением народных инструментов фабрика имени Луначарского в Ленинграде выпускает продукцию настолько низкого качества, что уже давно заслужила неслестное, но справедливое наименование «Древтреста». Конструкторское бюро и экспериментальная мастерская этой фабрики упорно не ведут настоящей исследовательской работы, подменяя ее жалким подражательством, либо попросту занимаются плагиатом.

Оригинальная музыкальная литература для оркестров народных инструментов чрезвычайно бедна. Союз советских композиторов и, в особенности его Ленинградское отделение, несмотря на два года, отделяющие нас от постановления ЦК ВКП(б) «Об опере В. Мурадели “Великая дружба”», не сумели (Л. 7) сделать для себя серьезных выводов. Если не учитывать таких композиторов, как Василенко⁸, Ипполитов-Иванов⁹, Будашкин¹⁰, давших для оркестров народных инструментов целый ряд значительных произведений, то в подавляющем большинстве советские композиторы попросту игнорируют этот род музыки. Поэтому репертуар оркестров народных инструментов и солистов состоит, в лучшем случае, из русской классики, а весьма часто из разного рода сомнительных обработок, не имеющих никакой художественной ценности. Что касается педагогической, школьной литературы, то она почти целиком отсутствует. Так, область

методики и профессионального обучения представлена весьма низкокачественными самоучителями и такой же «школой для балалайки» А. С. Илюхина¹¹.

Профессиональный уровень оркестров народных инструментов чрезвычайно низок, намного ниже уровня симфонических оркестров. Большинство солистов-народников имеет либо среднее музыкальное образование, а то и никакого. Например, из 60 человек из состава оркестра народных инструментов Ленинградского Комитета Радиоинформации всего 1 имеет высшее образование (дирижер), человек 5 – среднее, а большинство не имеет никакого музыкального образования, совершенно беспомощно в области музыкальной теории и оставляет желать много лучшего в своей профессиональной подготовке.

Перехожу к практике профессионального обучения на русских народных инструментах в нашей стране и в нашем городе.

Практика воспитания музыкантов вообще (по всем видам искусства) сводится к следующему: дети с 7–8-летнего возраста обучаются в детских музыкальных школах или в специальных детских школах-семилетках, десятилетках при консерватории. Оттуда они поступают в музыкальные училища, а затем в консерваторию. Такая практика подсказана самой жизнью. Музыкант (Л. 8) формируется с детства и, примерно через пятнадцать лет, мы получаем образованного, отлично владеющего инструментом профессионала.

Какова же существующая практика?

Прежде всего обучение детей игре на народных инструментах упирается в полное отсутствие специальных детских инструментов, рассчитанных на постепенный рост детей-музыкантов (как это практикуется в различных других областях музыкального искусства). Размеры инструментов не соответствуют возрасту детей. Как я указывал выше, почти полностью отсутствуют методические пособия в области детского музыкального образования, нотная музыкальная литература.

Основной источник, из которого все остальные виды искусства черпают свои кадры для училищ, а затем и консерватории, – детские профессиональные школы – в области

русских народных инструментов – отсутствуют вообще (дело обучения на русских народных инструментах мне известно хорошо, т. к. я руковожу детской студией народных инструментов Дворца пионеров им. Жданова).

Детским музыкальным образованием в области народных инструментов занимаются внешкольные учреждения – ДППШ¹² и дворцы пионеров, (частично – школы), как у нас в городе, так и по всему СССР. Но обучение это происходит в порядке самодеятельности малограмотными (в этой области) руководителями, в безобразных условиях. Так, например, в ДППШ существует практика совместного оркестрового обучения 25–30 человек сразу.

Таким образом, в сущности, обучение игре на народных инструментах начинается в юношеском возрасте (16–17 лет), в музыкальных училищах, где они впервые сталкиваются с тем, что должны были бы узнать в детских музыкальных школах. Не трудно сделать вывод, как выглядят студенты отделов народных инструментов (Л. 9), начавшие свое обучение здесь, рядом с учащимися на других инструментах, прошедшими детскую музыкальную школу.

Отдел народных инструментов у нас в Ленинграде имеется лишь в Музыкальном училище имени Мусоргского. Занимается там 23 человека, из них 12 человек на баянном и только 11 человек на домрово-балалаечном отделении. 11 человек на весь город!

В Москве, по имеющимся у меня данным, дело с обучением игре на народных инструментах обстоит не лучше. Там этим занимается училище им. Октябрьской революции.

Отделений русских народных инструментов для получения высшего образования почти нет.

Здесь надо оговориться. В связи с решением ЦК ВКП(б) «Об опере В. Мурадели “Великая дружба”» в Москве, при институте имени Гнесиных, открыт факультет народных инструментов, существующий второй год и подготавливающий руководителей оркестров народных инструментов. Кафедру народных инструментов этого факультета возглавляет человек, не имеющий даже среднего специального образования (как я выяснил из разговора с начальником отдела кадров

ГУУЗ-а т. Шароевой). Несмотря на решение правительства, других факультетов народных инструментов в ведущих консерваториях страны нет.

Получить высшее исполнительское образование на балалайке можно только в Киевской консерватории; на домре (трехструнной) нельзя нигде, так же, как и на баяне.

Во всех консерваториях обучаются всем видам искусства, кроме русского, национального. Невероятно, но факт!

Возьмем другую сторону вопроса. Человек оканчивает среднее учебное (музыкальное) заведение по классу народных инструментов. Каковы его перспективы? Где он сможет применить свое профессиональное искусство?

В Советском Союзе имеется всего 4–5 профессиональных оркестров, в Ленинграде – один оркестр (Ленинградского комитета Радиоинформации). Куда же может устроиться на работу окончивший музыкальное училище? Ждать, пока умрут старики из оркестра Ленрадиокомитета? А вдруг они окажутся долговечными? И невольно напрашивается вопрос: да стоит ли вообще заниматься игрой на народных инструментах? Это одна из причин чрезвычайно незначительной тяги к народным инструментам.

А бывает и так. Ленинградский Радиокомитет объявляет конкурс на замещение свободных вакансий в оркестре народных инструментов. Конкурс объявляется дважды, и дважды приходят по два человека, которых взять нельзя в силу их низкой квалификации.

И еще одно замечание. Любой вид искусства в нашей стране имеет своих замечательных представителей, отмеченных всеми наградами, существующими для поощрения людей, отдающих свои знания и талант служению народу, начиная от почетных званий артистам по Сталинским премиям за исполнительскую деятельность. Но ни один солист, ни один артист оркестра народных инструментов не имеет за свою исполнительскую деятельность ни одного почетного звания, ни одного поощрения, несмотря на то, что некоторые из них отдали этому делу всю свою жизнь и дарование. Покойный Н. П. Осипов, замечательный солист на балалайке, получил почетное звание не в период своего расцвета исполнительской

деятельности, а когда стал художественным руководителем государственного оркестра русских народных инструментов. Доживающий свой век в Ленинграде Б. С. Трояновский, имевший мировую славу как солист на балалайке, не имеет никакого (Л. 11) звания.

Вопрос этот имеет самое серьезное значение для поднятия авторитета дела русских народных инструментов в общей жизни советского искусства. Надо, наконец, повернуть дело так, чтобы оркестры народных инструментов и солисты в этой области перестали быть «черной костью». Надо, чтобы наши концертные организации – Филармония, Эстрада – предоставили свои залы национальным инструментам, завоевавшим свое право на существование, и этим самым пропагандировали искусство игры на русских народных инструментах.

Конкретные предложения.

Для подлинного развития высокого профессионального мастерства игры на русских народных инструментах в широких масштабах, для решения вопроса о кадрах, как исполнительских, так и педагогических, считаю необходимым:

1. Создать нормальную систему обучения игре на народных инструментах:

– открытие в СССР двух-трех детских специальных школ-интернатов русских народных инструментов и специальных детских отделений народных инструментов при детских музыкальных профессиональных школах;

– создание специальных детских инструментов для нормального обучения;

– всемерное поощрение создания специальной детской музыкальной и педагогической литературы в области русских народных инструментов;

– обязательное открытие отделов народных инструментов во всех музыкальных училищах страны и исполнительских факультетов народных инструментов в ведущих консерваториях страны.

2. Всемерное расширение концертной практики оркестров и солистов, играющих на русских народных инструментах.

3. Создание нормальных условий существования оркестров народных инструментов, играющих в кинотеатрах, как

оркестров, имеющих самое массовое общение с советским зрителем.

4. Всемирное поощрение артистов, солистов, играющих на русских народных инструментах, от почетных званий до Сталинских премий за исполнительскую и педагогическую деятельность, за создание оригинальной музыкальной и педагогической литературы для русских народных инструментов.

5. Один раз в четыре-пять лет устраивать всесоюзные конкурсы народных инструментов для поощрения и пропаганды высокого мастерства, создания заинтересованности и выявления подлинных достижений в этой области.

Уважаемый тов. Андрианов!

Это письмо – результат многолетних дум о судьбах этого дела. Обращаюсь к Вам как к большевику-коммунисту, способному поднять этот вопрос в общегосударственном масштабе. Вашу помощь в этом деле оценят все, кто любит свой народ, свою национальную культуру.

С уважением

П. Нечепоренко

20 февраля 1950 года.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД). Ф. Р-24. Оп. 60. Д. 289. Переписка с Ленинградским радиокомитетом о положении дел в оркестре народных инструментов и о постановке обучения игре на русских народных инструментах в Советском Союзе. 22 февраля – 10 июля 1950 г. Л. 4–11.

Примечания

¹ Колокольников, И. А. История развития народной музыкальной культуры Иркутска в 1905–1960 гг. // Культурное наследие России. 2016. № 1. С. 79–85; Кочевков, В. Ф. Культурно-исторические предпосылки становления профессионального народно-инструментального исполнительства на Южном Урале (1920–1930 гг.) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 3 (39). С. 114–120; Сидорчук, И. В. Досуг в бюджетах времени советских горожан (по материалам исследований 1920-х – начала 1930-х годов) // Научный диалог. 2021. № 10. С. 462–480; Suetin, I. N. (2022). “Soviet

musicians Researchers about Domestic Musical Education”, *Estudios Históricos*, vol. 14, № 28, Article № 14.

² Файзрахманова, Л. Т. Музыкальное образование в Казани (40–50-е годы прошлого века) // Образование и саморазвитие. 2009. № 5 (15). С. 212–217.

³ Андреев Василий Васильевич (1861–1918), балалаечник-виртуоз, организатор и руководитель первого в истории оркестра русских народных инструментов.

⁴ Мурадели Вано Ильич (1908–1970), композитор, дирижер, секретарь Союза композиторов СССР.

⁵ Здесь и далее подчеркивание в оригинале источника.

⁶ Осипов Николай Петрович (1901–1945), балалаечник, дирижер, педагог, руководитель оркестра народных инструментов, которому было присвоено его имя.

⁷ Трояновский Борис Сергеевич (1883–1951), балалаечник-виртуоз, солист Великоорусского оркестра В. В. Андреева, организатор и первый руководитель Московского великорусского оркестра народных инструментов.

⁸ Василенко Сергей Никифорович (1872–1956), композитор, дирижер, педагог, доктор искусствоведения.

⁹ Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (1859–1935), композитор, дирижер, педагог, профессор, в 1906–1922 гг. ректор Московской консерватории.

¹⁰ Будашкин Николай Павлович (1910–1988), композитор, педагог; профессор Московского государственного института культуры.

¹¹ Илюхин Александр Сергеевич (1900–1972), балалаечник, педагог, организатор и первый руководитель кафедры народных инструментов в Государственном музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных.

¹² ДППШ – детская профессиональная школа.

Аннотация

Историографическая традиция соотносит становление широкого профессионального исполнительства на русских народных музыкальных инструментах в период 1920–1930-х гг., связывая этот подход с советскими реформами музыкального образования, когда на смену академическим традициям дореволюционного времени должна была прийти культура трудящихся, важной составляющей которой было исполнение музыки на народных инструментах. На этом фоне появ-

вился ряд директив, направленных на создание соответствующих специализаций в образовательных учреждениях, стали поощряться выступления коллективов различного уровня на концертных сценах, в кинотеатрах при сопровождении показа немого кино, в городских парках и садах. 1920–1930-е гг. отмечены появлением талантливых исполнителей, как солистов, так и ансамблей; создавались новые профессиональные и любительские творческие коллективы. Однако этот процесс не был линейным и однозначным. Великая Отечественная война нанесла серьезный удар по культуре – как по исполнительству, так и по системе образования. В советской официальной печати и открытых общественных дискуссиях было принято если не скрывать имеющиеся недостатки, то говорить о них в завуалированной форме. В соответствии с этой практикой публикуемый документ получил статус дела государственной важности и гриф секретности. Источник представляет собой письмо выдающегося балалаечника П. И. Нечепоренко. Автор-музыкант предстает в новом ракурсе – как равнодушный человек, внимательно наблюдавший за культурной жизнью, размышлявший над происходящим и радевший за поднятие уровня исполнительства на русских народных инструментах. Письмо адресовалось первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) В. М. Андрианову. В тексте изложены основные проблемы работы профессиональных оркестров народных инструментов: их малочисленность (четыре на всю страну), недостатки работы учебных заведений, определяющие ситуацию кадрового дефицита; недостатки работы фабрик по изготовлению музыкальных инструментов. Обсуждение написанного в 1950 г. письма, вероятно, вышло за пределы Ленинградского обкома ВКП(б). Неповоротливая бюрократическая машина в течение десятилетия была переориентирована в сторону, указанную П. И. Нечепоренко – по всей стране была создана сеть классов народных инструментов в детских музыкальных школах и кафедрах в консерваториях, расширены планы приема в средние учебные заведения, пересмотрены фабричные технологические карты, развернулась большая работа по поднятию профессионального уровня мастерства и пропаганде данного вида искусства в массах. Имя П. И. Нечепоренко по праву должно встать рядом с именем М. П. Зарайского в истории становления современного оркестрового исполнительства.

Ключевые слова: источник, архивный документ, П. И. Нечепоренко, русские народные музыкальные инструменты, оркестры, профессиональное музыкальное образование, советская государственная политика 1920–1960-х гг. в сфере культуры.

Список литературы

Колокольников, И. А. История развития народной музыкальной культуры Иркутска в 1905–1960 гг. // Культурное наследие России. 2016. № 1. С. 79–85.

Кочекон, В. Ф. Культурно-исторические предпосылки становления профессионального народно-инструментального исполнительства на Южном Урале (1920–1930 гг.) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 3 (39). С. 114–120.

Сидорчук, И. В. Досуг в бюджетах времени советских горожан (по материалам исследований 1920-х – начала 1930-х годов) // Научный диалог. 2021. № 10. С. 462–480.

Файзрахманова, Л. Т. Музыкальное образование в Казани (40–50-е годы прошлого века) // Образование и саморазвитие. 2009. № 5 (15). С. 212–217.

Suetin, I. N. (2022). Soviet musicians Researchers about Domestic Musical Education, *Estudios Históricos*, vol. 14, № 28, Article № 14.

Сведения об авторах

Лупанова Евгения Михайловна, доктор исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, старший научный сотрудник, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-812-328-10-11, lupanova@kunstkamera.ru

В редакцию статья поступила 09.10.2023 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Document publication

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-864-878

For citation

Lupanova, Evgeniya M. (2024). «All conservatories teach all kinds of art except Russian, national art». A letter from P. I. Necheporenko to V. M. Andrianov about performing and teaching folk instruments. 1950 г.», *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 864–878, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-864-878

Lupanova, Evgeniya M., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

All conservatories teach all kinds of art except Russian, national art». A letter from P. I. Necheporenko to V. M. Andrianov about performing and teaching folk instruments. 1950

Abstract

Historiographical tradition relates the formation of a wide professional performance on Russian folk musical instruments in the 1920s–1930s, linking this approach to the Soviet reforms of music education, when the academic traditions of the pre-revolutionary period were to be replaced by the culture of workers, an important component of which was the performance of music on folk instruments. Against this background, a number of directives appeared aimed at creating appropriate specializations in educational institutions, and performances by groups of various levels were encouraged at different venues: on concert stages, in cinemas accompanying silent films, and in city parks and gardens. The 1920s–1930s were marked by the emergence of talented performers, both soloists and ensembles; new professional and amateur creative groups were created. However, this process was not linear and unambiguous. The Great Patriotic War was the reason of a serious blow to culture, both in the performing arts and in the educational system. In the Soviet official press and open public discussions it was customary to speak about the existing shortcomings in a veiled form, if not to hide them. In accordance with this practice, the published document was given the status of a matter of state importance and classified. The source is a letter of the outstanding balalaika player P. I. Necheporenko. The author-musician appears in a new perspective – as an caring person who closely observed the cultural life, reflected on what was happening and advocated for raising the level of performance on Russian folk instruments. The letter was addressed to the First Secretary of the Leningrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks V. M. Andrianov. The text outlines the main problems of the work of professional folk instrument orchestras: their small amount (four for the whole country), shortcomings in the work of educational institutions, determining the situation of staff shortage; shortcomings in the work of factories for the manufacture of musical instruments. The discussion of the letter written in 1950 probably went beyond the Leningrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Within a decade the sluggish bureaucratic machine was reoriented in the direction indicated by P. I. Necheporenko – a network of folk instrument classes in children’s music schools and departments in conservatories were created all over the country, admission plans to secondary educational institutions were expanded, factory flow charts were revised, a lot of work was done to raise the professional level of craftsmanship and to promote this type of art among the masses. The name of P. I. Necheporenko should rightfully stand next to that of M. P. Zaraiskii in the history of the formation of modern orchestral performance.

Keywords

Source, archival document, P. I. Necheporenko, Russian folk musical instruments, orchestras, professional music education, Soviet state policy of 1920–1960s in the area of culture.

References

Kolokol'nikov, I. A. (2016). "History of the development of folk music culture of Irkutsk in 1905–1960", *Cultural Heritage of Russia*, no. 1, pp. 79–85.

Kochekov, V. F. (2014). "Cultural and historical prerequisites for the formation of professional folk instrumental performance in the South Urals (1920–1930)", *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 3 (39), pp. 114–120.

Sidorchuk, I. V. (2021). "Leisure in the time budgets of Soviet townspeople (based on the research materials of the 1920s – early 1930s)", *Scientific Dialogue*, no. 10, pp. 462–480.

Faizrakhmanova, L. T. (2009). "Music education in Kazan (40-50s of the last century)", *The journal of education and self-development*, no. 5 (15), pp. 212–217.

Suetin, I. N. (2022). "Soviet musicians Researchers about Domestic Musical Education", *Estudios Históricos*, vol. 14, № 28, Article № 14.

About the authors

Lupanova, Evgenia M., Doctor of Historical Sciences, senior researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, 8-812-328-10-11. lupanova@kunstkamera.ru

The article was received in the editorial office on 09.10.2023, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 930.253+304.2+316.35+930.23+651.5+304.444+364.02+651.9+930.85+009+304.442+364.05+364.29+364.62+316.023.5+316.342.6+316.614+316.733+316.75+659.4+342.71+342.8+342.53+328.32+338.23+331.1+346.2+334.7+346.9+353.2+353.9+371.64/.69+37.014.5

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-879-895

Для цитирования

Гагиева, А. К., Шестакова, А. А. Городское управление и общественные организации г. Усть-Сысольска Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 879–895, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-879-895

Гагиева, А. К.

Коми республиканская академия
государственной службы и управления,
г. Сыктывкар, Российская Федерация

Шестакова, А. А.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, Российская Федерация

**Городское управление и общественные
организации г. Усть-Сысольска
Вологодской губернии во второй половине
XIX – начале XX века**

Актуальность. Изучение институтов общегородского управления и городских общественных организаций уездных центров Российской империи в конце XIX – начале XX в. продолжает сохранять свою актуальность. Это связано не только с недостаточной изученностью данного вопроса, но и с дискуссией о роли местных органов управления при их создании, контроле деятельности и их ликвидации.

Историография. Ряд исследователей считают, что «местные органы власти полностью регламентировали деятельность создающихся городских общественных организаций»¹, другие утверждают, что, «несмотря на известные факты противостояния местной власти и общественных организаций, в целом можно говорить о доминирующей тенденции их взаимопонимания и сотрудничества (особенно в социокультурной сфере)»². Признавая правомерность заявленных положений, следует отметить, что они, в основном, базируются на исследовании городской власти и общественных организаций в губернских центрах, тогда как в уездных городах ситуация была не столь однозначна.

Необходимо признать, что история городского управления на изучаемой территории нашла освещение в контексте изучения истории сословий, городских общественных организаций, благотворительности, попечительства и так далее³. Л. А. Габов был одним из первых, кто обратил внимание на городское управление. В его научном отчете, посвященном буржуазным реформам конца XIX в., представлены деятельность городской думы и городской управы, а также их роль в системе управления⁴. В работах В. В. Шаньгиной, посвященных уездному купечеству конца XIX в., впервые определена его роль при формировании городских управленческих структур⁵. В то же время эти исследователи, как отечественные, так и зарубежные⁶, не рассматривали вопросы отношений между органами управления и общественными организациями на изучаемой территории. В более поздних работах по истории Республики Коми данные проблемы также не стали предметом специального обсуждения.

Источники. В рассмотрении общегородского управления и общественных организаций г. Усть-Сысольска Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в. использовались как опубликованные, так и архивные источники, часть из которых была впервые введена в научный оборот. Последние представлены документами Национального архива Республики Коми (НАРК): журналами Усть-Сысольского уездного полицейского управления за 1863–1917 гг.⁷, делопроизводственными документами Усть-Сысольской городской думы за 1807–1918 гг.⁸ и Усть-Сысольской городской управы за 1872–1918 гг.⁹

Исторические комплексы, находящиеся в фондах НАРК, являются уникальными историческими источниками. По принятой в российском источниковедении классификации они относятся к директивному (постановления и решения) и организационному (протоколы заседаний) типам. В них прослеживается единообразие при подготовке документов, основанное на принципах министерского делопроизводства. Сохранен журнальный вид подачи, а также однотипность формы, тяготеющей к стандартизации и законодательно установленному формуляру. Отдельно выделена постановляющая часть «городская дума постановила», а также подписи присутствующих на заседании. Некоторые из представленных источников достаточно хорошо известны, а многие из них уже опубликованы¹⁰. Вместе с тем, в контексте изучения взаимодействия городских органов власти и общественных организаций они представлены впервые.

Постановка проблемы. Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии с центром в г. Усть-Сысольске находился в северо-восточной части губернии на слиянии рек Вычегды и Сысолы. По переписи 1897 г. в Усть-Сысольском уезде насчитывалось 89 840 жителей, в том числе постоянного населения – 86 294 (96,1%) и временного – 3 546 (3,9%) чел. В уездном центре – г. Усть-Сысольске проживало 5 597 чел., в том числе 2 616 мужчин и 2 981 женщина¹¹. По национальному составу коми составляли 82,86%, русские 16,49%, поляки 0,45%, евреи 0,05% и другие 0,15%¹². По социальному составу это были купцы, торговцы, мещане и крестьяне. В городе имелись мужская и женская гимназии, духовное училище, церковно-приходские и земские школы.

По «Городовому положению» 1870 г. в г. Усть-Сысольске, как и по всей стране, в выборах могли участвовать только лица, достигшие 25 лет. Они составляли 30% населения, но по введенному имущественному цензу не все они входили в состав избирателей. Основную массу избирателей (90% налогоплательщиков) составляли владельцы городской недвижимости. Это владельцы жилых и хозяйственных построек, купцы, мещане и торгующие по купеческим свидетельствам крестьяне.

Существовала еще небольшая группа избирателей (2%), владевшая недвижимостью и земельными участками, мукомольными и кожевенными предприятиями, находившимися в черте города. Несмотря на свою малочисленность, именно эта группа определяла городскую политику и управляла городской жизнью.

Результаты исследования. Все избиратели делились на три разряда. В основе деления лежала сумма уплачиваемого налога в пользу города. Первый разряд включал самых крупных налогоплательщиков, вносивших одну треть налоговой суммы; второй – средних городских обывателей, вносивших также одну треть; в третий разряд входили горожане, вносившие остальную часть. Избиратели выбирали органы городского управления. Распорядительные функции были переданы городской думе, которая состояла из городских гласных, избравшихся на 4 года. Городская управа (исполнительный орган), городской голова избирались на заседаниях городской думы.

В г. Усть-Сысольске в общий список избирателей городской думы в 1879 г. было внесено 623 чел. В первый разряд вошли 14, во второй – 83, в третий – 526 чел. В 1890 г. список составил уже 644 чел.: 23 вошли в первый; 132 – во второй и 489 – в третий разряды¹³.

Каждый разряд выборщиков посылал в думу по 12 гласных. Однако в связи с тем, что разряды были не равны, входящие избиратели (гласные) были представлены в городском управлении неравномерно. В 1879 г. в Усть-Сысольскую городскую думу вошли 27 мещан, 5 купцов, 2 священника, 1 дворянин, 1 крестьянин. По имущественному цензу гласные состояли из 25 владельцев недвижимости, 8 торговцев, имевших недвижимость и 1 – без нее¹⁴.

На первом заседании в 1874 г. была избрана городская управа (2 человека) и городской голова. Первым городским головой стал Н. А. Попов (владелец торгового амбара с разными продуктами и рейнского погреба со спиртными напитками), в 1885-1889 гг. городскую думу возглавлял купец П. В. Жеребцов, в 1884–1894 гг. – купец А. М. Забоев и другие¹⁵.

11 июня 1892 г. было принято новое положение о городском управлении. Для усиления в системе управления городами

наиболее состоятельными жителями был введен более высокий имущественный ценз. Право избрания распорядительного органа городского управления получили владельцы недвижимого имущества, оцененного для взимания городского сбора на сумму не менее 300 руб., а также владельцы торговых и промышленных заведений, которые содержались по купеческим свидетельствам купцов 1-й и 2-й гильдий.

В результате реформы количество мелких собственников в городской думе изучаемого региона сократилось в 4 раза. В 1894 г. в списки было внесено 142 чел., среди них числились: 4 владельца недвижимого имущества, 103 мещанина, 4 купца, 17 дворян, 6 крестьян, 4 человека с купеческими свидетельствами, 2 купца и 2 крестьянина¹⁶.

В 1901 г. правом участия в выборах обладали 164, в 1905 г. – 190 чел.¹⁷ В выборах 1909 г. имели право принимать участие 187 избирателей. Лишь в 1914 г. число избирателей превысило 200 чел. Как и в предыдущее время, на избирательных собраниях выбирали гласных городской думы с правом голоса. Минимальное число составляло 20 человек. На каждые 150 избирателей можно было избирать трех дополнительных гласных. В Усть-Сысольскую городскую думу избиралось 29 гласных. Кроме них с правом решающего голоса входил председатель уездной земской управы и с разрешения епархиального начальства депутат от духовного ведомства.

Более половины гласных, как и в 1871 г., составляли мещане. В думу созыва 1902–1905 гг. входили: пять купцов – И. П. Комлин, В. П. Комлин, И. М. Вежев, В. П. Оплеснин, А. Ф. Сычев, служащий В. Ф. Попов, который имел крестьянское происхождение, учитель П. Н. Виноградов и мещане (16 чел.). Дума 1906–1909 гг. была уже исключительно мещанской, в ней заседал лишь один купец И. П. Комлин. В 1910–1913 гг. в состав думы кроме мещан вошли лишь три купца и один служащий. Такой мещанский состав городского управления говорил о начале формирования на изучаемой территории сословной мещанской корпорации. Однако оформления ее в самоуправляющую организацию, со своим делопроизводством, финансами и выборным управлением, как это было на соседних с краем территориях, не произошло.

С 1890 по 1918 г. 140 мест гласных занимали 80 человек. Из 51 11 были гласными по одному разу, 15 – по два, 6 – по три, 8 – по четыре и более раза¹⁸. Гласные городской думы, как и в предыдущее время, избирали на 4 года городскую управу, городского голову, городского секретаря, который совмещал функции секретаря думы. Последний должен был знать азы министерского делопроизводства, уметь вести протоколы заседаний, формировать архивные дела и быть советником городского головы по вопросам городского управления. В нашем распоряжении имеется документ за 1900 г., в котором дана характеристика деятельности секретаря Городской думы С. И. Забоева. Он служил в этой должности без перерыва с 1886 г. по 1900 г., «отличаясь полным знанием дела и практической опытностью в городском хозяйстве ... проявил вполне полезную деятельность на поприще службы в городском управлении в качестве секретаря, являясь советником городского головы во всех вопросах, относящихся до городского управления». Исходя из этого, дума приняла решение ходатайствовать о награждении С. И. Забоева «званием личного почетного гражданина г. Усть-Сысольска за то несомненное усердие, с которым он эту обязанность нес в течение 14 лет кряду»¹⁹.

Городской голова обладал широкими полномочиями. Он председательствовал в думе и в городской управе, руководил работой всех органов местного самоуправления. Только городской голова имел право «сношений» с губернским начальством. Несмотря на мещанский состав, на пост городского головы после контрреформы 1892 г. избирались исключительно представители купечества²⁰. Один из них, Иван Платонович Комлин, купец 2-й гильдии, основатель первого городского общественного банка. Обучался в Усть-Сысольском уездном училище, «но курса не окончил», владел деревянным двухэтажным домом, оцененным по городской оценке в 1450 руб. В 1894–1918 гг. был избран гласным Усть-Сысольской городской думы и городским головой.

Городской голова, члены управы и секретарь являлись государственными служащими. Их утверждал губернатор, жалование им платилось из городской казны. Например, на заседании Усть-Сысольской городской думы 19 июня 1900 г. было

принято решение о жаловании в размере 40 руб. в год членам городской управы С. И. Цивилеву и А. А. Улитину²¹. Городские головы также получали жалование, но, как показывают исторические источники, часть его они отдавали на развитие городского образования, открытие сиротских приютов и т. д.

Постепенно на протяжении изучаемого периода складывались влиятельные семейные кланы, которые регулярно избирались в органы управления. Например, купец В. П. Комлин избирался в думу шесть раз, а его брат И. П. Комлин четыре раза. Мещанин А. Е. Суханов избирался в гласные пять раз и дважды был городским головой, как и его отец²².

Городские органы управления на протяжении изучаемого времени решали как финансовые, так и хозяйственные вопросы. Доходная часть бюджета состояла из следующих статей: 40–50% – сборы с городских и недвижимых имуществ и оброчных статей, 9–10% – сборы с недвижимого имущества городских обывателей, 10–12% – сборы от подготовки делопроизводственных документов на право торговли и промыслов, сборы с трактиров, постоялых дворов и лавок, с собак и другие²³.

Общие поступления были незначительны. Так, в 1883 г. доходная часть бюджета составляла 8,5, а в 1893 г. 14,2 тыс. руб. 80% этой суммы уходило на содержание полиции, тюрьмы, пожарной команды, городского управления, 8% – на содержание городских образовательных учреждений (мужского приходского училища, женской гимназии и других), остальные суммы шли на благоустройство, ремонт тротуаров и другое²⁴. Городские общественные организации, создаваемые в этот период, не финансировались вообще.

Известно, что конец XIX – начало XX в. для Усть-Сысольского уезда и всего Европейского Севера России характеризовался значительными экономическими и социальными переменами. Вслед за губернскими городами здесь активизировались общественные силы «в направлении изучения языка, истории и культуры коренных народов» (коми), пропаганды научных знаний, активизации общественного досуга и других²⁵.

До 1906 г. деятельность уездных общественных организаций не регламентировалась. Представители администрации имели обширные полномочия по открытию, контролю

над деятельностью и закрытию общественных организаций. Однако в изучаемое время власть иногда шла на компромиссы по взаимодействию с уездной общественностью при создании общественных организаций. Это было связано как с изменением взгляда на общественные организации как на организации, приносящие пользу местному хозяйству и культуре, так и с изменением городской среды уездного общества. Это приводило к тому, что городской досуг приобретал все большие черты публичности, и домашнее времяпрепровождение – семейные и индивидуальные формы проведения свободного времени – вытеснялись общественными.

Активизации общественного досуга в г. Усть-Сысольске способствовали различные общества по организации «свободного времяпрепровождения». Кроме них, в изучаемое время формировались и иные общества, которые ставили более широкие задачи²⁶. В городе отсутствовали профессиональные учреждения культуры (музеи, театры и др.). Общественность активно создавала их на любительской основе. Примером может служить городской любительский театр, который на протяжении изучаемого периода смог сформировать репертуар, поставить водевили и драмы, а также стать «культурным явлением» в жизни уездного города. Открытие театра стало в будущем основой для развития профессионального театрального искусства в изучаемом регионе. В театре силами энтузиастов была создана музыкальная группа, состоящая из любителей, которая сопровождала все театральные постановки.

Власть, в лице городской управы, постоянно контролировала репертуар театра. Так, в 1872 г. в г. Вологду, в театральную цензуру, был отправлен репертуар театра, состоящий из 53 пьес. Лишь после получения положительного ответа Усть-Сысольский любительский театр приступил к постановкам произведений. Чиновники уездной администрации присутствовали на генеральных репетициях, после чего составлялись рапорты о возможности или невозможности показа спектакля. Цензурные и контрольные полномочия возлагались исключительно на уездную администрацию.

Большой популярностью среди городского населения пользовались Общественное собрание и Общественный клуб.

Эти организации, созданные исключительно по инициативе купцов, мещан и чиновников, сыграли определенную роль в активизации культурной жизни уездного города. Имея свой устав, руководство, финансовую поддержку в лице благотворителей и членов клуба, эти организации были поддержаны местной властью. В уставе относительно почетного членства использовались формулировки, которые позволяли привлекать к участию в нем представителей местной власти. В 1872 г. во главе клуба стал секретарь земской управы В. М. Латкин, который инициировал открытие катка в городе, народные гуляния в Заречье, публичные лекции «о вреде пьянства» и другое. Уставом общества оговаривался и контроль городской управы над его деятельностью.

Иногда уездная власть сама инициировала создание общественных организаций, которые пользовались покровительством государства. Например, открытие в уездном городе «Общества трезвости», Народного дома, просветительских организаций и т. д.

Бывали случаи, когда власть запрещала проведение каких-либо мероприятий, мотивируя это тем, что они не соответствуют специфике работы той или иной организации. Особо внимательно власть относилась к формированию обществ, кружков, клубов в образовательных учреждениях²⁷.

Иногда вопрос о финансовой поддержке тех или иных общественных мероприятий решался отрицательно в силу отсутствия денежных средств. Так, 22 сентября 1900 г. городская дума отказала в финансовой поддержке Дамскому комитету, который был создан в начале XX в. и состоял из жен купцов, мещан и учителей гимназий. Организация оказывала помощь раненым и больным во время военных действий, а также социальную поддержку населению в мирное время – открывала приюты для сирот, бесплатные столовые и другое. Комитет просил «денежное пособие на заготовку вещей для больных и раненых воинов на Дальнем Востоке»²⁸.

Выводы. Существовавшие отношения местной власти и общественных организаций в г. Усть-Сысольске целиком и полностью зависели от личности городского головы, его мировоззрения и человеческих качеств. Примером

служит деятельность уже упоминавшегося городского головы И. П. Комлина. Он много сделал для развития просвещения, популяризации новых знаний, традиций, культуры народа коми, а также для изучения миссионерской деятельности Стефана Пермского²⁹. Аналогично действовали и другие представители городского управления³⁰. Как показывают источники, практически все городские уездные головы поддерживали развитие благотворительности, частной инициативы в вопросах свободного времяпрепровождения, борьбы с пьянством и т. д.

С одной стороны, деятельность местных органов власти и общественных организаций в уездном городе была довольно успешна. Многие члены городской думы, чиновники уездной канцелярии сами были активными участниками проводимых общественных организациями мероприятий. С другой, – как показывают исторические документы, каждая общественная организация от зарождения до закрытия находилась под «гласным и негласным» надзором полицейских органов.

Сформированные к концу изучаемого периода взаимоотношения городской власти и общественности в губернских и уездных городах отличались. В губернских центрах наблюдалось доминирование сотрудничества, тогда как в уездных местная администрация с большой осторожностью и опаской рассматривала предложения об открытии новых общественных организаций и постоянно контролировала деятельность уже существовавших. Городская дума и городская управа играли основную роль в жизни уездного города. Они активно участвовали в благоустройстве города, по мере своих финансовых возможностей помогали образовательным и общественным организациям.

Примечания

¹ Степанский, А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: Учеб. пособие по спецкурсу. Москва: Б. и., 1980. С. 27–29.

² Казакова-Апкаримова, Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX – начало XX в). Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 78.

³ Рогачев, М. Б., Цой, А. И. Усть-Сысольск: Страницы истории. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. 155 с.; Рощевская, Л. П. Архитектура и строительство в Коми крае в конце XIX – начале XX века: очерки истории. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 79 с.; Гагиева, А. К. Библиотеки Коми края как элемент формирования гражданского общества в национальных регионах имперской России. Вторая половина XIX – начало XX в. // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 428–438; Гагиева, А. К. «Местное общество» г. Усть-Сысольска Вологодской губернии во второй половине XIX в. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 783–792.

⁴ Габов, Л. А. Проведение буржуазных реформ в Коми крае. Научный отчет. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Науч. архив КНЦ Уро РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 55. Л. 143.

⁵ Шаньгина, В. В. Буржуазная реформа 60–70-х гг. XIX в.: промышленность и торговля // История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1978. С. 117–123, 131–136; Шаньгина, В. В. Крестьянская и другие буржуазные реформы 1860–1870-х гг. Контрреформы 1880 – начала 1890-х гг. // История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2 т. Т. 1. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. С. 391–403.

⁶ Barnett, Vincent (2005). A history of Russian economic thought, vol. XIV, Routledge, London; New York, 172 p.; Offord, D. (1999). Nineteenth century Russia Opposition to Autocracy. L-N-Y., 193 p.; Pipes, Richard. (2005), Russian Conservatism and its Critics: A Study in Political Culture, Published New Haven, Yale University Press, CT, USA, 303 p.; Fukuyama, F. (1992). The End of history and Last Man. Penguin UK or Macmillan, USA, 448 p.; Black C. E. (1975). The dynamic of modernization: A study in comparative History. Harper Colophon Books, N. Y., USA, 206 p.

⁷ Национальный архив Республики Коми (НАРК): Ф. 6. Усть-Сысольское уездное полицейское управление Вологодского губернского правления, г. Усть-Сысольск Вологодской губернии (1863–1917 гг.).

⁸ Там же. Ф. 118. Усть-Сысольская городская дума (1807–1919 гг.).

⁹ Там же. Ф. 120. Усть-Сысольская городская управа (1807–1918 гг.).

¹⁰ История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. Т. 1. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. С. 391–403; Т. 2. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. С. 24–27; Культурная жизнь Коми края. 1800–1917 гг. Сборник документов и материалов. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2017. 263 с.; Журналы заседаний

Усть-Сысольской городской думы 1900–1918 гг. Сборник документов. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2022. 708 с.

¹¹ Игнатова, Н. М., Вишнякова, Д. В., Обедков, А. П. и др. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX вв.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. С. 60.

¹² История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 1. С. 386.

¹³ Там же. С. 399.

¹⁴ НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 193. Л. 2–3.

¹⁵ Там же. Д. 1015. Л. 120.

¹⁶ История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 1. С. 400.

¹⁷ История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 26.

¹⁸ НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 890. Л. 1–7; Д. 967. Л. 11–18.

¹⁹ Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3874. Л. 23–26 об.

²⁰ История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 1. С. 400.

²¹ НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3874. Л. 77–78, 80–86.

²² История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 26.

²³ История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 1.

С. 400.

²⁴ НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 923. Л. 15.

²⁵ Гагиева, А. К. «Местное общество» г. Усть-Сысольска Вологодской губернии во второй половине XIX в. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 783–792.

²⁶ Там же.

²⁷ НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

²⁸ Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3874. Л. 105–108.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 11, 13 об.

Аннотация

Изучение истории общегородского управления и городских общественных организаций уездных центров Российской империи в конце XIX – начале XX в. продолжает сохранять свою актуальность. Это связано не только с недостаточной изученностью вопроса, но и с дискуссией о роли местных органов управления при их создании, контроле деятельности и их ликвидации. Одни исследователи считают, что местные органы

власти полностью регламентировали деятельность общественных организаций, другие отмечают, что в исследуемое время власть поддерживала инициативу населения по формированию городской среды. Признавая правомерность заявленных положений, следует отметить, что они, в основном, базируются на исследовании взаимодействия власти и общественных организаций в губернских центрах, тогда как в уездных городах ситуация была не столь однозначна. Цель работы – рассмотрение общегородского управления и общественных организаций г. Усть-Сысольска Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Использовались как опубликованные, так и архивные источники, часть из которых впервые введена в научный оборот. История городского управления на изучаемой территории нашла освещение в контексте изучения истории сословий, городских общественных организаций, благотворительности, попечительства и т. д. Отношения городской уездной власти и общественных организаций, особенно в национальных регионах, до настоящего времени не были предметом специального исследования. Исторические комплексы, находящиеся в фондах Национального архива Республики Коми (НАРК), являющиеся уникальными историческими источниками. По принятой в российском источниковедении классификации они относятся к директивному (постановления и решения) и организационному (протоколы заседаний) типам. В результате изучения показано, что досуг населения уездного города к концу исследуемого периода приобретал все больше публичности, а домашнее времяпрепровождение – семейные и индивидуальные формы проведения свободного времени – вытеснялись общественными. Местные органы власти и общественные организации уездного города успешно взаимодействовали между собой. Как показывают исторические документы, это происходило при «гласном и негласном» надзоре полицейских и городских органов власти. В уездных городах местная администрация с большей осторожностью и опаской рассматривала предложения об открытии новых обществ и постоянно контролировала деятельность уже существовавших, тогда как в губернских центрах наблюдалось доминирование сотрудничества городских обществ и власти.

Ключевые слова: городская дума, городская управа, городской голова, общественный досуг, заседатели, гласные, общественные организации, исторические источники.

Список литературы

Захарова, Л. Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории // Отечественная история. 2005. № 4. С. 156–165.

- Игнатова, Н. М., Вишнякова, Д. В., Обедков, А. П. и др. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX вв.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. 276 с.
- Казакова-Апкаримова, Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX – начало XX в). Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 287 с.
- Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. Санкт-Петербург: Дм. Буланин, 2003. 583 с.
- Рогачев, М. Б., Цой, А. И. Усть-Сысольск: Страницы истории. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. 155 с.
- Рощевская, Л. П. Архитектура и строительство в Коми крае в конце XIX – начале XX века. Очерки истории. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 79 с.
- Степанский, А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: Учеб. пособие по спецкурсу. Москва: Б. и., 1980. 96 с.
- Туманова, А. С. Самодержавие и общественные организации в России 1905–1917 гг. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 487 с.
- Ульянова, Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX в. Москва: Наука, 2005. 402 с.
- Шаньгина, В. В. Буржуазная реформа 60–70-х гг. XIX в.: промышленность и торговля // История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1978. 560 с.
- Barnett, Vincent (2005). A history of Russian economic thought, vol. XIV, Routledge, London; New York, 172 p.
- Offord, D. (1999). Nineteenth century Russia Opposition to Autocracy. L-N-Y., 193 p.
- Pipes, Richard (2005). Russian Conservatism and its Critics: A Study in Political Culture, Published New Haven, Yale University Press, CT, USA, 303 p.
- Fukuyama, F. (1992). The End of history and Last Man. Penguin UK or Macmillan, USA, 448 p.
- Black C. E. (1975). The dynamic of modernization: A study in comparative History. Harper Colophon Books, N. Y., USA, 206 p.

Сведения об авторах

Гагиева Анна Капитоновна, доктор исторических наук, доцент, Коми республиканская академия государственной службы и управления, кафедра государственного и муниципального управления, профессор, г. Сыктывкар, Российская Федерация, 8-212-30-27-80, gngkol2@mail.ru
Шестакова Анна Александровна, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, кафедра истории и философии, ассистент, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-800-12-00, shestakova.aa@rea.ru

В редакцию статья поступила 20.02.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-879-895

For citation

Gagieva, Anna K., Shestakova, Anna A. (2024). Urban management and public organizations of Ust-Sysolsk, Vologda Province in the second half of the XIX – early XX century, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 879–895, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-879-895

Gagieva, Anna K., Komi Republican Academy of Public Service and Management, Syktyvkar, Russia

Shestakova, Anna A., Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

City government and public organizations of Ust-Sysolsk, Vologda Province in the second half of the XIX – early XX century

Abstract

The study of the history of city government and urban public organizations of county centers of the Russian Empire in the late XIX – early XX century continues to retain its relevance. This is due not only to the insufficient study of the issue, but also to the discussion about the role of local government bodies in their creation, control of their activities and their liquidation. Some researchers believe that local authorities fully regulated the activities of public organizations, others note that in the time under study the authorities supported the initiative of the population to shape the urban environment. Recognizing the legitimacy of the stated provisions, it should be noted that they are mainly based on the study of interaction between the authorities and public organizations in provincial centers, while

in district towns the situation was not so unambiguous. The purpose of the paper is to consider the city government and public organizations of Ust-Sysolsk, Vologda Province in the second half of the XIX – early XX century. Both published and archival sources were used, some of which were first introduced into the scientific turnover. The history of urban governance in the studied territory was covered in the context of studying the history of estates, urban public organizations, charity, trusteeship, etc. The relations between the city district authorities and public organizations, especially in the national regions, have not been the subject of a special study so far. The historical complexes in the fonds of the National Archives of the Komi Republic (NARK) are unique historical sources. According to the classification adopted in Russian source studies, they belong to the directive (resolutions and decisions) and organizational (minutes of meetings) types. As a result of the study it is shown that the leisure time of the population of the county town by the end of the period under study became more and more public, and domestic pastime – family and individual forms of spending free time were replaced by public ones. Local authorities and public organizations of the county town successfully interacted with each other. As historical documents show, this took place under the “overt and covert” supervision of police and city authorities. In district towns, the local administration was more cautious and cautious in considering proposals to open new societies and constantly monitored the activities of the existing ones, while in provincial centers there was a dominance of cooperation between city societies and the authorities.

Keywords

City council, city administration, city mayor, public leisure, assessors, vowels, public organizations, historical sources.

References

- Zakharova, L. G. (2005). Great reforms of the 1860–1870s: the turning point of Russian history, *Otechestvennaya istoriya*, № 4, pp. 156–165.
- Ignatova, N. M., Vishnyakova, D. V., Obedkov, A. P., et al. (2022). Numerosity and reproduction of the population of the Komi Republic in the second half of XIX–XX centuries: historical-demographic and historical-geographical studies of the Russian North. FIC Komi Scientific Center of the Ural RAS Department, Syktывkar, Russia, 276 p.
- Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2008). Formation of civil society: urban class corporations and public organizations in the Middle Urals (second half of XIX-beginning of XX v.), Uro RAS, Ekaterinburg, Russia, 287 p.
- Mironov, B. N. (2003). Social History of Russia in the Period of Empire (XVIII – early XX c.): Genesis of the Individual, Democratic Family,

Civil Society and the Rule of Law, vol. 2. Dm. Bulanin, St. Petersburg, Russia, 583 p.

Rogachev, M. B., Tsoi, A. I. (1989). Ust-Sysolsk: Pages of History. Komi book publishing house, Syktyvkar, Russia, 155 p.

Roshchevskaya, L. P. (2005). Architecture and construction in Komi Krai at the end of XIX – beginning of XX centuries, Sketches of history, Syktyvkar State University Publishing House, Syktyvkar, Russia, 79 p.

Stepansky, A. D. (1980). Autocracy and public organizations of Russia at the turn of XIX–XX centuries: Study guide for special course, B. i., Moscow, Russia, 96 p.

Tumanova, A. S. (2002). The autocracy and public organizations in Russia in 1905–1917, TSU pub., Tambov, Russia, 487 p.

Ulyanova, G. N. (2005). Charity in the Russian Empire. XIX – the beginning of XX centuries, Nauka, Moscow, Russia, 402 p.

Shangina, V. V. (1978). Bourgeois reform of the 60–70-ies of the XIX century: industry and trade. IN: History of the Komi ASSR from ancient times to our days, Komi Book Publishing House, Syktyvkar, Russia, 560 p.

Barnett, Vincent (2005). A history of Russian economic thought, vol. XIV, Routledge, London; New York, 172 p.

Offord, D. (1999). Nineteenth century Russia Opposition to Autocracy. L-N-Y., 193 p.

Pipes, Richard (2005). Russian Conservatism and its Critics: A Study in Political Culture, Published New Haven, Yale University Press, CT, USA, 303 p.

Fukuyama, F. (1992). The End of history and Last Man. Penguin UK or Macmillan, USA, 448 p.

Black C. E. (1975). The dynamic of modernization: A study in comparative History. Harper Colophon Books, N. Y., USA, 206 p.

About the authors

Gagieva, Anna K., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Komi Republican Academy of Public Service and Administration, Department of State and Municipal Management, Professor, Syktyvkar, Russia, 8-212-30-27-80, gngkol2@mail.ru

Shestakova, Anna A., Plekhanov Russian University of Economics, Department of History and Philosophy, Assistant, Moscow, Russia, 8-495-800-12-00, shestakova.aa@rea.ru

The article was received in the editorial office on 20.02.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94+316.628.6+321.74+651.9+002.66+304.3+002.6.048.26+304.44+304.444+37.013.78+316.61+316.621+316.75+321.02+353.2+378.014.15+378.1+378.6+394.014

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-896-912

Для цитирования

Галимзянова, А. Т. Периодическая печать Казанского пединститута в развитии самокритики и практики публичного покаяния в годы массовых репрессий второй половины 1930-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 896–912, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-896-912

Галимзянова, А. Т.

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Российская Федерация

Периодическая печать Казанского пединститута в развитии самокритики и практики публичного покаяния в годы массовых репрессий второй половины 1930-х гг.

Актуальность. Проблема массовых репрессий периода сталинизма вызывает непреходящий интерес отечественных и зарубежных исследователей¹. Это связано прежде всего с тем, что многие архивные источники до сих пор остаются недоступными для ученых, а опубликованные материалы порождают новые темы для дискуссий.

Историография. При наличии обширного массива научной литературы по заявленной теме для современных исследователей актуальным становится использование в своей работе микроисторического подхода. Он позволяет более детально рассмотреть причины, этапы и механизмы реализации политики Большого террора на примере судеб отдельных людей или социальных институтов². В рамках исследования большую ценность представляют работы, посвященные роли периодической печати в реализации репрессивной политики 1930-х гг.³ Исследователи показывают, что советские СМИ, являясь главным инструментом агитации и пропаганды, не столько информировали общественность и отражали реальность, сколько

способствовали ее формированию, внедряя в мировоззрение граждан коммунистические догмы.

В отдельную группу можно выделить региональные исследования, раскрывающие проблему сталинского террора⁴. Несмотря на то, что репрессивная политика велась и контролировалась из центра, можно обнаружить различия между реализацией правительственных установок в приграничных и национальных областях. Если говорить о Татарской АССР, то широкий массив фактологического материала, который раскрывает основные этапы и механизмы борьбы с «врагами народа», представлены в трудах Ф. Н. Багаутдинова, А. Л. Литвина, С. Ю. Малышевой, А. Ф. Степанова, Б. Ф. Султанбекова⁵.

Тема репрессивной политики в отношении ученых также нашла свое отражение в отечественных исследованиях⁶. В региональном аспекте эта тема, помимо указанных выше авторов, рассматривается в трудах Ф. А. Байрамовой, Ф. Г. Калимуллиной, Д. М. Насретдиновой, А. А. Сальниковой, которые через судьбы казанских исследователей, и прежде всего историков, погибших в застенках НКВД, показывают взаимоотношения власти и научной интеллигенции⁷.

Постановка проблемы. Вместе с тем отметим, что до сих пор отсутствуют научные издания, посвященные политико-идеологическим условиям организации научно-образовательной деятельности казанских вузов в годы массовых репрессий. Показательным в этом плане могла бы стать история развития Казанского государственного педагогического института (КГПИ), который в 1930-е гг. был единственным в Поволжье центром исторического знания. На основании анализа вузовской печати и архивных материалов предпринята попытка раскрыть правила и нормы поведения, установившиеся во взаимоотношениях между студентами и преподавателями в условиях сталинизма.

Ежедекадная газета «За педагогические кадры» была основана в октябре 1936 г. Она курировалась студенческим партактивом КГПИ и первоначально выходила тиражом 1 600 экземпляров, с восьмого номера количество сократили до 1 000. Первый номер состоял из одного листа. На каждой странице размещалось по 5 газетных колонок с заметками и статьями, сообщающими в большей степени

о партийно-организационной работе и комсомольской пропаганде. Последняя колонка под названием «Короткие сигналы» была посвящена обзору сложившегося внутреннего распорядка в общежитиях (об отсутствии возможности самостоятельной работы студентов из-за шумной нерабочей атмосферы и прочее). Важно отметить, что критика здесь была направлена в адрес самих студентов, и лишь одна небольшая заметка в 11 строк сигнализировала о том, что руководство института не обеспечило студентов чернилами.

Результаты исследования. На фоне разворачивающейся кампании против контрреволюционной оппозиции в советской Татарии продолжалась активная борьба с буржуазными националистами. По этому обвинению в Пединституте был арестован ряд преподавателей. В этих условиях партактив КГПИ объявил курс на повышение самокритики, а газета провозглашалась основным проводником данной политики.

Основываясь на том, что еще «не окончательно вытравлены» следы вредительской деятельности в стенах института, от учащихся требовали без боязни указывать на ошибки своих преподавателей⁸. Поэтому уже во втором номере газеты за 1936 г. была напечатана заметка «Против верхоглядства, за подлинное научное знание», где впервые был раскритикован преподаватель Георгий Федорович Юдин⁹.

Под разгромной статьей было указано: «Группа студентов. Следует шесть подписей». Как выяснилось позже, это были студенты 4-го курса исторического факультета. Они обвиняли лектора в приверженности к социологии, крайне малом употреблении исторических фактов, отсутствии учета времени при чтении курса, использовании материалов «элементарного учебника» Л. И. Рыклина, в котором отсутствовал материал о революции 1848 г. в Италии, из-за чего Г. Ф. Юдиным якобы «были извращены характер и движущие силы» этих событий. Но главная претензия заключалась в замалчивании историком руководящей роли Ленина и большевиков в борьбе против централизма при изложении истории Германии конца XIX – начала XX в.¹⁰

Выступление студентов в печатном органе института для Г. Ф. Юдина оказалось большим ударом: он некоторое время был не в состоянии читать лекции. 31 октября во время

очередного производственного совещания в адрес историка были сделаны «резкие заявления», но, к сожалению, их содержания в архивных материалах обнаружить не удалось.

2 ноября 1936 г. состоялось заседание кафедры всеобщей истории. На нем присутствовали 4 научных работника, 8 студентов, секретарь парткома и директор института. Первым выступил Г. Ф. Юдин. Он опроверг все обвинения со стороны студентов, охарактеризовал заметку тенденциозной и выпаднической, авторов назвал «мерзавцами и наглецами», требуя привлечения их к ответственности. Георгий Федорович согласился только с замечанием касаясь борьбы Ленина с центризмом и, оправдываясь, заявил, что по этой теме хотел провести отдельное занятие¹¹.

Мнения выступающих далее студентов разделились. Многие выразили свое удивление по поводу критики преподавателей, указали, что большинство студентов с авторами заметки не согласны, а приведенные в газете факты не соответствуют действительности: «Юдин тщательно готовился, но лекции часто превращаются в беседы между Юдиным и Гребенщиковым»¹². Последний, как выяснилось, был одним из инициаторов статьи и от выступления на заседании воздержался. С претензиями, заявленными на странице многотиражки «За педагогические кадры», согласились двое студентов: «Юдин чувствовал себя судьей студентов [...] грозил Гребенщикову [...]. О борьбе Ленина с центризмом Юдиным ничего не было сказано, это с его стороны грубейшее извращение действительности. Юдин о загнивании капитализма не говорил, когда ставил вопрос о наивысшей стадии развития производственных сил»¹³.

После студентов слово было предоставлено педагогическому составу. В защиту своего коллеги выступил историк Евгений Иванович Устюжанин. Авторов и редакцию он обвинил в использовании «методов желтой газеты» и предложил поставить обсуждение данной заметки на принципиальную высоту для того, чтобы не допустить повторения подобной критики преподавательской деятельности на страницах многотиражки¹⁴.

Осторожным было выступление директора института Г. К. Касымова, который отметил, что «критическое отношение к преподавателям – явление положительное», но в газете

следовало выступить только после использования «других возможностей»¹⁵. Со стороны Г. Ф. Юдина «извращений и игнорирования указаний ЦК» директор не увидел.

В противоречивом положении оказался секретарь парткома КГПИ Д. А. Еналеев: с одной стороны, желавший поддержать своего коллегу, с другой – обязанный, по долгу службы, контролировать соблюдение основного принципа партии – развитие критики и самокритики, невзирая на лица. Возможно поэтому его речь была предельно краткой, где он перечислил свои замечания, подробно не останавливаясь на их разъяснении: «Не верно некоторые студенты говорят о том, что у Юдина все хорошо. Юдин не прав, называя авторов мерзавцами. В статье есть доля правды, но есть и несправедливые моменты. [...] Трудно сейчас судить о тенденциозности авторов, это нужно изучить»¹⁶.

Последним выступил заведующий кафедрой всеобщей истории Сергей Платонович Сингалевич, который указал, что после личного посещения лекции Г. Ф. Юдина и проверки записей его студентов пришел к выводу о несостоятельности ряда обвинений в заметке. С. П. Сингалевич отметил, что в работе Георгия Федоровича есть конкретные недостатки, но «системных ошибок и извращений» нет, а газета не сыграла положительной роли¹⁷.

Заключительное слово Г. Ф. Юдина было не менее эмоциональным, чем вступительная речь: «Я пытался ударить по рукам тем, кто клеветал на меня»¹⁸. Он вспомнил критику, прозвучавшую в его адрес на первом производственном совещании 31 октября 1936 г., после которой, по его словам, уже на следующий день некий студент Антонов пришел к нему и «встал в струнку с извинениями». Георгий Федорович отметил, что статья вызвана тенденциозностью, а в газете «существует поход против преподавателей».

Вместе с тем в условиях нарастания атмосферы подозрительности и чувства страха Г. Ф. Юдин смягчил свою позицию в отношении критики в его адрес и на повторном заседании кафедры 14 ноября согласился с некоторыми замечаниями студентов¹⁹.

На том же заседании выступил молодой преподаватель Х. Гимади, который неприемлемое поведение Г. Ф. Юдина на предыдущем собрании определил как зажим критики: «Таким тоном пользовался известный троцкист Эльвов, который не давал

раскрыть рта»²⁰. Подобное сравнение звучало угрожающе, поскольку Г. Ф. Юдин пришел на должность декана исторического факультета после ареста своего коллеги Николая Наумовича Эльвова, и сейчас нависла опасность повторения его участи.

Кроме того, Х. Гимади объяснял желание Г. Ф. Юдина дать материал о борьбе Ленина с центризмом в отдельной лекции тем, что тот использовал в преподавании методы так называемых механистов²¹: «Это сохранилось у вас из Института, когда вы учились. [...] Вы еще не перестроились и здесь это чувствуется»²². Георгию Федоровичу пришлось оправдываться: «Надо вам сказать, что когда я был студентом, учился у Зайделя²³, учился у Ковалева²⁴, но [...] я никакой связи с их троцкистской деятельностью не имел. [...] Можете запросить партийную часть института, чтобы выяснить, каково было мое отношение к Зайделю и другим. Мое отношение заключается в том, что, будучи руководителем комсомольской организации, я вел усиленную борьбу против этих буржуазных влияний»²⁵.

Подводя итоги, С. П. Сингалевич снова пытался поддержать Г. Ф. Юдина и повторил, что содержание работы историка не дает основания говорить об игнорировании им партийных решений и систематическом допущении в работе грубых извращений. Подобная оценка заведующего кафедрой вызвала острую реакцию со стороны студента Гребенщикова. В результате завязавшейся дискуссии Сергей Платонович вынужден был согласиться с позицией учащегося и принять постановление, в котором утверждалось, что студенчество «должно своевременно сигнализировать о недочетах работы отдельных научных работников в их преподавании и таким образом облегчить задачу ликвидации этих недочетов»²⁶. Как видим, педагогический состав, настроенный на пресечение огульных нападок со стороны учащихся, был сломлен.

Вместе с тем репутацию Г. Ф. Юдина на этом заседании все-таки удалось сохранить: большая часть отмеченных в газете замечаний была признана несостоятельной, историку указали лишь на методологические недочеты в изложении материала и поручили провести дополнительную лекцию с разъяснением тех разделов курса, по которым были допущены «ошибки в трактовке отдельных вопросов». Так, авторы заметки выставились клеветниками, что послужило основанием для выхода

в последующих номерах «За педагогические кадры» серии разоблачительных статей.

В четвертом номере от 16 ноября 1936 г. на основании постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» критике был подвергнут заведующий кафедрой педагогики Б. П. Рождественский²⁷. В следующем номере обвиняли С. П. Сингалевича за плохую постановку работы молодых преподавателей, несостоятельную организацию самостоятельной работы студентов, но главное за то, что кафедры истфака проводят заседания без участия представителей студенчества²⁸. Статья «Расписываются в бездеятельности» от 6 декабря сообщала, что преподаватели географического факультета хотят снять с себя ответственность за недисциплинированность студентов²⁹. Тогда же была опубликована заметка «Практика сорвана», где студенты обвинили руководителя практики А. Ф. Мамыковского в том, что тот не осуществил должного контроля за подготовкой к учебным занятиям студентов-практикантов 3-го курса естественного факультета³⁰.

Замыкала серию разоблачений статья «Нравы гоголевских героев» от 16 декабря 1936 г. В ней читательски рассказали о прошедшем 2 ноября заседании кафедры всеобщей истории, акцентируя внимание на реакции преподавателей исторического факультета касаясь публикации «Против верхоглядства, за подлинное научное знание». Прежде всего вскрывались грубость и высокомерие, проявленные со стороны Г. Ф. Юдина: «В курсе империализма мало “веселого”. Если вам (студентам) взбредет в голову, что я мало говорю об исторических личностях, читайте сами литературу»³¹. Обвинялись также Е. И. Устюжанин, С. П. Сингалевич и студенты, вставшие тогда на сторону лекторов. Парткому института вменялось в вину затянувшееся обсуждение заметки, из-за чего стала возможным ситуация, когда после схожего разбирательства на кафедре естественного факультета по поводу публикации о А. Ф. Мамыковском авторы статьи «Практика сорвана» явились в редакцию с обвинениями об искажении содержания их рукописи и требовали признания в следующем номере газеты ошибки редакторов многотиражки и наказания тех, кто «исковеркал статью». На что редакция заявила, что не будет спорить о том, имеет ли она

право «редактировать и корректировать статьи, не искажая основного содержания»³². Данное высказывание в полной мере отражает ориентированность вузовской периодики на партийные установки, а не на объективность отражения реальности.

Студенты наговаривали на своих преподавателей не только на страницах вузовской периодики, но также писали доносы в Молотовский райком партии Казани. В результате чего от руководства пединститута потребовали составить для Татарского обкома ВКП(б) докладную записку о состоянии партийной и политико-массовой работы. Этот документ послужит основанием для привлечения директора КГПИ Г. К. Касымова к ответственности за «очковитательский» отчет, в котором он якобы скрыл недостатки в работе своего коллектива³³.

Психологическое напряжение в педагогическом коллективе возрастало и приняло более острый характер в связи с нависшей угрозой новых арестов. Показательны в этом отношении поведение Г. Ф. Юдина и Е. И. Устюжанина. Во время очередного партсобрания института 26 декабря 1936 г. они все еще сохраняли свои позиции по отношению к заметке в газете «За педагогические кадры». Но уже 28 декабря Георгий Федорович вынужден был полностью «признать и осудить свое антипартийное поведение». Так же и Е. И. Устюжанин, которого упрекали за грубый зажим самокритики, непартийное отношение к вузовской печати, согласился со всеми обвинениями³⁴.

Тем не менее потерь избежать не удалось: 30 декабря был арестован директор института Г. К. Касымов³⁵. Секретарь парткома КГПИ Д. А. Еналеев, осознавая нависшую над ним опасность, 6 января 1937 г. опубликовал объемную покаянную статью под названием «За широкую большевистскую самокритику», где признал ошибки парторганизации и руководства института в зажиме самокритики. При этом он указал, что Г. Ф. Юдин и Е. И. Устюжанин сознались в антипартийном поведении только под давлением парткома, который сумел предъявить историкам «неопровержимые факты»³⁶.

Уже в следующем номере газеты были опубликованы заметки преподавателей исторического факультета. Весьма лаконично, буквально в двух предложениях, выступление Е. И. Устюжанина: «Неверно оценил значение этой статьи [«Против верхоглядства

за подлинные научные знания»] в деле развития самокритики в нашем институте. В настоящее время я полностью осознал, что мое выступление было антипартийным»³⁷. Сообщение Г. Ф. Юдина – более развернуто. Он признал допущенные в лекциях ошибки и грубый тон при обсуждении студенческой заметки: «Полностью осознал свою nepозволительную политическую ошибку и стал на путь ее исправления»³⁸. Оправдывался и профессор С. П. Сингалевич: «Считать неправильным, что кафедра, вместо глубокой проверки работы тов. Юдина и ее недостатков, по существу занялась его реабилитацией»³⁹.

Последней шла статья от редакции. Авторы напомнили о nepозволительной реакции деканата естественного факультета, преподавателя Мамыковского и отдельных студентов 3-го курса на заметку о сорванной педагогической практике и указали, что после «проведенной беседы» все они осудили свои действия⁴⁰.

Выводы. Газета «За педагогические кадры» служила не объективному отражению действительности, а способом ее переформатирования в негативном ключе. Студенческому активу в лице редакторов многотиражки удалось убедить педагогический состав полностью признать предьявляемые им обвинения и принести извинения за допущенные «идеологические ошибки» и «непартийное поведение» при обсуждении публикаций. Своевременное осведомление о политических ошибках лекторов было объявлено необходимой и неотъемлемой частью студенческой жизни. Так традиционные ценности в научно-образовательной среде были заменены на новые формы поведения, продиктованные страхом потерять доверие партии.

Примечания

¹ Минц, М. М. Новая зарубежная литература по истории сталинских репрессий // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 2011. № 11. С. 65–88; Степанов, М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 годы): обзор современных историографических исследований // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). С. 145–149; Кропачев, С. А. От лжи к покаянию. Российская историография о масштабах репрессий и потерь СССР в 1937–1945 годах. Москва–Берлин: Директ-медиа Паблишинг, 2020. 262 с.

² Лейбович, О. Л. Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936–1938 годов // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 3 (30). С. 160–168; Щелкунов, А. А. Тотальный следственный подлог как инструмент Большого террора // Российская история. 2018. № 4. С. 43–57; Жанбосинова, А. С., Жандыбаева, С. С., Казбекова, А. Т. Эго-документы истории политического террора в Казахстане // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2021. Т. 66. № 3. С. 797–809; Lynne, V. (2018). New sources on Soviet perpetrators of mass repression: a research note, *Canadian Slavonic Papers*, vol. 60, № 3–4, pp. 592–604; Kaiser, P. (2019). Between conformity, subjugation and obstinacy, *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, vol. 67, № 2, pp. 239–269.

³ Кириллов, В. М. Отражение истории политических репрессий в публикациях периодической печати Урала (1928–1939 гг.) // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2021. № 4. С. 56–75; Дендиев, К. Г. Средства массовой информации и технология репрессий 1930-х гг. (по материалам региональной прессы) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5. № 3. С. 25–28; Макаров, А. А. Периодическая печать в процессе агитационно-пропагандистского обеспечения массовых репрессий 1934–1938 гг. (на материалах Красноярского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–2 (56). С. 102–105; Арнаутов, Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 223 с.; Матюшин, П. Н. Феномен образа «врага народа» на страницах местной партийной и периодической печати в годы обострения политического террора в 1937–1938 гг. (по материалам Чувашской АССР) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2011. № 1–1 (69). С. 125–129.

⁴ Лягушкина, Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 3 (26). С. 36–44; Тугужекова, В. Н. Репрессии в Хакасии: как это было (1930-е – середина 1950-х гг.). Абакан: Бригантина, 2018. 241 с.; Хатанзейская, Е. В. «Социально-чуждые элементы» в советской системе труда по материалам Архангельска (1929–1939) // Российская история. 2022. № 1. С. 109–117; Разгон, В. Н. Большой террор 1937–1938 гг.: выбор жертв репрессий (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 128–134; Lynne, V. (2017). *Stalinist Perpetrators on Trial: Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine*, Oxford University Press,

New York, USA, 304 p.; Kuromiya, H. (2014). Stalin's Great Terror and the Asian Nexus, *Europe-Asia Studies*, vol. 66 (5), May, pp. 775–793.

⁵ Багаутдинов, Ф. Н. По закону 1934 года [Репрессии в Татарии]. Казань: Татарское книжное изд-во, 1990. 133 с.; Степанов, А. Ф. Расстрел по лимиту: Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань: Новое Знание, 1999. 312 с.; Султанбеков, Б. Ф., Малышева, С. Ю. Трагические судьбы. Научно-популярные очерки. Казань: Татарское книжное издательство, 1996. 285 с.

⁶ Дубровский, А. М. Историки в 1930-х гг.: судьбы и восприятие жизни. Москва: ЦИОГНИС, 2018. 280 с.; Камерова, Н. В. Политика партии большевиков по отношению к исторической науке и кадрам историков в РСФСР–СССР в 1917–1938 гг. Краснодар: Новация, 2013. 175 с.; Попов, М. В., Протасова, Э. Е. Репрессивная политика советской власти в отношении уральского учительства в 1930-е гг. // Педагогическое образование в России. 2017. № 7. С. 6–14; Шилова, И. С. К вопросу о фальсификации дел в отношении интеллигенции в 1930-е гг. (по материалам Пермского архива новейшей истории) // В мире научных открытий. 2011. № 4 (16). С. 145–153; Юдин, К. А. Репрессивная политика сталинского режима в отношении научно-педагогической интеллигенции в 1930-е гг.: методы и практика // Интеллигенция и мир. 2014. № 4. С. 56–73; Репрессированная наука. Вып. 2. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 315 с.; Непомнящий, А. А. «Многие теперь прячутся...»: Б. Д. Греков и кримведение 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2019. № 58. С. 112–116.

⁷ Байрамова, Ф. А. Роль М. Г. Худякова в исследовании истории и культуры народов Среднего Поволжья. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 205 с.; Калимуллина, Ф. Г. Салахетдин Атнагулов (1893–1938): многогранная личность и жертва политических репрессий // Научный Татарстан. 2022. № 3. С. 13–17; Литвин, А. А., Малышева, С. Ю., Сальникова, А. А. Бремя выбора. Историки Казанского государственного университета в первые советские десятилетия. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2021. 156 с.; Литвин, А. А., Маслова, Е. С., Сальникова, А. А. Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899–1937). Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2009. 126 с.; Насретдинова, Д. М. Историк Г. С. Губайдуллин (1887–1937 гг.). Жизнь и творчество. Дис. ... канд. исторических наук. Казань, 1997. 200 с.; Литвин, А. Л. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань: Татарское кн. изд-во, 1994. 191 с.

⁸ Нравы гоголевских героев // За педагогические кадры. 1936. 16 декабря.

⁹ «Против верхоглядства, за подлинные научные знания» // За педагогические кадры. 1936. 27 октября.

¹⁰ Там же.

¹¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 562. Л. 31.

¹² Там же. Л. 31 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 32.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 32 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 40.

²⁰ Там же. Л. 44.

²¹ В 1929 г. приверженцев «механизма» обвинили в ревизионизме и позитивизме, против них начались репрессии.

²² ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 562. Л. 40.

²³ Григорий Соломонович Зайдель – историк-новист, специалист по истории Второго Интернационала и социалистической мысли во Франции, директор Института истории Ленинградского отделения Коммунистической академии, профессор Ленинградского университета.

²⁴ Сергей Иванович Ковалев – доктор исторических наук, профессор-античник Ленинградского университета.

²⁵ ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 562. Л. 50.

²⁶ Там же. Л. 54.

²⁷ Выпускник. Что думает кафедра педагогики? // За педагогические кадры. 1936. 16 ноября.

²⁸ Гребенщиков. Непонятная беспечность // За педагогические кадры. 1936. 25 ноября.

²⁹ Б. Расписываются в бездеятельности // За педагогические кадры. 1936. 6 декабря.

³⁰ Практиканты. Практика сорвана // За педагогические кадры. 1936. 6 декабря.

³¹ Нравы гоголевских героев // За педагогические кадры. 1936. 16 декабря.

³² Там же.

³³ О состоянии партийной и политически-массовой работы в Казанском государственном педагогическом институте // За педагогические кадры. 1937. 5 марта.

³⁴ Еналеев. За широкую большевистскую самокритику // За педагогические кадры. 1937. 6 января.

³⁵ Краева, Л. Г. Возвращенные имена // Музейный вестник ТГГПУ. Вып. 6. Казань: БАГИРА, 2009. С. 124. 162 с.

³⁶ Там же.

³⁷ Устюжанин, Е. И. Письмо в редакцию // За педагогические кадры. 1937. 16 января.

³⁸ Юдин, Г. Ф. Письмо в редакцию // За педагогические кадры. 1937. 16 января.

³⁹ Сингалевич, С. Решение кафедры всеобщей истории // За педагогические кадры. 1937. 16 января.

⁴⁰ Практика сорвана // За педагогические кадры. 1937. 16 января.

Аннотация

В статье автор на основании анализа материалов газеты «За педагогические кадры» Казанского государственного педагогического института (КГПИ) раскрывает роль вузовской печати в трансформации системы традиционных ценностей в научно-образовательной среде в период массовых репрессий 1930-х гг. Являясь главным механизмом манипуляции массовым сознанием, вузовская многотиражка способствовала популяризации кампании самокритики, насаждая атмосферу страха и подозрительности, принуждала к признанию вины за несовершенные ошибки. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что КГПИ в 1930-е гг. являлся единственным вузом Поволжья, где осуществлялась подготовка историков и обществоведов. Его коллектив был представлен высококвалифицированными специалистами дореволюционной старой школы и выпускниками столичных вузов. Раскручивание новой волны политических репрессий, начавшееся после убийства в 1934 г. С. М. Кирова, происходило именно здесь. Между тем, в исследованиях, посвященных становлению и развитию КГПИ, период массовых репрессий замалчивается, а многие аспекты, касаемые организации научно-образовательного процесса в условиях сталинизма, количественных и качественных показателей жертв репрессий, хронологии событий, до сих пор остаются неосвещенными в научной литературе. Автор, опираясь на материалы периодической печати, установил, что первоначально газета «За педагогические кадры» была нацелена на освещение партийной жизни, учебной работы, быта студенчества, но очень скоро превратилась в орудие политической борьбы студентов с преподавателями, при этом доноительство в институте приобрело новую – открытую форму. В исследовании при работе с историческими источниками использована методология феноменологической герменевтики, которая позволила восстановить

последовательность событий в КГПИ, связанных с периодом массовых репрессий 1930-х гг., объяснить мотивы студенческих доносов и причины примиренческого поведения преподавателей с учетом особенностей их мировоззрения, социально-экономических, политико-идеологических условий жизнедеятельности. Анализ публикаций вузовской печати и архивных материалов позволил проследить момент разлома и деформации прежних моральных ценностей, принятых форм корпоративной этики и отношений между преподавателями и студентами. Под воздействием меняющейся политико-идеологической обстановки участники событий были вынуждены корректировать свои взгляды и оценки на действительность, приводить их в соответствие с новыми социальными требованиями и ожиданиями.

Ключевые слова: советские историки, Татарская АССР, периодическая печать, Казанский государственный педагогический институт, исторические источники.

Список литературы

Дендиев, К. Г. Средства массовой информации и технология репрессий 1930-х гг. (по материалам региональной прессы) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5. № 3. С. 25–28.
Дубровский, А. М. Историки в 1930-х гг.: судьбы и восприятие жизни. Москва: ЦИОГНИС, 2018. 280 с.

Кириллов, В. М. Отражение истории политических репрессий в публикациях периодической печати Урала (1928–1939 гг.) // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2021. № 4. С. 56–75.

Краева, Л. Г. Возвращенные имена // Музейный вестник ТГПУ. Вып. 6. Казань: БАГИРА, 2009. 162 с.

Лейбович, О. Л. Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936–1938 годов // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 3 (30). С. 160–168.

Литвин, А. А., Малышева, С. Ю., Сальникова, А. А. Бремя выбора. Историки Казанского университета в первые советские десятилетия. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2021. 156 с.

Лягушкина, Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 3 (26). С. 36–44.

Непомнящий, А. А. «Многие теперь прячутся...»: Б. Д. Греков и кривошеение 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2019. № 58. С. 112–116.

Попов, М. В., Протасова, Э. Е. Репрессивная политика советской власти в отношении уральского учительства в 1930-е гг. // Педагогическое образование в России. 2017. № 7. С. 6–14.

- Разгон, В. Н. Большой террор 1937–1938 гг.: выбор жертв репрессий (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 128–134.
- Щелкунов, А. А. Тотальный следственный подлог как инструмент Большого террора // Российская история. 2018. № 4. С. 43–57.
- Kaiser, P. (2019). Between conformity, subjugation and obstinacy, *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, vol. 67, № 2, pp. 239–269.
- Kuromiya, H. (2014). Stalin's Great Terror and the Asian Nexus, *Europe-Asia Studies*, vol. 66 (5), May, pp. 775–793.
- Lynne, V. (2018). New sources on Soviet perpetrators of mass repression: a research note, *Canadian Slavonic Papers*, vol. 60, № 3–4, pp. 592–604.
- Lynne, V. (2017). *Stalinist Perpetrators on Trial: Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine*, Oxford University Press, New York, USA, 304 p.

Сведения об авторах

Галимзянова Алина Тагировна, кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, отдел новейшей истории, старший научный сотрудник, г. Казань, Российская Федерация, 8-843-292-84-82, alisabitva@mail.ru

В редакцию статья поступила 22.03.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-896-912

For citation

Galimzyanova, Alina T. (2024). Periodical press of Kazan Pedagogical Institute in the development of self-criticism and the practice of public repentance in the years of mass repression in the second half of the 1930s, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 896–912, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-896-912

Galimzyanova, Alina T., Institute of History named after Sh. Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of RT, Kazan, Russia

Periodicals of Kazan Pedagogical Institute in the development of self-criticism and the practice of public repentance in the years of mass repression in the second half of the 1930s.

Abstract

In the article the author, based on the analysis of materials of the newspaper “For Pedagogical Cadres” of Kazan State Pedagogical Institute (KSPI), reveals the role of the university press in the transformation of the system of

traditional values in the scientific and educational environment during the mass repressions of the 1930s. Being the main mechanism of manipulation of mass consciousness, the university newspaper promoted the popularization of the campaign of self-criticism; instilling an atmosphere of fear and suspicion, forced to admit guilt for imperfect mistakes. The choice of the object of the study is conditioned by the fact that in the 1930s KSPI was the only university in the Volga region, where historians and social scientists were trained. Its staff was represented by highly qualified specialists of the pre-revolutionary old school and graduates of metropolitan universities. The new wave of political repressions, which began after the assassination of S. M. Kirov in 1934, was unfolding here. Meanwhile, in the studies devoted to the formation and development of KSPI, the period of mass repressions is glossed over, and many aspects concerning the organization of scientific and educational process under Stalinism, quantitative and qualitative indicators of victims of repressions, chronology of events, still remain unreported in the scientific literature. The author, relying on the materials of the periodical press, found that initially the newspaper “For Pedagogical Cadres” was aimed at covering party life, academic work, and the everyday life of students, but very soon it turned into a tool of political struggle between students and teachers, while whistleblowing in the institute acquired a new – open form. In the study, when working with historical sources, the methodology of phenomenological hermeneutics was used, which allowed to restore the sequence of events in KSPI, associated with the period of mass repression in the 1930s, to explain the motives of student denunciations and the reasons for conciliatory behavior of teachers, taking into account the peculiarities of their worldview, socio-economic, political and ideological conditions of life. The analysis of university press publications and archival materials made it possible to trace the moment of fracture and deformation of former moral values, accepted forms of corporate ethics and relations between teachers and students. Under the influence of the changing political and ideological situation, the participants of the events were forced to adjust their views and assessments of reality, to bring them in line with new social requirements and expectations.

Keywords

Soviet historians, Tatar ASSR, periodicals, Kazan State Pedagogical Institute, historical sources.

References

- Dendiev, K. G. (2012). Mass media and the technology of repression in the 1930s (on the materials of the regional press), vol. 5, № 3, pp. 25–28.
- Dubrovsky, A. M. (2018). *Istoriki v 1930-kh gg.: fates and perception of life*, TsIOGNIS, Moscow, Russia, 280 p.

- Kirillov, V. M. (2021). Reflection of the history of political repressions in the publications of the periodical press of the Urals (1928–1939), *Scientific Notes of NTGSPi. Series: History and Philology*, № 4, pp. 56–75.
- Kraeva, L. G. (2009). Returned names, In: Museum Bulletin of TSTPU, vol. 6, BAGIRA, Kazan, Russia, 162 p.
- Leibovich, O. L. (2015). Confessions, sermons and disclosures at party meetings in 1936–1938, *Vestnik of Perm University. History*, № 3 (30), pp. 160–168.
- Litvin, A. A., Malysheva, S. Y., Salnikova, A. A. (2021). Burden of Choice. Historians of Kazan University in the First Soviet Decades, Kazan University pub., Kazan, Russia, 156 p.
- Lyagushkina, L. A. (2014). Social characteristics of the repressed during the Great Terror (1937–1938) in the Karelian ASSR, *Vestnik of Perm University. Series: History*, № 3 (26), pp. 36–44.
- Nepomnyashchiy, A. A. (2019). “Many are now hiding..”: B. D. Grekov and Crimean studies of the 30s of the twentieth century, *Bulletin of Tomsk State University. Series: History*, № 58, pp. 112–116.
- Popov, M. V., Protasova, E. E. (2017). Repressive policy of the Soviet authorities in relation to the Ural teachers in the 1930s, *Pedagogical Education in Russia*, № 7, pp. 6–14.
- Razgon, V. N. (2016). Big Terror 1937–1938: the choice of victims of repression (on the materials of investigative cases of the UNKVD for Altai Krai), *Izvestiya Altai State University*, № 4 (92), pp. 128–134.
- Shchelkunov, A. A. (2018). Total investigative forgery as a tool of the Big Terror, *Russian History*, № 4, pp. 43–57.
- Kaiser, P. (2019). Between conformity, subjugation and obstinacy, *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, vol. 67, № 2, pp. 239–269.
- Kuromiya, H. (2014). Stalin’s Great Terror and the Asian Nexus, *Europe-Asia Studies*, vol. 66 (5), May, pp. 775–793.
- Lynne, V. (2018). New sources on Soviet perpetrators of mass repression: a research note, *Canadian Slavonic Papers*, vol. 60, № 3–4, pp. 592–604.
- Lynne, V. (2017). Stalinist Perpetrators on Trial: Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine, Oxford University Press, New York, USA, 304 p.

About the authors

Galimzyanova, Alina T., PhD of historical sciences, Sh. Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Department of Modern History, Senior Researcher, Kazan, Russia, +7-843-292-84-82, alisabitva@mail.ru

The article was received in the editorial office on 22.03.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94+930.85+377.5+17.023.36+930.23+377.1+930.25+651.5+304.2+316.42+304.442+304.444+365.644+365.646+351.778.54+002.66+316.72+002.6.048.26+365.22+351.778.5+365.274+314.04+314.9+37.013.78+372.8+377.8

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-913-929

Для цитирования

Ахметова, А. В., Ковальчук, М. А., Бобышев, С. В. Особенности подготовки национальных интеллектуальных кадров в Николаевском-на-Амуре техникуме народов Севера в 1930-е гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 913–929, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-913-929

Ахметова, А. В., Ковальчук, М. А., Бобышев, С. В.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
г. Хабаровск, Российская Федерация

Особенности подготовки национальных интеллектуальных кадров в Николаевском-на-Амуре техникуме народов Севера в 1930-е гг.

Введение. Межвоенный период в советской России – время от окончания Гражданской войны до начала Великой Отечественной – один из самых сложных, противоречивых и драматичных в истории нашей страны, полный достижений и трудностей. Это относится и к культурной политике в отношении малочисленных народов Севера и Дальнего Востока, направленной на ликвидацию неграмотности.

Историкография. Первые исследования этой политики были предприняты перед Великой Отечественной войной¹ и сразу после ее окончания². Как правило, они носили поверхностный и в основном комплиментарный характер. Впоследствии появились фундаментальные исследования по данной проблематике³. Эта тема остается актуальной и для современных авторов⁴.

Главное внимание в современных трудах отводится народам Крайнего Северо-Востока, проживающим на Камчатке и Чукотке. Процесс ликвидации неграмотности среди

малочисленных народов Нижнего Амура практически не рассмотрен ни советской, ни современной историографией. Важную роль в этом процессе сыграл Николаевский-на-Амуре техникум народов Севера. Однако имеющиеся о нем публикации крайне скудны, содержат серьезные погрешности⁵. Сегодня наблюдается пробел в отечественной историографии, который необходимо ликвидировать, чтобы представление о культурной политике советского государства было более полным и достоверным.

В западной историографии обсуждались только общие вопросы целей и характера советской национальной политики в отношении малочисленных этносов Дальнего Востока⁶. Особенно подчеркивалась положительная роль Комитета Севера как влиятельного и авторитетного органа, созданного для реализации политики «особой заботы» о малочисленных народах⁷. В то же время у ряда исследователей наблюдалось стремление оценивать цели и характер советской политики с негативной точки зрения⁸. Автор первого зарубежного комплексного исследования развития культуры коренного населения Сибири и Дальнего Востока Дж. Форсайт выделяет достижения и просчеты национальной политики. После революции 1917 г. и перипетий Гражданской войны советский режим принес «автономию», медицинское обслуживание и образование. Однако политика сталинской эпохи – коллективизация, перевод кочевого населения на оседлость, укрупнение поселков, русификация и разрушительные экологические последствия промышленного развития – свела на нет все начальные достижения⁹. Конкретных исследований по образовательным учреждениям для коренных малочисленных народов Дальнего Востока им не обнаружено.

Обзор источников. Деятельность Николаевского-на-Амуре педагогического техникума народов Севера, правопреемником которого стало Николаевское педагогическое училище, было призвано решить задачу подготовки национальных интеллектуальных кадров в этом регионе. В статье ставится цель исследовать деятельность учебного заведения на начальном этапе его существования на основе использования документов, выявленных авторами в архивах страны и ранее не вовлекавшихся в научный оборот.

Основой работы послужили материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Особое значение имеет введение в научный оборот документов муниципального архива Николаевского района (МАНР). Уникальность материалов заключается в том, что в советское время данное учреждение претерпело ряд реорганизаций вместе со всем районом, сначала это был Государственный архив Нижне-Амурской области, затем филиал Государственного архива Хабаровского края (вплоть до 2005 г.). В данном архиве сохранился фонд Р-313 (Николаевское-на-Амуре педагогическое училище), представляющий: годовые отчеты, докладные записки, доклады о работе техникума, протоколы заседаний педсовета и т. д. Этот комплекс документов дает целостное представление о развитии образования и воспитания, об особенностях быта и повседневной жизни обучающихся и работников техникума народов Севера в начальные годы его работы.

Организация Николаевского-на-Амуре педагогического техникума народов Севера. Николаевское-на-Амуре педучилище было создано в 1926 г. решением Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) по инициативе заместителя председателя Комитета Севера К. Я. Лукса на правах северного отделения Хабаровского педагогического техникума. В 1930 г. училище было выделено в самостоятельное учебное заведение. К 1932 г. техникум состоял из трех отделений – педагогического, советского строительства и кооперативно-колхозного, на которых обучалось в общей сложности более 250 учащихся. Тогда же был проведен первый выпуск в количестве 12 чел.¹⁰

В 1932 г. был осуществлен перевод в г. Николаевск-на-Амуре, учебное заведение получило название педагогического техникума народов Севера с непосредственным подчинением отделу народного образования Хабаровского крайисполкома, а с 1934 г., в связи с образованием Нижне-Амурской области, отделу народного образования Нижне-Амурского облисполкома. В 1937 г. техникум был переименован в Николаевское-на-Амуре педагогическое училище народов Севера¹¹.

За первые годы работы техникума в нем сформировался педагогический коллектив, освоивший специфику обучения и подготовки кадров из числа студентов – представителей коренных

малочисленных народов. Готовили в нем в том числе лингвистов. Спецификой организации работы техникума в начальные годы было то, что по общеобразовательным дисциплинам использовались программы семилетней школы, только спецпредметы (педагогика, методика преподавания) изучались по программам техникумов. Связано это было с низкой общеобразовательной подготовкой обучающихся, окончивших ликбез или 1–2 класса начальной школы, и отсутствием в отдаленных районах региона развитой сети начальных и неполных средних национальных школ. Только в 1935–1936 учебном году техникум смог организовать прием студентов, выпускников четырехклассной и семилетней школ¹².

Помимо подготовки национальных кадров, техникум проводил ряд других мероприятий: организация курсов по подготовке и повышению квалификации педагогов и советских работников для районов Севера; комплектование Института народов Севера (ИНС) в Ленинграде и других учебных заведений представителями народов Севера; разработка письменности малочисленных народов, в т. ч. подготовка рукописей букварей; организация радиопередач на национальных языках; отправка студенческих бригад и отдельных работников в северные районы (культпоходы, обследования и т. д.) по линии краевых организаций¹³.

Контингент учащихся техникума поначалу был многонациональным, до 20 национальностей обучалось в первые годы. С переводом в г. Николаевск-на-Амуре постепенно национальный состав обучающихся стабилизировался и начали доминировать нивхи, негидальцы, эвенки, ульчи и нанайцы¹⁴.

Проблемы организации быта и медицинского обслуживания Николаевского-на-Амуре педагогического техникума. Одной из острейших проблем, стоящих перед техникумом, было отсутствие подходящего здания под учебные корпуса и интерната-общежития для студентов и учащихся. В 1930 г. по докладу комиссии А. В. Шотмана, которая рассматривала вопрос о школьном строительстве в Дальневосточном крае, ЦИК СССР было принято решение о выделении краю 500 тыс. руб. на строительство специального здания для техникума. Далькрайисполком не только не выполнил это решение, но и более

того, через год в июне 1932 г. постановил перевести техникум из Хабаровска в Николаевск-на-Амуре, а высвободившееся помещение передать органам милиции.

Работники техникума в 1931 г. на краевом совещании Комитета Севера высказались против переезда. В 1932 г. администрация техникума во главе с его директором М. Митиным была вынуждена апеллировать к вышестоящим центральным органам власти, излагая свои доводы в пользу сохранения учебного заведения в Хабаровске. Специальное ходатайство с развернутой аргументацией против переезда техникума направил в ЦИК СССР председатель Комитета Севера, видный государственный и партийный деятель П. Г. Смидович. Его аргументы сводились к тому, что техникум, наряду с Институтом народов Севера, играет уникальную роль в подготовке кадров для малочисленных народов. Только институт в общесоюзном плане, а техникум – в региональном. Уже одно это обстоятельство делает необходимым его нахождение в Хабаровске – административном центре Дальневосточного края. Логистика того времени была такова, что хоть и Николаевск-на-Амуре был более чем на тысячу километров севернее краевой столицы, добраться до «материка» студентам с Камчатки и Чукотки было легче через Хабаровск. Второй аргумент заключался в том, что за пять лет в техникуме сложился коллектив педагогов, особую ценность представляли лингвисты, знающие коренные языки. Перемещение техникума в Николаевск-на-Амуре не приблизит его к народам Севера, но на несколько лет затруднит его работу¹⁵.

Эти аргументы не возымели действия. Однако даже опытный партиец П. Г. Смидович не мог предположить, что переезд техникума в Николаевск-на-Амуре будет иметь трагические последствия. Если в Хабаровске техникум нуждался в дополнительных площадях для размещения учебных классов и общежития, то в Николаевске свободных площадей для этого вообще не было.

После переезда в Николаевск-на-Амуре в конце лета 1932 г. техникуму выделили недостроенное здание, стены которого не были утеплены и побелены, в большинстве оконных рам вместо стекол была пергаментная бумага. Зимой 1932–1933 гг. в помещениях техникума было холодно и неудобно. Несмотря на то, что

печи топились по два раза в сутки, а по кабинетам были установлены камины, надлежащей температуры они не обеспечивали.

С интернатом-общежитием дело обстояло еще хуже. Первоначально под эти цели было выделено два дома и условия, по мнению директора техникума были «сносными». Однако в Николаевске-на-Амуре повторилась та же ситуация, что и в Хабаровске, но в еще более грубой и циничной форме. В декабре 1932 г. районные партийные и советские органы приняли решение об изъятии зданий у техникума и передаче их государственным учреждениям, а само общежитие перевели в барак, принадлежащий тресту «Сахалиннефть». Безусловно, администрация техникума протестовала, но это вновь не возымело действия. Возникла необычайная скученность проживания, когда на одного учащегося в бараке приходилось по 2,2 кв. м жилплощади. Ни о каких кроватях и речи не могло быть, студенты спали на нарах. Барак оказался совершенно непригоден как жилое помещение, в зимние месяцы в нем была очень низкая температура, изначально здание было построено для жилья сезонных рабочих в летние месяцы. Но с наступлением весны, по словам директора техникума Е. М. Шемякова, руководители треста «Сахалиннефть» бесцеремонно выбросили «все пожитки студентов» и заняли освободившиеся места своими рабочими, «в этом учебном году техникуму пришлось освободить половину здания с 15 мая и размещать студентов, где хочешь»¹⁶.

К стесненным жилищным условиям, сложной санитарно-эпидемиологической обстановке добавилось еще и плохое снабжение техникума продуктами питания. Многие студенты заболели брюшным тифом, а ближе к весне участились случаи заболевания цингой. С декабря 1932 г. по апрель 1933 г. в техникуме умерло 10 учащихся¹⁷. Выпускник техникума 1935 г. А. Л. Вальдю удваивает число умерших и смещает дату случившегося на осень 1932 г.¹⁸

Надо отметить, что коллектив техникума и врачебные службы делали все от них зависящее, чтобы предотвратить катастрофу. Прежде всего, им удалось привлечь внимание руководящих органов к случившемуся. Был выделен дополнительный медицинский персонал и медикаменты. После обнаружения тифозной инфекции всем учащимся была проведена прививка

«Девакации» от брюшного тифа и паратифа «Б». К уголовной ответственности был привлечен вспомогательный персонал, приворовывавший продукты питания у учащихся в общественной столовой. Заболевших цингой лечили «народными средствами» – отваром из хвои стланика¹⁹.

Тем не менее, всеми формами заболеваний переболело около половины учащихся (100 чел.). Тяжелые формы заболеваний наблюдались у переболевших брюшным и сыпным тифом (15 чел.), велика была доля заболевших цингой (41 чел.). Из-за холода в помещениях многие переболели воспалением легких, обострился туберкулез. Причинами смерти названы сердечные заболевания (4 чел.), грипп и воспаление легких (4 чел.). Один человек умер от брюшного тифа и еще один – от воспаления мозговой оболочки²⁰. Причиной высокой степени заболеваемости и повлекших за ней смертей был еще и стресс, который испытали учащиеся и студенты. Характерно, что за период с февраля по май 1933 г. из техникума выбыло 4 эвенка²¹. Как кочевники, они от условий проживания испытывали наивысший стресс. Правда, массовой смертности от инфекционных заболеваний удалось избежать.

Несмотря на чрезвычайно трудные условия, в которых находились студенты и преподаватели техникума, учебный процесс в 1932–1933 учебном году не прерывался. Обучающиеся продолжали ходить на занятия в холодных помещениях, а преподаватели – вести занятия, проводить внеклассную и воспитательную работу. В техникуме обучалось 198 чел. Часть обучающихся была оставлена в Хабаровске по состоянию здоровья на момент переезда, часть – покинула его весной 1932 г., 10 чел. – умерло. Таким образом, всего насчитывалось 220–250 чел. обучающихся²².

Организация учебного процесса в Николаевском-на-Амуре педагогическом техникуме. Из-за переезда в Николаевск-на-Амуре и связанных с этим неурядиц учебный процесс начался в октябре 1932 г., успеваемость не превышала 86%. Отсев учащихся был огромным. Не более четверти учащихся, поступивших на подготовительное отделение, смогли дойти до выпускного курса и окончить техникум. С первой подготовительной группы и до четвертой – выпускной, изучались национальные языки. Языковая работа велась на четырех

языках: тунгусский (тунгусы и якуты), гольдский (гольды, ульчи, негидальцы), гиляцкий (гиляки), корякский (коряки, чукчи, эскимосы). Основные проблемы – нехватка учебных пособий и грамотных педагогов. По этой причине языковой подготовкой было охвачено не более половины учащихся.

Несмотря на все трудности, в техникуме велась большая культурно-просветительская работа. Выпускались три стенных газеты: общая, пионерская и национальная, причем общая выходила регулярно, две других – от случая к случаю²³. Работали кружки политической грамотности. Велась шефская работа. Большую помощь в культурно-просветительской работе оказывал Комитет по введению нового алфавита среди национальных меньшинств Дальнего Востока (КНА ДВ)²⁴. Так, в 1935 г. КНА ДВ издавал в г. Николаевске-на-Амуре газеты «Нивхская правда», «Сикун Покто» и «Новая жизнь» на нивхском, нанайском и эвенкийском языках соответственно²⁵.

Однако были и кризисные ситуации. Весной 1933 г. из техникума были исключены два студента 4-го курса за разжигание межнациональной вражды. Среди умерших оказались две молодых женщины, у которых причина смерти диагностировалась: у первой как «гриппозное воспаление легких, осложненное плевритом, и преждевременные роды», а у второй – «воспаление легких и преждевременные роды»²⁶. Записи краткие и беспристрастные, но за ними скрывается половая распущенность отдельных обучающихся.

Состояние здоровья студентов во второй половине 1930-х гг. стабилизировалось. Наибольшие затруднения представляла борьба с чесоткой, около 30–40% обучающихся возвращались после каникул больными чесоткой²⁷. Доктор Цикин, назначенный следить за санитарно-профилактической работой, беседы со студентами не проводил и даже за больными не смотрел. Отсюда и массовое заболевание почти 50% студентов чесоткой. С приходом доктора Тявина работа по просвещению студентов была улучшена, были проведены лекции «Чесотка и борьба с ней», «Туберкулез и борьба с ним»²⁸. Были студенты, больные туберкулезом, бывали случаи смертности, но с переходом училища в г. Николаевск-на-Амуре больных стало меньше, количество учащихся с активной формой туберкулеза составило 9 чел.

В 1935–1936 учебном году была очень сильная эпидемическая вспышка гриппа²⁹. Во время эпидемии хорошо себя зарекомендовали новые санитарные единицы – санитарный комитет из числа студентов. Они осуществляли уход за больными. Также по настоянию санкома для студентов был выделен парикмахер для систематической стрижки, проводились соревнования на лучшую комнату, на лучшую койку. Девочки сдавали нормы ГСО («Готов к санитарной обороне»). В марте 1936 г. с приходом доктора Тельнюк был организован санитарный пункт, который оказывал как консультационные услуги студентам, так и медицинскую помощь³⁰.

В 1935 г. техникум был преобразован в педагогическое училище Народов Севера – первое на Дальнем Востоке учебное заведение такого рода. Его директором стал Евграф Моисеевич Шемяков. За 1932–1940 гг. из стен техникума, а затем училища было выпущено 86 специалистов³¹, главным образом педагогов для начальных школ региона. Количество выпускников по годам представлено в следующей таблице.

Таблица

Количество выпускников Николаевского-на-Амуре педагогического техникума³²

Учебный год	Чел.
1931–1932 гг.	8
1932–1933 гг.	7
1933–1934 гг.	7
1934–1935 гг.	13
1935–1936 гг.	14
1936–1937 гг.	15

Национальный состав выпускников изменился в сторону увеличения количества представителей народов Нижне-Амурской области. Так, в 1934–1935 гг. техникум окончили 7 чел., из них якутов – 2, эвенков – 2, ительменов – 1, алеутов – 1, ульчей – 1. Но уже в 1934–1935 гг. выпускников было 13, из них ульчей – 6, эвенков – 3, нанайцев – 2, коряков – 1, ительменов – 1.

Все выпускники техникума стали школьными учителями, вели активный советский образ жизни, принимали участие в работе сельсоветов, правлений колхозов, изб-читален и т. д. По словам выпускника техникума эвенка Сергея Новгородова, в школе «работать приходится много, порою встречаются затруднения по некоторым вопросам, но это меня не смущает, в таких случаях я обращаюсь к литературе, и она мне помогает в разрешении недоуменных вопросов. Помимо работы в школе, я веду большую ответственную политическую работу на селе»³³.

Заключение. В статье исследован начальный этап деятельности Николаевского-на-Амуре педагогического техникума народов Севера, проанализированы проблемные ситуации, возникшие в бытовой и медицинской сферах деятельности учебного заведения. Формирование письменности малочисленных этносов способствовало их просвещению, равно как и вновь созданная сеть специальных учебных заведений, где готовили национальные кадры. Наиболее авторитетным и многочисленным по количеству учащихся являлся педагогический техникум в г. Николаевске-на-Амуре, обслуживающий большую часть национальных районов. Он готовил учителей для северных начальных школ края, исключая школы Чукотского и Корякского национальных округов Камчатской области. Другими словами, кадры готовились в основном для эвенкских, эвенкийских, нанайских, ульчских и нивхских начальных школ, которых насчитывалось в крае не менее ста.

Наиболее трудными вопросами на начальных этапах деятельности техникума оказались не проблемы организации педагогического процесса, а медицинское обслуживание и устройство быта обучающихся и педагогов. Благодаря слаженной работе администрации техникума и приезжего медицинского персонала, техникум «пережил» все трудности переезда и на новом месте осуществлял сложную работу по подготовке национальных интеллектуальных кадров с еще большей результативностью.

Примечания

¹ Базанов, А. Г. Школа на Крайнем Севере. Ленинград: Учпедгиз: Ленингр. отд-ние, 1939. 208 с.

² Кронгауз, Ф. Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере. Москва: Учпедгиз, 1948. 124 с.

³ Балицкий, В. Г. От патриархально-общинного строя к социализму (о переходе к социализму малых народов Северо-Востока РСФСР). Москва: Мысль, 1969. 221 с.; Верин, Л. Н. Становление и развитие народного образования на Колыме и Чукотке. Магадан: Книжное изд-во, 1960. 92 с.; Севильгаев, Г. Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Ленинград: Просвещение: Ленингр. отд-ние, 1972. 423 с.

⁴ Артеменко, О. И. Культура и образование коренных малочисленных народов Севера. Москва: ИНИО, 2007. 192 с.; Ахметова, А. В. Образование и воспитание коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. // Дискуссия. 2012. № 10. С. 147–151; Бобышев, С. В. Комитеты Севера Восточной Сибири и Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 239 с.

⁵ Романов, В. В. Становление педагогического образования в Приморье: страницы истории. Хабаровск: Изд-во ДВГУ, 2006. 192 с.

⁶ Malaurie, J. (1981). L'experience sovietique et le probleme national: le nord syberion; les petits peuples du Nord. IN: L'experience sovietique et le probleme national dans le monde, Paris, vol. 1, pp. 311–312.

⁷ Vossen, R. (1980). Sowjetunion. IN: Volker der Sowjetunion vor und nach der Revolution, Christians, Hamburg, pp. 28–29.

⁸ Chichlo, B. (1981). La collectivisation en Sibirie: un problème de nationalites. IN: L'expérience sovietique et le problème national dans le monde, Publication Langues, vol. I, p. 304; Humphrey, C. (1983). Karl Marx collective: society and religion in a Siberian collective farm, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 1, 442.

⁹ Forsyth, J. (1992). A history of the peoples of Siberia. Russia's North Asian colony (1581–1990). Cambridge University Press, Cambridge, 455 p.; Wood, A. (2011). Russia's Frozen Frontier: a History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991, Bloomsbury Academic, New York, p. 200; Kotljarchuk, A. (2019). Indigenous people, vulnerability and the security dilemma: Sámi school education on the kola peninsula, 1917–1991, *Sámi Educational History in a Comparative International Perspective*, pp. 63–82.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3974. Оп. 1. Д. 831. Л. 70.

¹¹ Муниципальный архив Николаевского района (МАНР). Дело фонда Р-313. Л. 16, 23.

- ¹² Там же. Ф. 313. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2.
¹³ ГАРФ. Ф. 3974. Оп. 1. Д. 831. Л. 70.
¹⁴ МАНР. Ф. 313. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
¹⁵ ГАРФ. Ф. 3974. Оп. 1. Д. 831. Л. 70–72.
¹⁶ МАНР. Ф. 313. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
¹⁷ ГАРФ. Ф. 3974. Оп. 1. Д. 831. Л. 54 об.
¹⁸ Романов, В. В. Становление педагогического образования в Приамурье: страницы истории. Кн. 1. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2006. С. 65.
¹⁹ ГАРФ. Ф. 3974. Оп. 1. Д. 831. Л. 64.
²⁰ Там же. Л. 54 об.
²¹ Там же. Л. 56, 73.
²² Там же. Л. 56–60.
²³ Lizunova, I. V. (2022). National Press of Siberia and the Far East History: An Exploration of the Current State, *ISVS E-Journal*, vol. 9, no. 4, pp. 220–228.
²⁴ Ахметова, А. В. Образование и воспитание коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. // Дискуссия. 2012. № 10. С. 147–151.
²⁵ Якимов, О. Д. Печать коренных народов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в этнокультурном аспекте // Историко-культурные связи между коренным населением Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. Материалы международной научной конференции. Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 225.
²⁶ ГАРФ. Ф. 3974. Оп. 1. Д. 831. Л. 65.
²⁷ МАНР. Ф. 313. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
²⁸ Там же. Л. 9.
²⁹ Там же. Д. 10. Л. 3.
³⁰ Там же. Д. 8. Л. 9–10.
³¹ Романов, В. В. Указ. соч. С. 66.
³² МАНР. Ф. 313. Оп. 1. Д. 10. Л. 6а.
³³ Там же.

Аннотация

В статье раскрываются проблемы подготовки национальных кадров в Николаевском-на-Амуре педагогическом техникуме народов Севера в период коренной трансформации национальной политики 1930-х гг. Авторы проанализировали документы государственных и муниципальных архивов, в которых выявлены факты, свидетельствующие о становлении и развитии образовательного учреждения, а также о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться преподавателям и студентам из-за переезда из Хабаровска в Николаевск-на-Амуре. В статье исследована

деятельность среднего специального учебного заведения на начальном этапе его существования на основе использования документов из архивов, ранее не вовлекавшихся в научный оборот. Кроме принципов историзма, объективности и комплексности, в исследовании использован биополитический подход, благодаря которому учтены биосоциальные факторы при рассмотрении проблем организации педагогического процесса. Особое значение имеет рассмотрение документов фонда Муниципального архива Николаевского района (МАНР), посвященного деятельности Николаевского-на-Амуре техникума народов Севера. Архивные документы отразили основные проблемы становления учебного заведения: строительство учебного помещения, необходимость общежития, взаимоотношения студентов с педагогическим и медицинским персоналом, а также особенности реализации учебных программ с обучающимися из числа коренных малочисленных народов Севера. Значимость использования исторических документов заключается в том, что весь период существования архивного фонда (с 1926 г. до настоящего времени) они впервые использованы в научных целях. авторам удалось показать сложные экономические и политические обстоятельства перевода техникума из краевого центра в удаленный район, представлена объективная картина начального этапа формирования системы образования и воспитания малочисленных этносов Нижнего Амура на примере одного среднего профессионального учреждения. Наиболее острыми вопросами на начальных этапах деятельности техникума стали не образовательные, а медицинские и бытовые проблемы обучающихся и педагогов. Значимость научных результатов исследования заключается в отсутствии подобных исследований в советской и современной историографии. Представленные в статье выводы позволяют выработать методику комплексного исследования образовательных учреждений удаленных регионов с национальной спецификой.

Ключевые слова: исторические источники, система среднего специального образования и воспитания, медицинское обслуживание, национальная интеллигенция, коренные малочисленные народы Севера, национальная политика, советское государство, Николаевск-на-Амуре.

Список литературы

Артеменко, О. И. Культура и образование коренных малочисленных народов Севера. Москва: ИНИО, 2007. 192 с.

Базанов, А. Г. Школа на Крайнем Севере. Ленинград: Учпедгиз: Ленингр. отд-ние, 1939. 208 с.

Балицкий, В. Г. От патриархально-общинного строя к социализму (о переходе к социализму малых народов Северо-Востока РСФСР). Москва: Мысль, 1969. 221 с.

Верин, Л. Н. Становление и развитие народного образования на Колыме и Чукотке. Магадан: Книжное изд-во, 1960. 92 с.

Кронгауз, Ф. Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере. Москва: Учпедгиз, 1948. 124 с.

Романов, В. В. Становление педагогического образования в Приамурье: страницы истории. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2006. 192 с.

Севильягасв, Г. Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Ленинград: Просвещение, 1972. 423 с.

Якимов, О. Д. Печать коренных народов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в этнокультурном аспекте // Историко-культурные связи между коренным населением Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 225–227.

Chichlo, B. (1981). La collectivisation en Sibirie: un problème de nationalites. IN: L'expérience soviétique et le problème national dans le monde, Publication Langues, vol. I, pp. 279–307.

Forsyth, J. (1992). A history of the peoples of Siberia. Russia's North Asian colony (1581–1990), Cambridge University Press, Cambridge, 455 p.

Humphrey, C. (1983). Karl Marx collective: society and religion in a Siberian collective farm, Cambridge University Press, Cambridge, 540 p.

Kotljarchuk, A. (2019). Indigenous people, vulnerability and the security dilemma: Sámi school education on the kola peninsula, 1917–1991, *Sámi Educational History in a Comparative International Perspective*, pp. 63–82.

Lizunova, I. V. (2022). National Press of Siberia and the Far East History: An Exploration of the Current State, *ISVS E-Journal*, vol. 9, № 4, pp. 220–228.

Malaurie, J. (1981). L'expérience soviétique et le problème national : le nord syberien; les petits peuples du Nord. IN: L'expérience soviétique et le problème national dans le monde. Paris, vol. 1, 410 p.

Vossen, R. (1980). Sowjetunion. IN: Volker der Sowjetunion vor und nach der Revolution, Christians, Hamburg, pp. 28–29.

Wood, A. (2011). Russia's Frozen Frontier: a History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991, Bloomsbury Academic, New York, 272 p.

Сведения об авторах

Ахметова Анна Валинуровна, доктор исторических наук, доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, управление научно-исследовательскими работами, старший научный сотрудник, г. Хабаровск, Российская Федерация, 8-962-296-00-95, wyrds@rambler.ru

Ковальчук Михаил Александрович, доктор исторических наук, доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, кафедра теории и истории государства и права, профессор, г. Хабаровск, Российская Федерация, 8-914-548-22-12, ma_kov@bk.ru

Бобышев Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, кафедра теории и истории государства и права, заведующий кафедрой, г. Хабаровск, Российская Федерация, 8-914-175-80-07, history@festu.khv.ru

Сведения о грантах

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01366, <https://rscf.ru/project/23-28-01366/>

В редакцию статья поступила 02.02.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-913-929

For citation

Akhmetova, Anna V., Kovalchuk, Mikhail A., Bobyshev, Sergey V. (2024). Peculiarities of training of national intellectual personnel in Nikolaevsk-on-Amur technical school of the peoples of the North in the 1930s, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 913–929, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-913-929

Akhmetova, Anna V., Kovalchuk, Mikhail A., Bobyshev, Sergey V., Far Eastern State University of Railway Transport, Khabarovsk, Russian Federation

Peculiarities of training of national intellectual personnel in Nikolaevsk-on-Amur technical school of the peoples of the North in the 1930s.

Abstract

The article reveals the problems of training of national personnel in Nikolaevsk-on-Amur Pedagogical Technical School of the Peoples of the North in the period of radical transformation of the national policy of the 1930s. The authors analyzed the documents of state and municipal archives, which revealed the facts testifying to the formation and development of the educational institution, as well as the difficulties that teachers and students had to face because of the move from Khabarovsk to Nikolaevsk-on-Amur. The article investigates the activity of secondary specialized educational institution at the initial stage of its existence based on the use of documents from archives and previously not involved in the scientific turnover. In addition to the principles of historicism, objectivity and comprehensiveness, the study uses a biopolitical approach, thanks to which biosocial factors are taken into account when considering the problems of the organization of the pedagogical process. Of particular importance is the consideration of the documents of the fund

of the Municipal Archive of the Nikolaevsky District (MANR), dedicated to the activities of the Nikolaevsk-on-Amur Technical School of the Peoples of the North. The archival documents reflected the main problems of the formation of the educational institution: the construction of educational premises, the need for a dormitory, the relationship of students with teaching and medical staff, as well as the peculiarities of the implementation of educational programs with students from indigenous minorities of the North. The significance of the use of historical documents lies in the fact that the whole period of existence of the archive fund (from 1926 to the present) they were first used for scientific purposes. The authors managed to show the complex economic and political circumstances of the transfer of the technical school from the regional center to a remote area, and presented an objective picture of the initial stage of formation of the system of education and upbringing of small ethnic groups of the Lower Amur on the example of one secondary vocational institution. The most acute issues at the initial stages of the technical school's activity were not educational, but medical and everyday problems of students and teachers. The significance of the scientific results of the study lies in the absence of similar studies in the Soviet and modern historiography. The conclusions presented in the article allow us to develop a methodology for a comprehensive study of educational institutions of remote regions with national specifics.

Keywords

Historical sources, system of specialized secondary education and upbringing, medical care, national intelligentsia, indigenous small-numbered peoples of the North, national policy, Soviet state, Nikolaevsk-on-Amur.

References

- Artemenko, O. I. (2007). Culture and Education of Indigenous Minorities of the North. INIO, Moscow, Russia, 192 p.
- Bazanov, A. G. (1939). School in the Far North. Uchpedgiz, Leningr. otd-nee, Leningrad, USSR, 208 p.
- Balitsky, V. G. (1969). From patriarchal-communal system to socialism (On the transition to socialism of small peoples of the North-East of the RSFSR), Mysl, Moscow, Russia, 221 p.
- Verin, L. N. (1960). Stanovlenie i razvitie narodnogo obrazovanie na Kolyma i Chukotka, Book publishing house, Magadan, USSR, 92 p.
- Krongauz, F. F. (1948). To the History of the Soviet School in the Far North, Uchpedgiz, Moscow, USSR, 124 p.
- Romanov, V. V. (2006). Formation of pedagogical education in Priamurye: pages of history, DVGGU, Khabarovsk, Russia, 192 p.
- Sevilgaev, G. F. (1972). Essays on the history of education of small peoples of the Far East, Prosveshchenie, Leningrad, USSR, 423 p.

- Yakimov, O. D. (1998). Seal of Indigenous Peoples of North-East Asia and North-West America in Ethno-Cultural Aspect. IN: Historical and Cultural Ties between Indigenous Peoples of North-West America and North-East Asia, FEB RAS, Vladivostok, Russia, pp. 225–227.
- Chichlo, B. (1981). La collectivisation en Sibirie: un problème de nationalités. IN: L'expérience soviétique et le problème national dans le monde, Publication Langues, vol. I, pp. 279–307.
- Forsyth, J. (1992). A history of the peoples of Siberia. Russia's North Asian colony (1581–1990), Cambridge University Press, Cambridge, 455 p.
- Humphrey, C. (1983). Karl Marx collective: society and religion in a Siberian collective farm, Cambridge University Press, Cambridge, 540 p.
- Kotljarchuk, A. (2019). Indigenous people, vulnerability and the security dilemma: Sámi school education on the kola peninsula, 1917–1991, *Sámi Educational History in a Comparative International Perspective*, pp. 63–82.
- Lizunova, I. V. (2022). National Press of Siberia and the Far East History: An Exploration of the Current State, *ISVS E-Journal*, vol. 9, no. 4, pp. 220–228.
- Malaurie, J. (1981). L'expérience soviétique et le problème national: le nord syberien; les petits peuples du Nord. IN: L'expérience soviétique et le problème national dans le monde, Paris, vol. 1, 410 p.
- Vossen, R. (1980). Sowjetunion. IN: Volker der Sowjetunion vor und nach der Revolution, Christians, Hamburg, pp. 28–29.
- Wood, A. (2011). Russia's Frozen Frontier: a History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991, Bloomsbury Academic, New York, 272 p.

About the authors

Akhmetova, Anna V., Doctor of Historical Sciences, associate professor, Far Eastern State University of Railway Engineering, management of research activity, senior researcher, Khabarovsk, Russia, 8-962-296-00-95, wyrds@rambler.ru

Kovalchuk, Mikhail A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Far Eastern State University of Railway Transport, Department of Theory and History of State and Law, Professor, Khabarovsk, Russia, 8-914-548-22-12, ma_kov@bk.ru

Bobyshev, Sergey V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Far Eastern State University of Railway Engineering, Department of Theory and History of State and Law, Head of Department, Khabarovsk, Russia, 8-914-175-80-07, history@festu.khv.ru

Grant information

The research was supported by the Russian Science Foundation grant № 23-28-01366, <https://rscf.ru/project/23-28-01366/>

The article was received in the editorial office on 02.02.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 93/94+341.24+339.5+339.9+341+327.5+327.83+930.255+930.253+930.85+930.22+003.074+651.5+32.019.5+656.2+656.01+656.02+65-05
doi 10.28995/2073-0101-2024-3-930-942

Для цитирования

Кротова, М. В. Судьба архива Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). 1898–1953 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 930–942, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-930-942

Кротова, М. В.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Судьба архива Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). 1898–1953 гг.

Актуальность темы. Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), построенная в 1898–1903 гг. на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) совместными усилиями России и Китая, стала продолжением и частью Транссибирской магистрали и на протяжении первой половины XX в. несколько раз меняла владельцев и способ управления в связи с политическими событиями¹. Она была в центре внимания российской и советской дипломатии в первые 30 лет своего существования, затем была продана в 1935 г. японцам (формально права на КВЖД были уступлены государству Маньчжоу-Го) и под названием Северо-Маньчжурской железной дороги вошла в состав Государственных железных дорог Маньчжоу-Го. В 1945 г. после окончания советско-японской войны дорога была возвращена в советско-китайское управление под названием Китайско-Чанчуньская железная дорога (КЧЖД) и окончательно безвозмездно передана Китайской Народной Республике в 1952 г. как Харбинская железная

дорога. Долгое время КВЖД была центром «русской Маньчжурии» и в ее судьбе отразилась история взаимоотношений России/СССР и Китая.

Историография. Интерес к истории КВЖД не ослабевает, к уникальному опыту существования железнодорожной магистрали обращаются не только специалисты железнодорожного транспорта, но и историки, экономисты, политологи, культурологи. Историю КВЖД изучают также китайские исследователи, по этой теме подготовлено более трехсот работ². Создаются совместные российско-китайские проекты по изучению КВЖД как уникального социокультурного феномена³.

Обзор источников. За более чем полувековое существование КВЖД накоплена масса документов – как делопроизводственного и технического характера, так и материалов по горному делу, развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности в Маньчжурии. Огромный интерес представляют личные и пенсионные дела бывших служащих КВЖД и КЧЖД. Большая часть этих материалов хранится в настоящее время в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде 323 «Правление Общества Китайско-Восточной железной дороги».

Фонд 323 РГИА состоит из более чем 20 тыс. дел и является ценнейшим собранием документов, которые не только дают представление о строительстве и функционировании КВЖД, но и являются уникальным источником по исследованию русского присутствия в Маньчжурии, русско-китайского сотрудничества, межкультурного влияния. Изучение этих материалов, в частности личных дел бывших служащих КВЖД, позволяет существенно дополнить картину жизни русской колонии в Маньчжурии, российско-китайских отношений и представляет несомненный интерес для историков. Необходимо заметить, что до 1990 г. фонд находился на специальном (секретном) хранении. Вот уже более 30 лет специалисты пользуются материалами фонда для генеалогических изысканий, исследований по российской и советской внешней политике, изучения научного, культурного и архитектурного наследия «русской Маньчжурии», развития инфраструктуры Северо-Восточного Китая.

Выяснилось, что вопрос о судьбе архива КВЖД не поднимался в исследовательской литературе. В путеводителе по РГИА указано, что документы КВЖД поступили из ЦГА РСФСР Дальнего Востока, а часть материалов за советский период находится в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Однако не указано, как и когда документы попали в архив⁴. Изучая историю архива КВЖД, мы выяснили, что его судьба была извилистой и непростой.

Поскольку Правление КВЖД с 1898 по 1918 г. находилось в Санкт-Петербурге, то здесь были сосредоточены основные документы. О том, что в период революционных событий погиб петербургский архив КВЖД, а в марте 1921 г. был уничтожен архив Гражданского управления КВЖД, сообщали в своей статье сотрудники Российской Государственной библиотеки Э. А. Брянкина и Н. В. Рыжак⁵. Однако, к счастью, большая часть архива, которая находилась в Харбине, сохранилась. После продажи дороги (уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД) в 1935 г. архивные документы каждой службы КВЖД были переданы по актам японцам – новым владельцам дороги, причем благодаря подробным описям документов, составленным работниками КВЖД, можно судить о значительном объеме архива⁶. Часть дел была вывезена в Москву при эвакуации служащих КВЖД в СССР в 1935 г., хранилась в помещении научно-технического совета при Наркомате путей сообщения⁷, затем, видимо, поступила в Центральный архив НКПС. Однако основной массив документов КВЖД оставался в Китае и поступил в архив Министерства путей сообщения (МПС) СССР только в 1953 г.

Методология исследования. В статье изучены в основном обстоятельства передачи архива КВЖД в СССР из Китая в 1953 г. Для этого пришлось обратиться к истории КВЖД, а также к документам фонда 8002 РГАЭ. В качестве методологического подхода использовался историко-генетический метод с опорой на принцип сохранения целостности архивной информационной среды как сложной системы связи исторических реалий, который был сформулирован известным историком-архивистом В. Н. Автократовым⁸. Его идея о «недробимости фонда» как целостного источника со своими

внутренними связями, недопустимости разрушения естественной среды бытования документа легла в основу статьи.

Основные результаты исследования. Судьба архива КВЖД тесно увязана с историей взаимоотношений СССР и Китая. После образования в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики (КНР) был заключен Советско-Китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи в Москве 14 февраля 1950 г., вступил в силу 11 апреля 1950 г., а также подписано соглашение о КЧЖД. Согласно документу между СССР и КНР о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем от 14 февраля 1950 г., СССР обязался безвозмездно передать китайскому правительству КЧЖД со всем принадлежащим дороге имуществом не позднее конца 1952 г.⁹ Тогда же встал вопрос о судьбе архива КВЖД, и в 1952 г. в Харбине была создана комиссия по просмотру документальных материалов архива КВЖД и КЧЖД под руководством члена правления китайско-советского Общества КЧЖД И. В. Козлова, в которую вошли представители Правления и Управления КЧЖД А. П. Козырев, С. А. Иванов, М. В. Погорецкий, А. С. Баранов¹⁰. Комиссии необходимо было принять решение относительно документов КВЖД, хранившихся в Харбине: вывозить их в СССР, «оставить на месте», передать китайской стороне, уничтожить? Была составлена опись документов «бывшей КВЖД», в которой все материалы были разделены на 20 разделов: протоколы заседаний; журналы совета Управления КВЖД; балансы счетов; приказы; циркуляры и распоряжения; переписка; технические отчеты; договора; личные и пенсионные дела; чертежи; печатные материалы и проч.

Порядок передачи архивных документов в СССР. На заседании комиссии 30 июня 1952 г. было принято решение «считать нецелесообразным вывозить в Союз» большинство документов, т. к. они, по мнению комиссии, «не представляли архивной ценности»¹¹. Так, например, протоколы заседаний правления Общества КВЖД и Ревизионного комитета комиссия считала не представлявшими интереса, так как на этих заседаниях рассматривались «исключительно хозяйственные вопросы и вопросы о бывших работниках КВЖД». Технические

отчеты и исполнительные чертежи за 1902–1927 гг. были признаны «устаревшими»; имевшиеся карты «старых лет издания», многие из которых были на японском языке, посчитали «потрепанными», поэтому их решили «оставить на месте». Также решено было не вывозить в СССР сборники тарифов, договоры, сметы, балансы счетов, приказы, циркуляры и распоряжения. Из всех дел комиссия посчитала необходимым отправить в Москву только отчеты по КВЖД за 1901–1935 гг. и часть переписки (26 дел) для определения их архивной ценности¹². Из 5 861 личного дела бывших работников КВЖД предлагалось отправить в СССР только личные дела выехавших в СССР в 1935 г. Остальные дела было решено передать Генеральному консульству СССР в Харбине или Обществу граждан СССР. Дореволюционные планы и чертежи станций Владивосток, Первая речка, Бикин и др., железнодорожную литературу 1925–1945 гг. решено было «уничтожить на месте с составлением акта», как и бухгалтерские документы периода 1945–1949 гг., согласно инструкции 1947 г. о сроках хранения материалов¹³.

На заседании комиссии от 15 октября 1952 г. решался вопрос о судьбе документов, книг и журналов бывшего юридического отдела КВЖД, а также литературы, хранившейся в архиве КЧЖД. Они также были признаны как не представлявшие никакой ценности, поэтому было решено «реализовать их на месте как макулатуру на бумажную фабрику»¹⁴. Исключение было сделано только для трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина – они передавались в Центральную библиотеку КЧЖД.

Решение комиссии по просмотру документальных материалов архива КВЖД с описями документов было передано в Москву в Министерство путей сообщения (МПС) СССР. Однако вскоре поступили указания из МПС о том, что все материалы бывшей КВЖД (протоколы заседаний, технические отчеты, сборники тарифов, сметы, приказы, распоряжения, переписка, карты, печатные издания и прочее) «подлежат вывозу в Союз», часть материалов (дублиеры дел) следовало передать китайской стороне Управления КЧЖД, а часть материалов за 1945–1949 гг. подлежала уничтожению¹⁵.

23 октября 1952 г. приказом Управляющего КЧЖД спешно была создана архивная комиссия по подготовке архивного материала бывшей КВЖД к передаче в СССР. На заседании этой комиссии 29 октября 1952 г. выступил член комиссии, заместитель начальника Административного отдела Управления КЧЖД инженер-капитан М. В. Погорецкий с докладом о состоянии подготовки архива бывшей КВЖД к передаче в СССР. Он посчитал необходимым повторно рассмотреть вопрос о «целесообразности» вывоза всех документов в СССР, так как систематизировать разрозненный материал по предметно-вопросным и номинальным признакам, то есть так, как указывалось в инструкции для работы архивов в СССР и перечне издания МПС, не представлялось возможным. Например, переписка бывшей КВЖД за период 1893–1935 гг. составляла сотни тысяч писем (1 313 папок) на самые разнообразные темы: авансовый отчет инженера Бочарова за 1904 г., переписка о хунхузах 1906 г., о торговле на р. Сунгари 1909 г., переписка о расхищении дров и шпал 1919 г. и т. д.

По мнению М. В. Погорецкого, большинство документов следовало квалифицировать как материал, имевший «временное практическое значение», к тому же выполнение указаний МПС о вывозе всех материалов «без разбору» в Советский Союз потребовало бы много труда и средств на систематизацию, упаковку, провоз по железной дороге и т. п., а материал «ценности не представляет за исключением нескольких десятков дел»¹⁶. Поэтому М. В. Погорецкий предлагал вопрос о вывозе или уничтожении того или иного материала архива КВЖД передать на рассмотрение советской части смешанной советско-китайской комиссии по передаче КЧЖД. В течение ноября-декабря 1952 г. состоялось еще несколько заседаний комиссии по подготовке архивного материала бывшей КВЖД, где был составлен повторный перечень документов для вывоза в СССР, решены текущие вопросы о подшивке дел в обложки, упаковочных материалах для перевозки, уничтожении дублеров, выделении дополнительных работников в помощь комиссии и проч.¹⁷

31 декабря 1952 г. был подписан Заключительный Протокол смешанной советско-китайской комиссии по осуществлению

безвозмездной передачи правительством СССР правительству КНР в полную собственность всех своих прав по совместному управлению КЧЖД со всем принадлежащим дороге имуществом. Согласно пункту 9 соглашения, архивные материалы КЧЖД передавались соответственно обеим сторонам: материалы на китайском языке – китайской стороне, материалы на русском языке – советской стороне. Архивные документы бывшей КВЖД передавались советской стороне по списку, согласованному с китайской стороной¹⁸. 16 января 1953 г. руководители советской и китайской частей смешанной советско-китайской комиссии по передаче КЧЖД Правительству КНР М. Ерогов и Юй Гуаншэн подписали перечень архивных материалов бывшей КВЖД для вывоза в Советский Союз, всего 27 описей на 498 листах¹⁹. Согласно перечню, протоколы Правления КВЖД за 1899–1935 гг., журналы Совета Управления КВЖД, сметы доходов и расходов, отчеты о работе, приказы, циркуляры, распоряжения, чертежи, планы и проч. были переданы в МПС СССР. Печатные материалы – карты, журналы, книги, альбомы с фотографиями, литература на иностранных языках (всего 24 ящика) – передавались библиотеке им. В. И. Ленина. Большинство вернувшихся изданий попали в спецхран библиотеки²⁰.

Что касается личных дел бывших работников и пенсионеров КВЖД, то на каком-то этапе было решено вывезти не только дела «эвакуированных» в СССР в 1930-е гг., но и остальные личные дела служащих дороги. Были подготовлены описи, в которых на январь 1953 г. числилось 6 665 дел: 4 889 личных дел бывших работников КВЖД, 891 дело работников и служащих, выехавших в СССР в 1930-е гг. и 885 дел пенсионеров бывшей КВЖД, выехавших в СССР²¹. Все личные дела были приведены в порядок («вшиты в обложку»), и именно в таком порядке они в настоящее время хранятся в РГИА, причем названия дел и количество листов совпадают с описью 9 фонда 323.

Особенности передачи архивов КНР. Китайской стороне по акту, подписанному 3 апреля 1953 г. бывшим начальником административно-хозяйственного отдела КЧЖД М. В. Погорецким и сменившим его на этом посту Чжен Делином, были переданы следующие материалы бывшей КВЖД (13 описей):

протоколы заседаний Правления и Совета Управления КВЖД; сметы; отчеты; приказы; планы; чертежи. Это были в основном вторые экземпляры документов, подлежащих вывозу в СССР, а также техническая литература, руководства, пособия и прочее²². Китайской стороне передавались также дела пенсионеров КВЖД, оставшихся в Маньчжурии, которым еще выплачивались пенсии от дороги²³. Согласно справке о пенсионерах бывшей КВЖД, составленной 17 октября 1952 г. Н. А. Шимилевичем, на 23 марта 1935 г. список пенсионеров составлял 4 639 чел., не считая пенсионеров китайской национальности. Из них выехало в СССР 2 218 чел., осталось в Маньчжурии 2 136 чел., выехало в другие страны – 105 чел.²⁴ В настоящее время в фонде 323 РГИА содержится около 800 дел пенсионеров КВЖД.

Итоги исследования. Таким образом, часть архива КВЖД осталась в КНР. Скорее всего, эти материалы хранятся в Архиве провинции Хэйлуцзян в Харбине. Тем не менее, благодаря профессионализму работников архива МПС, которые хорошо понимали ценность комплекса документов, большинство материалов КВЖД было перевезено в СССР, причем структура комплектования сохранилась практически полностью. История передачи архива КВЖД из Китая в СССР в 1953 г. еще раз напоминает о важности человеческого фактора в сохранении архивного наследия. Документы КВЖД, хранящиеся в РГИА, ждут своих исследователей и поспособствуют новым научным открытиям.

Примечания

¹ Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). Москва: Русская панорама, 2005. 430 с.

² Аблажей, Н. Н., Ли, Д. Китайская историография о КВЖД и российском присутствии на Северо-Востоке Китая // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 4. С. 73.

³ Самойлов, Н. А., Старовойтова, Е. О., Ходяков, М. В., Янченко, Д. Г. Китайско-Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 205–210.

⁴ Российский государственный исторический архив: путеводитель: в 4 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Лики России, 2012. С. 112.

⁵ Брянкина, Э. А., Рыжак, Н. В. Периодика «Русского Харбина» // Восточная коллекция. 2003. № 1 (12). С. 38–42.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 10. Д. 818. Л. 2–512.

⁷ Там же. Оп. 11. Д. 440. Л. 201.

⁸ Иноземцева, З. П. Архивная информационная среда в воззрениях В. Н. Автократова (1922–1992) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 138–146.

⁹ Образование Китайской народной республики. Документы и материалы. Москва: Госполитиздат, 1950. С. 115.

¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2220. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 1–4.

¹² Там же. Л. 2–3.

¹³ Перечень документальных материалов, образующихся в деятельности МПС и подведомственных ему учреждений, организаций и предприятий железнодорожного транспорта СССР с указанием срока хранения материалов. Москва: Гос. транспортное железнодорожное издательство, 1948. С. 201–205.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2220. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 9–16.

¹⁶ Там же. Л. 13–14.

¹⁷ Там же. Л. 16–33.

¹⁸ Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Москва: КнигоГрад, 2015. С. 73–74.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2230. Л. 5–497.

²⁰ Брянкина, Э. А., Рыжак, Н. В. Периодика «Русского Харбина». С. 40.

²¹ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2220. Л. 226–298.

²² Там же. Д. 2228. Л. 3–146.

²³ Там же. Л. 98–136.

²⁴ Там же. Д. 2220. Л. 27.

Аннотация

Статья посвящена судьбе комплекса архивных документов Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), вывезенных по частям из Китая в СССР в 1935–1953 гг. Актуальность статьи обусловлена тем, что вопрос о судьбе архива КВЖД не поднимался в исследовательской

литературе. Между тем он имеет важное значение не только для архивистов, но и для специалистов, занимающихся проблемами внешней политики Российской империи и СССР, историей российско-китайских отношений, особенностями русского присутствия в Маньчжурии. Вопрос о формировании и вывозе комплекса документов КВЖД тесно увязан с историей дороги, построенной в 1898–1903 гг. на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). В связи с политическими событиями КВЖД несколько раз меняла владельцев и способ управления. За полвека существования дороги был накоплен значительный массив документов, который долительное время оставался разрозненным, но большая часть его находилась в Харбине. В 1952 г. в процессе передачи Китайско-Чанчуньской железной дороги (КЧЖД) Китайской Народной Республике (КНР) встал вопрос о судьбе огромного архива дороги. Первоначально специальная комиссия в Харбине приняла решение уничтожить большинство документов, но Министерство путей сообщения (МПС) СССР настояло на вывозе их в Советский Союз. В статье сделан акцент на процессе решения судьбы архива КВЖД в 1952 г., его разделении, передачи части документов китайской стороне и вывозе основного массива материалов в СССР в 1953 г. Для выяснения обстоятельств, повлиявших на судьбу архива, использован историко-генетический метод. В основу статьи положен принцип сохранения целостности архивной информационной среды. В настоящее время большинство документов, вывезенных из Китая, хранится в фонде 323 «Правление Общества КВЖД» Российского государственного исторического архива (РГИА). Часть документов сосредоточена в Москве и содержится в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ). До 1990 г. фонд 323 в РГИА был недоступен для широкого круга исследователей, но после его рассекречивания документы КВЖД активно используются как для научной работы, так и генеалогических исследований. Автор приходит к выводу, что благодаря профессионализму работников архива МПС, которые понимали ценность комплекса документов, большинство материалов КВЖД были перевезены из КНР в СССР, причем структура комплектования сохранилась практически полностью.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), Китайская Чанчуньская железная дорога (КЧЖД), КНР, СССР, Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Российский государственный исторический архив (РГИА), принцип целостности архивных документов, исторические источники.

Список литературы

Аблажей, Н. Н., Ли, Д. Китайская историография о КВЖД и российском присутствии на Северо-Востоке Китая // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 4. С. 64–82.

Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). Москва: Русская панорама, 2005. 430 с.

Брянкина, Э. А., Рыжак, Н. В. Периодика «Русского Харбина» // Восточная коллекция. 2003. № 1 (12). С. 38–42.

Иноземцева, З. П. Архивная информационная среда в воззрениях В. Н. Автократова (1922–1992) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 138–146.

Самойлов, Н. А., Старовойтова, Е. О., Ходяков, М. В., Янченко, Д. Г. Китайско-Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 205–210.

Сведения об авторах

Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, кафедра международных отношений и политологии, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-921-550-25-37, mary_krot@mail.ru

В редакцию статья поступила 26.02.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-930-942

For citation

Krotova, Maria V. (2024). Fate of the archive of the Chinese Eastern Railroad (CEL). 1898-1953 years, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 930–942, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-930-942

Krotova, Maria V., St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation.

The fate of the archive of the Chinese Eastern Railway (CER). 1898–1953

Abstract

The article is devoted to the fate of the complex of archival documents of the Chinese Eastern Railway (CEL), exported in parts from China to

the USSR in 1935–1953. The relevance of the article is conditioned by the fact that the question about the fate of the CEL archive has not been raised in the research literature. Meanwhile, it is of great importance not only for archivists, but also for specialists dealing with the problems of foreign policy of the Russian Empire and the USSR, history of Russian-Chinese relations, peculiarities of Russian presence in Manchuria. The question about formation and export of the CEL documents complex is closely connected with the history of the road, built in 1898–1903 on the territory of North-Eastern China (Manchuria). In connection with political events CEL changed owners and way of management several times. For half a century of existence of the road a considerable array of documents was accumulated, which remained scattered for a long time, but the most part of it was in Harbin. In 1952, in the process of transferring the China-Changchun Railway (CCR) to the People's Republic of China (PRC), the question of the fate of the huge archive of the railway arose. Initially, a special commission in Harbin decided to destroy most of the documents, but the USSR Ministry of Railways insisted on exporting them to the Soviet Union. The article focuses on the process of deciding the fate of the CEL archive in 1952, its division, transfer of some documents to the Chinese side and export of the main body of materials to the USSR in 1953. The historical and genetic method was used to clarify the circumstances that influenced the fate of the archive. The article is based on the principle of preserving the integrity of the archival information environment. Currently, most of the documents exported from China are kept in the fonds 323 “Board of the CEL Society” of the Russian State Historical Archive (RGIA). Some documents are concentrated in Moscow and are kept in the fonds of the Russian State Archive of Economics (RGAE). Until 1990 the fund 323 in RGIA was inaccessible for a wide range of researchers, but after its declassification the documents of CEL are actively used both for scientific work and genealogical research. The author comes to the conclusion that due to the professionalism of the employees of the archives of the Ministry of Railways, who understood the value of the set of documents, most of the materials of the CEL were transported from the PRC to the USSR, and the structure of acquisition was preserved almost completely.

Keywords

Chinese Eastern Railway (CER), Chinese Changchun Railway (CCR), PRC, USSR, Russian State Archive of Economics (RGAE), Russian State Historical Archive (RGIA), principle of integrity of archival documents, historical sources.

References

- Ablazhey, N. N., Li, D. (2023). Chinese historiography about CEL and Russian presence in the North-East of China, *The New Past*, № 4, pp. 64–82.
- Ablova, N. E. (2005). CEL and Russian emigration in China: international and political aspects of history (the first half of the XX century), Russian Panorama, Moscow, Russia, 430 p.
- Bryankina, E. A., Ryzhak, N. V. (2003). Periodicals of “Russian Harbin”, *Oriental Collection*, № 1 (12), pp. 38–42.
- Inozemtseva, Z. P. (2023). Archival information environment in the views of V. N. Avtokratov (1922–1992), *History and Archives*, vol. 5, № 1, pp. 138–146.
- Samoilov, N. A., Starovoitova, E. O., Khodyakov, M. V., Yanchenko, D. G. (2016). The Chinese-Eastern Railroad – the historical heritage of two nations: prospects for study, *Modern History of Russia*, № 3 (17), pp. 205–210.

About the authors

Krotova, Maria V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics, Department of International Relations and Political Science, Professor, St. Petersburg, Russia, +7-921-550-25-37, mary_krot@mail.ru

The article was received in the editorial office on 26.02.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

Научная статья

УДК 342.395.4+321.014+930.25+321.015+342.32/.33+341.218.4+321.8+321.013+316.42+304.444+651.5+930.253+930.23+304.2+002.63+328.16+328.181+328.182+323.3+37.035.4+323.3.01/.06+323.38+323.39+342.2+342.529+342.33+342.392+342.395.7+342.395.8

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-943-959

Для цитирования

Долгова, А. В. «Пермская катастрофа»: органы местного самоуправления в период Верховного правителя // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 943–959, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-943-959

Долгова, А. В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

**«Пермская катастрофа»:
органы местного самоуправления
в период Верховного правителя**

Актуальность. Тема истории белых правительств по-прежнему находится в центре внимания исследователей¹. Впервые появилась возможность ее изучения в постсоветский период, когда открылся доступ к ранее засекреченным опубликованным материалам и архивным документам. Интерес к теме вызван как неизученным массивом архивных источников, так и желанием пересмотреть прежний методологический подход к изучению истории после революционных событий 1917 г.²

Историографический обзор. Парадокс нынешней ситуации заключается в том, что новые источники не всегда способствуют пересмотру исследователями прежних выводов относительно захвата власти большевиками или политики белых правительств³. Причиной многообразия взглядов стал локальный

характер Гражданской войны: в разных районах были разные масштабы и последствия, различное соотношение политических сил. В историографии данный период или отсутствует полностью, или же изучены только его отдельные аспекты, как то: особенности деятельности РКП(б), развитие образовательных учреждений⁴, деятельность органов местного самоуправления⁵ и земельных комитетов⁶, милиции⁷ и другие⁸. Целый ряд вопросов, касающихся данной темы, был поднят историком В. И. Тетериним в диссертационном исследовании⁹.

Иногда историки выборочно подходили к архивным документам, избегая противоречий с устоявшимся в советской историографии тезисом о «триумфальном шествии Советской власти»¹⁰. Период Верховного правителя определялся как «режим Колчака»¹¹, при этом «большое количество преступлений на территории губернии совершалось военными Сибирской армии под прикрытием борьбы с большевизмом»¹².

В результате успешной военной кампании Сибирской армии удалось вытеснить отряды Красной армии с территории губернии. 24 декабря 1918 г. Пермь была занята войсками 1-го Средне-Сибирского корпуса генерала Р. Гайды¹³.

С 26 декабря 1918 г. руководство губерний приказом Верховного правителя было возложено на губернского комиссара Н. П. Чистосердова. С 10 января 1919 г. постановлением Совета министров Всероссийского Временного Правительства губернский комиссар стал именоваться управляющим губернией¹⁴. В его ведении была деятельность управляющих уездами, милиции и следственных комиссий, земств и городских дум.

При отступлении большевики в спешке вывозили награбленное имущество. 27 января 1919 г. начальник Пермской уездной милиции в рапорте начальнику гарнизона города Перми докладывал: «В начале января 1919 г. вблизи Бахаревского монастыря около разъезда на главной линии железной дороги в домах, расположенных неподалеку деревень, и частью в снегу было найдено разное грабленное имущество из эвакуирующихся большевистских вагонов, кожаный товар и обувь. Прошу дать мне знать, кому передать означенное имущество, пригодное для нужд армии: 14 одеял, 12 пар новых сапог, 28 солдатских рубашек, 30 солдатских наволочек, 300 полотенец, 40 штук

трехлинейных винтовок, 13 хомутов, 15 пар старых ботинок»¹⁵. Позднее выяснилось, что имущество частично было передано в Пермское отделение российского общества Красного креста: 63 мешка ржи, умывальник, самовар, швейная ножная машина¹⁶.

Подпоручик Алексеев Средне-Сибирского корпуса в рапорте начальнику военного контроля подполковнику Никифорову докладывал: «24 декабря 1918 г. при отступлении красными по дороге около 51-го разъезда было разбросано много различных материалов и кожи. Присовокупляю, что брошенное красными имущество было расхищено железнодорожными служащими и монашками Бахаревского монастыря»¹⁷.

В действительности монахини пытались отыскать хоть какие-то вещи из своего имущества, ранее конфискованного большевиками. Сохранился уникальный документ – заявление инокини Помаскиной Ирины Назаровны от 24 февраля 1919 г. на имя главного коменданта города Перми: «В дни злодейского красного большевицкого террора не одни миряне терпели ужасы грабительства и насилия красноармейских правителей. Такому насилию подвергались также и монастыри. Нашу обитель – Бахаревский женский монастырь красноармейцы всеми мерами старались уничтожить и разогнали инокинь и грабили имущество, как монастыря, так и частное имущество инокинь. Прежде всего, считаю долгом объяснить, что инокини женских монастырей вообще и в Бахаревском монастыре, в частности, обязаны иметь собственную, каждая для себя одежду, почему и я, ввиду выше объясненных условий монастырских правил, имела свою собственную одежду и другие необходимые мне вещи и даже продукты питания. Ввиду же большевицких бесцеремонных разграблений, вынуждена была свое имущество, для сохранения, увезти из монастыря и в трех ящиках, на замках, поставить к железнодорожному рабочему Григорию Березину, жившему около 51-го разъезда Перми, Кунгурской железнодорожной линии, где мое имущество и сохранилось до прибытия славных Сибирских войск – наших избавителей. Когда красноармейцы были изгнаны, то по не известным мне причинам, у Березина были произведены обыски, и мои три ящика с вещами были от него отобраны, каковые я лично нашла в канцелярии уездной милиции, но получить свои вещи мне не пришлось.

Несмотря на мои ходатайства, как лично, так и письменно, до настоящего времени уездная милиция и теперь задерживает и не выдает мне мои вещи, и никаких ответов о причинах задержания вещей мне не желают дать. Но так ли должно быть ныне? Изменится время насилий и всяческих несправедливых действий? Всякий имеет право иметь свою собственность, и поэтому мои вещи, я полагаю, должны быть мне возвращены беспрепятственно. Я уже преклонных (65) лет и наживать снова крайне необходимое последнее платье и другие вещи буквально не имею никакой возможности»¹⁸.

С момента основания Бахаревского монастыря в 1863 г. на долю монахинь и прихожан выпало немало испытаний. В период борьбы с религиозной пропагандой здесь были замучены большевиками игуменья Глафира и отец Владимир. В 1921 г. монастырь был окончательно закрыт, а на его месте был открыт санаторий «Подснежник». В наши дни храм восстановлен, но от бывшего величия и красоты его не осталось и следа.

С возобновления работы земств были составлены списки без вести пропавших и расстрелянных большевиками. Неудивительно, что данный архивный фонд был засекречен. Сохранился «Список лиц расстрелянных, без вести пропавших и увезенных арестованными с Нытвинского завода во время господства советской власти»: «М. Я. Журавлева 28 декабря 1918 г. расстреляна чрезвычайной комиссией в Нытвенском заводе, ее труп до настоящего времени найти не могут; Т. Я. Третьякова расстреляна 28 декабря; В. А. Архипов расстрелян 28 декабря 1918 г.; А. Воронина и С. А. Волохова расстреляны красными, Г. И. Батуков увезен неизвестно куда; Клеменс Герман, постоянный обыватель Нытвенского завода, при поступлении на работы в Мотовилихинский завод расстрелян в Мотовилихе; А. А. Шкарин расстрелян в Нытвенском заводе; Каменев Андрияш Иванович расстрелян и утоплен в Каме»¹⁹.

В тот же период земствам, при участии местного населения, пришлось решать судьбу сочувствующих большевикам сельчан. В Оханском уезде Кизвенская волостная управа рассмотрела вопрос о наказании для данной категории лиц и постановила: 5 человек приговорить к общественным работам сроком от 1 до 3 месяцев, 4 человека исключить из граждан волости

на недельный срок, остальных большинством голосов – 113 против 46 «совершенно оправдать»²⁰.

В архивном деле Кизвенской волостной управы хранится список 17 арестованных, уведенных красноармейцами. Все жертвы были педагогическими работниками: 10 женщин и 7 мужчин²¹.

Разрушительной политике подвергся старинный купеческий город Чердынь, что находится на севере Пермского края. Несмотря на то, что революционные события здесь разворачивались позднее, Гражданская война достигла самых отдаленных уголков уезда.

20 мая 1919 г. служащий Чердынской уездной земской управы А. Дьяков управляющему Пермской губернией докладывал о результатах своей поездки в Тулпанскую волость, а именно о причинах отходничества и массовой гибели крестьян сел Печора, Курья, Камешек и Усть-Унья: «Добрался до самого крайнего пункта на Печоре до Камешка, положение ужасное: половина населения перебирается за Урал. Идут семьями и в одиночку. Оставляют все, часть продают, покупать некому. Голодают до невозможности. Образцы деревянного хлеба отсылаю с почтой. Во многих деревнях лошади уведены красными еще прошлым летом. Так, в деревне Собинской осталось на [несколько] дворов одна негодная лошадь. Семян нет. Свиристствует оспа, много умерло, окривело, ослепло. В одной деревне Усть-Унье умерло 18 человек. К осени, наверно, выше не останется ни одного жителя: часть умрет с голода, а остальные перейдут за Урал. Единственной поддержкой является рыба. Масса уток, но бить нечем: нет пистонов и дробы. Барышники воспользовались положением: за бесценок обобрали все ценное – пушнину, масло, яйца, скот, кожи. Мной сообщены цены на главные продукты. Дан кредит на порох при условии, чтобы осенью пушнина и дичь сдавались в кассу мелкого кредита, если последняя организует сбыт продуктов охотного промысла на крупных рынках. Сообщено населению, что земство принимает меры к покупке свинца и пистонов. Обещал населению ходатайствовать перед земством и кооперативными учреждениями, чтобы голодающим были даны в кредит под осеннюю пушнину хлеб, пистоны и дробь. С покупкой скота я запоздал. Дельцы обработали население раньше меня. Необходимо было послать

сюда особого человека тотчас после первого моего доклада. Я закупил лишь 8 коров ценой от 500 рублей до 800 рублей. Скот должен прийти в Чердынь по траве. Гонщик нанят [за] 250 рублей. Земству необходимо организовать закупку жизненных продуктов совместно с кооперативными учреждениями в Чердыни. Иначе дело по-прежнему останется в руках барышников, которые будут покупать продукты за бесценок и сдавать в Чердынь по существующей дороговизне. Народ от этого потеряет вдвойне: продает за бесценок и купит втридорога. Выше деревни Курьи [жизнь] невозможна из-за отсутствия элементарных понятий о законе. Здесь не было закона при Царе, нет его и теперь. Люди стреляют и топят друг друга, грабят, воруют, застрачивают, друг друга боятся. Частью из-за этой боязни, частью из-за боязни вмешательства закона друг друга скрывают. Много бегают от солдатчины, но увертываться от солдатчины, по-видимому, помогают и сельские власти, в том числе и Тулпановская волостная управа. Все пустынные ограблены, необходимо довести об этом до сведения начальника уезда... Народ изнывает от беззакония. Я со своей стороны высказался бы за временную командировку сюда мирового судьи С. А. Жикина в сопровождении минимум пяти стражников: воры, грабители должны быть изъяты из обращения. Побывав здесь, я не могу сказать, чтобы путешествие было для кого-нибудь безопасным. Необходимо поставить на вид Тулпанской волостной земской управе, чтобы она распределяла хлебные пайки равномерно, указывали неоднократно на злоупотребления уже во время власти Сибирского Правительства. Во время моего проезда в одной деревне Пачгина совершено три крупных грабежа: у трех мужиков унесено до нитки. Грабежи совершаются открыто днем. Собинская деревня, по-видимому, вся повинна в грабежах. Грабители живут открыто. Когда за ними по предписанию Тулпанской Следственной комиссии присылаются сельские власти, то грабители отбиваются ружьями и бегут в лес, а после опять выходят. Родственники их скрывают и помогают. Такой случай был на моих глазах, когда в деревне Камешки ловили явного разбойника Зотей Собянина. Для охотничьего промысла кредитом окажите поддержку Тулпанской волости, также как и Троицко-Печорской. Население охотно соглашается сдавать свои товары в кассу мелкого кредита»²².

По поручению члена Чердынской земской управы начальником Чердынской уездной милиции была проведена проверка и 8 июля 1919 г. составлен рапорт управляющему губернией: «Пустынники были ограблены при советской власти членами комитета бедноты гражданами деревни Пачгиной Ф. Лызловым, П. Бурмантовым и М. Сусловым, которые с падением большевиков скрылись, и после подобных грабежей не повторялось. Установлен факт голодовки населения, которое несколько месяцев почти не имеет хлеба и питается мхом, пихтовой корой и мякинами. Такие условия жизни, несомненно, могут содействовать развитию преступности... Не скрою и того обстоятельства, что дело по восстановлению милиционного аппарата в уезде вообще движется очень медленно ввиду отсутствия соответствующих для этих должностей лиц»²³.

Рассматриваемый период отличался высоким уровнем преступности, населению приходилось жить в условиях постоянной опасности. Милиция еженедельно фиксировала весь спектр уголовщины: убийства, растления, изнасилования, грабежи и разбойные нападения, что являлось признаком начавшегося морального разложения Сибирской армии, вполне предсказуемым явлением, вследствие находившихся в Перми солдат, испытывавших физические потребности в питании и женщинах. Раскрыть все преступления не было никакой возможности: катастрофически не хватало финансовых средств, кадров и необходимых политических рычагов. В городе Перми стало небезопасным выходить на улицу, особенно женщинам и детям.

Количество архивных документов только о раскрытых преступлениях поражает воображение, равно как и состав этих преступлений: «16 марта в деревне Данилиной тремя пьяными солдатами 12-го кавалерийского полка похищено у гражданки Симоновой разное имущество, причем один из этих солдат изнасиловал гражданку этой же деревни Осташову, а также покушался на ее убийство. Указанные солдаты задержаны и похищенные от них вещи отобраны и переданы по принадлежности. Дознание виновности солдат передано командиру Сводных Северных отрядов»²⁴; «обнаружено убийство 4 человек: Селивановой Агриппины 22 лет, ее дочери Анны 2 лет, прислуги Екатерины Ширинкиной 16 лет и приказчицы,

проживавших в городе Перми на углу Соликамской и 2-й Загородской улице в доме № 10. Убийство совершено с целью ограбления острым холодным оружием. Опрошенная по сему делу знакомая убитой Селивановой гражданка Гилева показала, что Селиванова имела около 30 тысяч рублей и много золотых вещей, которые похищены. Дознанием установлено, что убийство совершено штабс-капитаном 1-го батальона 1-й Сибирской штурмовой бригады А. И. Зарихановым, старшим унтер-офицером того же батальона, 4-й роты, младшим унтер-офицером той же роты, которые в преступлении сознались и при дознании переданы в распоряжение командира 1-й Сибирской штурмовой бригады вместе с обнаруженными вещами и деньгами»²⁵; «4 марта в 12 часов ночи в городе Перми по Петропавловской улице около дома № 171 прапорщиком 6-го Мариинского полка С. Я. Блохиным-Ксенофонтовым, бывшим в нетрезвом виде, двумя выстрелами из револьвера «Наган» убита девица В. Г. Четверикова 18 лет»²⁶.

По одному из вышеуказанных лиц удалось найти биографическую справку на сайте генеалогического форума: «Блохин-Ксенофонтов Семен Яковлевич, р. 27 янв.1894 в Самарской губ. В службе с 1915. 1-я школа прапорщиков Юго-Западного фронта. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта; на 20 янв. 1919 младший офицер 6-го Мариинского Сибирского стрелкового полка»²⁷.

Аналогичные преступления совершались и красноармейцами, оказавшимися предоставленными самим себе после отступления: «В ночь на 14 марта в Нижнетагильском заводе по Старо-Заводской улице шайкой неизвестных злоумышленников убиты граждане Троицко-Александровской волости Верхотурского уезда Ефим Пылаев 58 лет, его жена Анна Яковлева 48 лет. Похищена лошадь и разное имущество. 30 марта задержаны с украденной лошадью граждане той же волости А. В. Баранов 22 лет, П. Л. Китаев 22 лет, Н. С. Васильев 25 лет (бывшие красноармейцы)»²⁸.

Ситуация усугублялась и другими преступлениями, имевшими место до революции: кражи, поджоги, убийства, изнасилования, вооруженные ограбления: «22 апреля в Надеждинском заводе гражданин Залазнинской волости Глазовского уезда

В. М. Спирин с отцом своим М. Николаевичем, возвратившись из гостей к себе на квартиру, поссорились, после чего Спирин набросился на своего отца, нанес ему побои и откусил губу»²⁹; «1 июня в 5 часов вечера проживающая в Верхотурье крестьянка Камышловского уезда Зырянской волости М. Е. Пермякова 16 лет отправилась в лес за цветом черемухи. Идя по дороге, она встретила неизвестного ей молодого человека, который схватил ее за рукав одежды и потащил в лес, где, несмотря на ее сопротивление и крики, совершил изнасилование, после чего неизвестно куда скрылся. Дознанием установлено, что изнасилование произвел сын местного городского головы, К. П. Ворошилов 19 лет, который при задержании и опросе признал себя виновным лишь в покушении на изнасилование»³⁰.

В милицейских сводках отмечались случаи детоубийства и оставления подкидышей: «10 марта в деревне Подъяльнишной Сабарской волости Кунгурского уезда в ручье был обнаружен труп младенца женского пола, умершего, по заключению фельдшера, от замерзания»³¹; «5 апреля около деревни Даньковой Зырянской волости Камышловского уезда в проруби найден труп новорожденного младенца – мальчика»³²; 24 апреля на приходском кладбище села Тихановского Кунгурского уезда гражданкой деревни Ключи той же волости Е. И. Котельниковой обнаружен труп непогребенного младенца, искусанный собаками, недалеко от него находился и гроб»³³; «12 мая в заводе Серебрянском Чернойярской волости Кунгурского уезда Таисия Михайловна Ершова рожденного ею ребенка живого похоронила на кладбище на верху могилы»³⁴; «24 апреля в 11 часов ночи к дому гражданина деревни Беркутова Филипповской волости Кунгурского уезда А. Е. Кузнецова неизвестно кем подкинут ребенок Глафира»³⁵.

В Пермском уезде произошел вопиющий случай, когда смена власти стала поводом свести счеты с собственной жизнью и жизнью своих детей: «23 марта 1919 г. гражданин Юговской волости П. Д. Билев 36 лет в своем доме зарезал ножом своих детей: сына двух лет, дочь Раису 5 лет, а затем, выпив флакон неразведенной эссенции на 5 бутылок, тем же ножом перерезал себе горло до самого позвоночника. Был отправлен в местную больницу, где через 5 часов скончался. Совершая описанное преступление, Билев оставил записку, из которой видно, что он коммунист,

и, лишившись возможности поступить куда-либо на службу, ввиду отсутствия средств, покончил с детьми и с собой»³⁶.

Вплоть до начала летних месяцев с мест не поступало донесений о приближении фронта, и драгоценное время для проведения эвакуации было упущено. Из рапорта управляющему Пермской губернией начальника гарнизона города Осы от 17 июня 1919 г.: «С 18 июня назначается эвакуация города, правительственных учреждений и должностных лиц. Местом эвакуации назначается Юго-Камский завод Осинского уезда. Территория Осинского уезда неприятелем пока не занята. Большинство эвакуированных тыловых воинских частей находятся в Осе, а некоторые расположены в уезде. Эвакуация гражданского населения Осы и прикамских волостей в полном ходу, заготавливаются подводы. По приказанию прибывшего вчера в Осу генерал-лейтенанта Вержбицкого милиция из Осы будет эвакуироваться, когда последует особое распоряжение генерала. В связи с эвакуацией наблюдается подпольная агитация большевиков. Меры принимаются. От генерала Вержбицкого в этом отношении мною получены определенные указания»³⁷.

Таким образом, в губернском городе и уездах, где еще недавно жизнь была спокойной и размеренной, стали твориться беззакония. Гражданская война породила безвластие, произвол и безнаказанность.

Сибирская армия потерпела поражение не потому, что была хуже оснащена, не имела достаточной поддержки, либо по каким-то другим подобным причинам, а из-за внутреннего морального разложения. Ее время прошло. Солдаты больше не хотели подчиняться устаревшим принципам. О якобы существовавшем в губернии «режиме Колчака» не может быть и речи. Была деятельность земств и городских дум, служащие которых безуспешно пытались восстановить порядок. Праздно шатающимся по городу военнослужащим Сибирской армии не было дела ни до Верховного правителя, ни до борьбы с большевизмом.

Картину всеобщего хаоса дополнял приток беженцев из разных регионов, искавших спасения там, где не было войны, попутно ими распространялись слухи о красном терроре, эти слухи сеяли панику и наводили ужас на местное население. Надвигалась очередная волна большевистского насилия.

Примечания

¹ Lazari De, A. (2019). The Russian Bear and the Revolution: The Bear Metaphor for Russia in Political Caricatures of 1917–1918, *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, vol. 9, № 2, pp. 325–345.

² Посадский, А. В. На линии фронта: белая армия и население // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 2. С. 339–349; Посадский, А. В. Белый тыл на Юге в 1918–1920 гг.: общий итог реформ и контрреформ // Реформы и контрреформы в России в Новое и Новейшее время: материалы международной научной онлайн-конференции. Москва, 21 мая 2021 г. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 186–205; Посадский, А. В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В. В. Калашников. Санкт-Петербург: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 86–90.

³ Foglesong, D. S. Delusions of democracy: James Houghteling, Butler Wright, and American misconceptions about revolutionary Russia // *Americana: Сборник статей*. Вып. 16. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2020. С. 49–64; Richard, Sacwa (2010). *The Crisis of Russian Democracy*, University of Kent, Canterbury, p. 7; Engelstein, Laura (2018). *Russia in flames: war, revolution, civil war, 1914–1921*, cop., Oxford univ. press, New York, USA, 832 p.

⁴ Кудинов, Е. В. Деятельность белогвардейских правительств в 1918–1919 гг. и развитие системы общеобразовательных учреждений на Урале // *Историко-педагогические чтения*. 2020. № 24. С. 109–116.

⁵ Тетерин, В. И. Система местного самоуправления в Пермской губернии при правительстве А. В. Колчака // *Омский научный вестник*. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 43–48.

⁶ Тетерин, В. И. Восстановление и деятельность земельных комитетов Пермской губернии в условиях режима А. В. Колчака (ноябрь 1918 – июль 1919 г.) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5 (93). С. 617–625; Тетерин, В. И. Органы местного самоуправления Пермской губернии в условиях мобилизации служащих в 1919 году // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета*. Серия: Культура, история, философия, право. 2018. № 1. С. 132–139.

⁷ Тетерин, В. И. От сыска к розыску: уголовный розыск Пермской губернии в годы революции и Гражданской войны // *Омский научный вестник*. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 1. С. 40–47.

⁸ Retish, Aaron B. (2008). *Russia's peasants in revolution and civil war: citizenship, identity, and the creation of the Soviet state, 1914–1922*, Cambridge univ. press, Cambridge, USA, 294 p.

⁹ Тетерин, В. И. Трансформация системы местного самоуправления Пермской губернии в условиях революции: март 1917 – апрель 1918 г. Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 253 с.

¹⁰ Довгяло, В. К. Становление и развитие органов милиции на территории Пермской губернии: февраль 1917 – март 1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004. 296 с.

¹¹ Тетерин, В. И. Аграрная деятельность Пермского земства в условиях колчаковского режима // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 2. С. 47–50.

¹² Довгяло, В. К. Указ. соч. С. 194–195.

¹³ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Предисловие к фонду Р-746 «Управляющий Пермской губернией МВД Временного Всероссийского правительства Колчака (1918–1919)».

¹⁴ ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 4. Л. 20.

¹⁵ Там же. Д. 53. Л. 15–16.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 27.

¹⁸ Там же. Д. 31. Л. 59 об.

¹⁹ Там же. Д. 58. Л. 7.

²⁰ Там же. Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 11. Л. 17 об.

²¹ Там же. Л. 9.

²² Там же. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 29. Л. 21, 21 об.

²³ Там же. Л. 18, 19, 19 об.

²⁴ Там же. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 17, 17 об.

²⁶ Там же. Л. 3, 3 об.

²⁷ Всероссийское Генеалогическое Древо. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://forum.vgd.ru> (дата обращения 07.02.2024).

²⁸ ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 58. Л. 10.

²⁹ Там же. Д. 55. Л. 61.

³⁰ Там же. Д. 54. Л. 122, 122 об.

³¹ Там же. Д. 63. Л. 4 об.

³² Там же. Д. 58. Л. 20.

³³ Там же. Д. 66. Л. 15.

³⁴ Там же. Д. 63. Л. 21.

³⁵ Там же. Д. 68. Л. 16 об.

³⁶ Там же. Д. 58. Л. 8.

³⁷ Там же. Д. 54. Л. 49.

Аннотация

Статья посвящена социально-политической обстановке в Пермской губернии в период Верховного правителя. Основой исследования послужили впервые введенные в научный оборот документы фонда Р-746 Государственного архива Пермского края (ГАПК) – «Управляющий Пермской губернией Министерства внутренних дел Временного Всероссийского правительства». В пермский архив документы поступили на секретное хранение в 1940 г. из Свердловского областного архива, и до 1994 г. доступ к ним был ограничен. Рукописи и машинописные тексты представляют собой рапорты начальников милиции, ежемесячные ведомости уголовных преступлений, переписку земских служащих с Управляющим губернией. Примечательно, что в одном из документов упоминается имя генерала Г. А. Вержбицкого. Наибольший интерес представляют собой донесения управляющих уездами о ходе мобилизации и о политических настроениях населения в условиях смены власти. В городе Перми и уездах в те дни разворачивалась трагедия. Положение усугублялось эпидемией тифа, распространяемого солдатами, инфляцией, прекращением работы заводов, мобилизациями, наплывом беженцев. Составленные земскими служащими списки расстрелянных граждан свидетельствуют о том, что большевистский террор пришелся на конец декабря 1918 г., что объяснялось сменой военно-политической обстановки на Восточном фронте. Как ни парадоксально, но тезис о временных неудачах Красной армии и сдача Перми выглядят вполне правдоподобными, в том смысле, что это не была «катастрофа» всего Восточного фронта, поскольку говорить об устойчивости власти Верховного правителя в губернии не приходится. С другой стороны, та обстановка, которая сложилась в первой половине 1919 г., была по-настоящему катастрофической. В обнаруженных архивных документах содержится информация, достаточная для утверждения о том, что в рассматриваемый период местные жители не испытывали какого бы то ни было избавления от тягот Гражданской войны, несмотря на титанические усилия земских служащих по восстановлению порядка. Цель работы – показать на примере ранее не опубликованных архивных документов социально-политическую обстановку в Пермской губернии. Объект исследования – органы местного самоуправления, уездные и волостные земства, городская милиция, предмет – реалии социально-политической жизни после декабря 1918 г. Основными методами исследования стали проблемно-хронологический и сравнительно-исторический. Оба метода и приведенные автором источники позволили восстановить последовательность событий после декабря 1918 г. и проанализировать отношение населения к смене власти.

Ключевые слова: Гражданская война, Пермская губерния, земства, Верховный правитель, А. В. Колчак, архив, преступления, милиция, Управляющий Пермской губернией, Белое движение.

Список литературы

Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В. В. Калашников. Санкт-Петербург: СПб-ГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. 407 с.

Кудинов, Е. В. Деятельность белогвардейских правительств в 1918–1919 гг. и развитие системы общеобразовательных учреждений на Урале // Историко-педагогические чтения. 2020. № 24. С. 109–116.

Посадский, А. В. На линии фронта: белая армия и население // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 2. С. 339–349.

Посадский, А. В. Белый тыл на Юге в 1918–1920 гг.: общий итог реформ и контрреформ // Реформы и контрреформы в России в Новое и Новейшее время: материалы международной научной онлайн-конференции, Москва, 21 мая 2021 г. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 186–205.

Посадский, А. В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В. В. Калашников. Санкт-Петербург: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 86–90.

Тетерин, В. И. Восстановление и деятельность земельных комитетов Пермской губернии в условиях режима А. В. Колчака (ноябрь 1918 – июль 1919 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 5 (93). С. 617–625.

Тетерин, В. И. Органы местного самоуправления Пермской губернии в условиях мобилизации служащих в 1919 году // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия: Культура, история, философия, право. 2018. № 1. С. 132–139.

Тетерин, В. И. От сыска к розыску: уголовный розыск Пермской губернии в годы революции и Гражданской войны // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 1. С. 40–47.

Тетерин, В. И. Система местного самоуправления в Пермской губернии при правительстве А. В. Колчака // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 43–48.

Тетерин, В. И. Аграрная деятельность Пермского земства в условиях колчаковского режима // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 2. С. 47–50.

Engelstein, Laura (2018). *Russia in flames: war, revolution, civil war, 1914–1921*, cop., Oxford univ. press, New York, USA, 832 p.

Lazari De, A. (2019). The Russian Bear and the Revolution: The Bear Metaphor for Russia in Political Caricatures of 1917–1918, *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, vol. 9, № 2, pp. 325–345.

Retish, Aaron B. (2008). Russia's peasants in revolution and civil war: citizenship, identity, and the creation of the Soviet state, 1914–1922, Cambridge univ. press, Cambridge, USA, 294 p.

Richard, Sacwa (2010). The Crisis of Russian Democracy, University of Kent, Canterbury, 418 p.

Сведения об авторах

Долгова Анжела Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, кафедра гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация, 8-926-557-68-52, angela_dol@mail.ru

В редакцию статья поступила 16.02.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.06.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2024-3-943-959

For citation

Dolgova, Angela V. (2024). “Perm catastrophe”: local self-government bodies in the period of the Supreme ruler, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 943–959, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-943-959

Dolgova, Angela V., Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

“Perm catastrophe»: local self-government bodies in the period of the Supreme Ruler

Abstract

The article is devoted to the socio-political situation in Perm province during the period of the Supreme Ruler. The research is based on the documents of the fund R-746 of the State Archive of the Perm Region (GAPK) – “Manager of the Perm Province of the Ministry of Internal Affairs of the Provisional All-Russian Government”, which were first introduced into scientific circulation. The Perm archive received the documents for secret storage in 1940 from the Sverdlovsk regional archive, and access to them was limited until 1994. Manuscripts and typewritten texts are reports of police chiefs, monthly statements of criminal offenses, correspondence of zemstvo employees with the Governor of the province. It is noteworthy that one of the documents mentions the name of General

G. A. Verzhbitsky. Of greatest interest are the reports of district governors on the progress of mobilization and on the political mood of the population under the change of power. A tragedy was unfolding in the city of Perm and its districts in those days. The situation was aggravated by an epidemic of typhus spread by soldiers, inflation, the cessation of work of factories, mobilizations, and an influx of refugees. The lists of executed citizens compiled by the zemstvo clerks show that the Bolshevik terror fell at the end of December 1918, which was explained by the change in the military and political situation on the Eastern Front. Paradoxically, the thesis about the temporary failures of the Red Army and the surrender of Perm looks quite plausible, in the sense that it was not a “catastrophe” of the entire Eastern Front, since we cannot speak about the stability of the Supreme Ruler’s power in the province. On the other hand, the situation in the first half of 1919 was truly catastrophic. The discovered archival documents contain information sufficient to assert that during the period in question the local residents did not experience any relief from the hardships of the Civil War, despite the titanic efforts of zemstvo employees to restore order. The aim of the paper is to show the socio-political situation in Perm province by the example of previously unpublished archival documents. The object of the study is local self-government bodies, county and volost zemstvos, town militia, the subject is the realities of socio-political life after December 1918. The main methods of the study were the problem-chronological and comparative-historical. Both methods and sources cited by the author allowed to restore the sequence of events after December 1918 and to analyze the attitude of the population to the change of power.

Keywords

Civil War, Perm Province, zemstvos, Supreme Ruler, A. V. Kolchak, archive, crimes, militia, Governor of Perm Province, White Movement.

References

- Kalashnikov, V. V. (Ed.) (2018). *The Civil War in Russia: a look through 100 years. Problems of history and historiography*, SPbGETU “LETI”, St. Petersburg, Russia, 407 p.
- Kudinov, E. V. (2020). Activity of the White Guard governments in 1918–1919 and the development of the system of general educational institutions in the Urals, *Historical and pedagogical readings*, № 24, pp. 109–116.
- Posadsky, A. V. (2023). On the front line: the White Army and the population, *The Newest History of Russia*, vol. 13, № 2, pp. 339–349.
- Posadsky, A. V. (2022). White rear in the South in 1918–1920: the overall outcome of reforms and counter-reforms. IN: *Reforms and counter-reforms in Russia in the New and Modern Times: proceedings of the international scientific online conference, Moscow, May 21, 2021, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*, pp. 186–205.

- Posadsky, A. V. (2018). Answers to questions on the history of the Civil War in Russia. IN: *The Civil War in Russia: a look through 100 years. Problems of history and historiography*. Kalashnikov (ed.), SPbGETU “LETI”, St. Petersburg, Russia, pp. 86–90.
- Posadsky, A. V. (2022). Restoration and activity of the land committees of Perm province under the regime of A. V. Kolchak (November 1918 – July 1919), *Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 24, № 5 (93), pp. 617–625.
- Posadsky, A. V. (2018). Local self-government bodies of Perm province in the conditions of mobilization of employees in 1919, *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Series: Culture, history, philosophy, law*, № 1, pp. 132–139.
- Posadskiy, A. V. (2020). From investigation to search: criminal investigation of Perm province in the years of revolution and Civil War, *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, vol. 5, № 1, pp. 40–47.
- Posadsky, A. V. (2022). The system of local self-government in Perm province under the government of A. V. Kolchak, *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, vol. 7, № 2, pp. 43–48.
- Teterin, V. I. (2019). Agrarian activity of the Perm zemstvo in the conditions of the Kolchak regime, *Omsk scientific bulletin. Series: Society. History. Modernity*, vol. 4, № 2, pp. 47–50.
- Engelstein, Laura (2018). *Russia in flames: war, revolution, civil war, 1914–1921*, cop., Oxford univ. press, New York, USA, 832 p.
- Lazari De, A. (2019). The Russian Bear and the Revolution: The Bear Metaphor for Russia in Political Caricatures of 1917–1918, *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, vol. 9, № 2, pp. 325–345.
- Retish, Aaron B. (2008). *Russia’s peasants in revolution and civil war: citizenship, identity, and the creation of the Soviet state, 1914–1922*, Cambridge univ. press, Cambridge, USA, 294 p.
- Richard, Sacwa (2010). *The Crisis of Russian Democracy*, University of Kent, Canterbury, 418 p.

About the authors

Dolgova, Angela V., PhD (History), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Department of Humanities, Moscow; Russian Federation, 8-926-557-68-52, angela_dol@mail.ru

The article was received in the editorial office on 16.02.2024, recommended for publication on 20.06.2024.

РЕДАКЦИЯ медиагруппы: «Вестник архивиста» (печатная версия); сетевые журналы «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) – на русском языке; «Вестник архивиста.com» (www.herald-of-an-archivist.com) – на английском языке; «Вестник архивиста.TV» (www.tv.vestarchive.ru) – видеожурнал; «Вестник архивиста.Vk.com» (www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com)

И. А. Анфертьев – доктор исторических наук, главный редактор (г. Москва, Российская Федерация); В. В. Борисов – редактор и системный администратор сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); М. Е. Заболотникова – дизайн и верстка (г. Москва, Российская Федерация); З. П. Иноземцева – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора (г. Москва, Российская Федерация); М. С. Исакова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан); С. В. Кулинок – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь); К. И. Ляшенко – магистр истории, заместитель главного редактора (шеф-редактор сетевых журналов) (г. Москва, Российская Федерация); Д. И. Петин – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Сибирском федеральном округе (г. Омск, Российская Федерация); В. Б. Прозорова – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе (г. Париж, Франция); Д. В. Савин – ведущий научный редактор (г. Москва, Российская Федерация); О. Н. Солдатова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Приволжском федеральном округе (г. Самара, Российская Федерация).

EDITORIAL STAFF of the magazines group: 'Herald of an Archivist' (printed version), 'Herald of an Archivist.ru' (www.vestarchive.ru), 'Herald of an Archivist.com' (www.herald-of-an-archivist.com), 'Herald of an Archivist.TV' (www.tv.vestarchive.ru), 'Herald of an Archivist' (www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com)

I. A. Anfertiev – doctor of historical sciences, editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); V. V. Borisov – editor and system administrator of the supplements to print magazine – online magazines (Moscow, Russian Federation); M. E. Zabolotnikova – design and lead out (Moscow, Russian Federation); Z. P. Inozemtseva – PhD in History, deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); M. S. Isakova – doctor of historical sciences, director of the magazine branch in Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan); S. V. Kulinok – PhD in History, director of the magazine branch in Belarus (Minsk, Belarus); K. I. Lyashenko – Master of History, deputy editor-in-chief (managing editor of the supplements to print magazine – online magazines) (Moscow, Russian Federation); D. I. Petin, PhD in History, director of the magazine branch in the Siberian Federal District (Omsk, Russian Federation); V. B. Prozorova – PhD in History, director of the magazine branch in Europe (Paris, France); D. V. Savin – leading scientific editor (Moscow, Russian Federation); O. N. Soldatova – doctor of historical sciences, director of the magazine branch in the Volga Federal District (Samara, Russian Federation).

Допечатная подготовка выполнена в Издательском центре
Российского государственного гуманитарного университета (ИЦ РГГУ).

Подписано в печать 20.09.2024 г. Формат 60 × 84¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 19,5. Усл. печ. л. 18,6.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2047

Отпечатано: ИЦ РГГУ, 125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.

Prepress by the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities.

Signed to print 20.09.2024. Format 60 × 84¹/₁₆. Volume of 20 printed sheets.

Print run of 1000 copies.

Printed in the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities,

Miuskaya sq., 6, Moscow, GSP-3, 125047